

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

На правах рукописи

Ван Вэньцзя

**Семейная ссора как лингвокультурный феномен
в русской речевой практике**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
доцент **Шалина И. В.**

Екатеринбург

2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ФРЕЙМ КОММУНИКАТИВНОГО СОБЫТИЯ	22
«СЕМЕЙНАЯ ССОРА»	22
1.1. Понятие <i>фрейм</i> в когнитивной лингвистике.....	22
1.2. Фрейм в его соотношении с другими когнитивными структурами	36
1.3. Семейная ссора как коммуникативное событие	44
1.4. Общая характеристика событийного фрейма «семейная ссора»	55
1.5. Терминалы-слоты событийного фрейма «семейная ссора» и их наполнение по данным русских паремий.....	61
Выводы по первой главе	86
Глава 2. РЕЧЕДЕЯТЕЛЬНОСТНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОБЫТИЙНОГО ФРЕЙМА «СЕМЕЙНАЯ ССОРА»	89
2.1. Коммуникативное событие в аспекте прагматики	89
2.2. Динамическое воплощение событийного фрейма «семейная ссора»	97
2.2.1. Терминал МЕСТО	97
2.2.2. Терминал ВРЕМЯ И ПРОТЯЖЕННОСТЬ	108
2.2.3. Терминал УЧАСТНИКИ.....	121
2.2.4. Терминал АГРЕССИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ (НЕРЕЧЕВЫЕ) ДЕЙСТВИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ	133
2.2.4.1. Предконфликтная ситуация.....	142
2.2.4.2. Конфликтная ситуация.....	150
2.2.5. Терминал РЕЗУЛЬТАТ	169
2.2.6. Терминал ОЦЕНКА.....	184
Выводы по второй главе	189
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	193
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНИКОВ	197
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	200
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	202

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено изучению семейной ссоры на материале паремий (преимущественно XIX в.) как феномена традиционной культуры и современной живой разговорной и драматургической речи. Гуманитарное знание рассматривает семью как особую универсалию русской культуры, уникальный социокультурный феномен, «целый остров духовной жизни» [Ильин 2012: 127], источник важнейших для народа ценностей как наиболее фундаментальных характеристик культуры, ментально значимых представлений, установок, стереотипов, запретов и предписаний. Новая междисциплинарная наука о семье – фамилистика – рассматривает семейное бытие как один из основополагающих способов существования человека.

Семья – самое первое общественное объединение в человеческой истории, первичное лоно человеческой культуры. Семейные отношения принадлежности появились раньше отношений экономических и государственных. Согласно «Словарю русской ментальности», семья представляет собой «родственную связь по свойству или общность по имени предка (фамилия) – в отличие от кровного родства и близости дружбы» [СРМ 2014 Т. 2: 232]. Собственно русское представление о семье складывается в XVI–XVII вв.: метонимические переносы значений в слове прошли путь от понимания семьи как ‘жена’ (*милая моя семеюшка*) через ‘жена и дети’ (*бессемейный – ‘без жены и детей’*) – ‘все заодно’, т.е. ‘единомышленники’ (семейственность) [СРМ 2014 Т. 2: 232–233]. Таким образом, семья представляет собой малую социальную группу, микроколлектив, характеризующийся отграниченностью от других коллективов, целокупностью, органическим единством и внутренними семейными связями. Можно утверждать, что семантика общности, целостности, замкнутости прослеживается в таксономических предикатах, включенных в состав разных дефиниций семьи: семья есть *ячейка, союз, общность, «маленькое целое», «целый остров духовной*

жизни». Члены семьи связаны, прежде всего, близкородственными отношениями – *родители-дети* (возможно, также отношениями *дальнего родства*).

Онтологическая первичность и аксиологическое первенство семьи ставят ее выше любых других социальных образований. Именно в семье начинается социализация личности, т.е. процесс приобретения ею значимых в социокультурном плане ориентиров сознания и поведения: отрабатываются механизмы коммуникативного взаимодействия, закладывается и формируется «отношение человека к жизни и людям, происходит усвоение им основных нравственных норм» [Крысин 1989: 79]. Семья по праву считается «естественным источником создания культурной бытовой среды» [Стернин 2002: 149]. Культура внутрисемейного поведения – кооперативного или деструктивного – в значительной мере осуществляется под влиянием тех мировоззренческо-этических установок, которые передаются старшими членами семьи младшим, формируется «примером старших и авторитетных, процессом аккультурации, нередко и принуждением» [Верещагин, Костомаров 2005: 35].

В течение всей своей жизни человек остается «живым символом семейственного духа» [Ильин 2012: 123], который формируется под влиянием разнообразных сторон жизни, подвергающейся постоянным изменениям. Современная релятивистская культура, позиционирующая себя в качестве альтернативы всем формам культуры традиционной, характеризуется подрывом идеалов семейной жизни, серьезным кризисом семейных ценностей. Приметы кризиса – сниженный образ «человека семейного», выхолащивание таких понятий, как материнство, детство, святость брака; утрата высоких образов мужа и жены; разрыв межпоколенных связей; создание новых семейно-брачных форм; семейные конфликты.

В современной русистике накоплен немалый опыт описания концептосферы «семья», представлены разные подходы: системно-структурный, когнитивный, психолингвистический, социолингвистический, коммуникативно-прагматический, риторический, этнолингвистический, речеганровый. Предметом описания становились концепты «семья» (Е. В. Добровольская 2005; Г. А. Гуняшова 2007;

М. В. Матвеева 2007; А. С. Сказко 2005; Н. Н. Рухленко 2005; Е. З. Киреева 2008; С. Ш. Схалыхова 2008; Ю. В. Железнова 2009; А. С. Трущинская 2009; О. Ю. Бутто 2010; М. К. Гулкянн 2010; Н. Н. Занегина 2011; Е. А. Кострубина 2011; Ани Рахмат 2013 и др.); «родство» (О. Н. Трубачев 1959; Т. П. Ломтев 1964; Сун Чжилань 2005; «Категория родства в языке и культуре» (2009); М. М. Лютянская 2009; Т. А. Шайхуллин 2012; и др.); «брак» (С. Ш. Схалыхова 2008; М. В. Михалева 2009 и др.); «дом» (А. В. Медведева 2001; Ли Ли 2006; Д. Р. Валеева 2010 и др.); семейный язык и семейная коммуникация (Л. А. Капанадзе 1989; Е. Ю. Кукушкина 1989; Я. Т. Рытникова 1996а, 1996б; М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова 1999; А. В. Занадворова 2001; К. Ф. Седов 2004; Е. В. Бондаренко 2010; А. Ю. Байкулова 2015 и др.); этнография семейной повседневности (Ю. В. Эмер 2008; А. Н. Кушкова 2016) и др.

Объектом зарубежной фамилистики является нуклеарная семья как социальная группа, представленная межличностными отношениями и межпоколенными связями индивидов (Z. Bauman 2003; E. Beck-Gernsheim 2002; A. Giddens 2013 и др.). Американские исследователи изучают механизмы становления семейной идентичности, описывают семейные практики и ритуалы, опираясь преимущественно на нарративный и автобиографический методы, методы опроса и интервьюирования (E. W. Jensen, S. A. James, W. T. Boyce, S. A. Hartnett 1983; P. S. Volea 1996; J. R. Gillis 1996; E. H. Pleck 2001). В работах К. Дейли, например, анализируются рассказы респондентов о прошедших семейных событиях, транслирующие память семейного опыта [См.: К. J. Daly 2001]. Проблемам семейной культуры и выявления паттернов семейной жизни посвящены труды Д. Жерома, Р. Ларсона и М. Ричардса. С. Волин и Л. Беннет выявляют функции семейных ритуалов и семейных праздников, стереотипы семейного взаимодействия [См.: S. J. Wolin, L. A. Bennett 1984; D. Jerrome 1994; R. Larson, M. H. Richards 1994]. Подчеркивается необходимость изучения повседневного социально-речевого взаимодействия в семье [См.: D. H. J. Morgan 2013]. Обзор зарубежных источников показывает, что усилия ученых направлены

на выявление новых форм семейной коммуникации в опоре на современные информационно-коммуникативные технологии.

Степень разработанности проблемы. Семейная конфликтология – относительно новая область исследования речевого быта семьи. Как самостоятельное направление конфликтология выделилась в социологии в конце 50-х гг. XX в. Феномен конфликта попал и в поле зрения зарубежных лингвистов (Paul Watzlawick, Janet Helmick Beavin, Don D. Jackson 1967; Gerald R. Miller, Herbert W. Simons 1974; Brent D. Ruben 1978 и др.).

В России лингвистическое осмысление конфликтов было начато в конце 80-х годов XX века [См.: Шкатова 2005]. «Речевая конфликтология – новая и пока мало исследованная область междисциплинарного знания, которая привлекает данные и методы философии, психологии, социологии, риторики, культурологии для изучения речевой стороны многообразных ситуаций нашей жизни, так или иначе содержащих элемент конфликтности – скрытой или явной, потенциальной или реализованной» [Дымарский 2008: 3]. Настоящее исследование опирается на труды теоретического и прикладного характера, посвященные многоаспектному описанию концепта речевого конфликта.

Социолингвистические аспекты изучения речевого конфликта связаны с учетом социально-ролевого статуса личности. Ролевые поведенческие конфликты рассматриваются в работах В. И. Карасика 2002; А. В. Дмитриева 2009; В. И. Беликова, Л. П. Крысина 2016 и др. Психолингвистические аспекты изучения конфликтов посвящены выявлению речедеятельностной специфики, особенностей возникновения и протекания деструктивного взаимодействия, типов конфликтных языковых личностей (А. А. Леонтьев 1997; В. И. Жельвис 1991; И. Н. Горелов, К. Ф. Седов 1997 и др.).

Предметом изучения лингвистов становились конфликтогенные языковые и речевые маркеры (В. Ю. Апресян 2003; А. Т. Анисимова 2004; С. Г. Ильенко 2008; Н. А. Купина, И. В. Шалина 2008 и др.). Лингвокогнитивные проекции сделали возможным моделирование конфликтной ситуации в опоре на разнообразные когнитивные структуры – фрейм, сценарий (В. О. Мулькеева 2005; И. Н. Борисова

2008; О. С. Волкова 2009; С. Р. Дадян 2012 и др.). В рамках этнолингвистики и теории межкультурной коммуникации рассматривается национально-культурная специфика речевого конфликта (О. П. Королева 2002; Н. С. Гюрджян 2008; Ю. В. Вознесенская 2010; Л. А. Махина 2017 и др.).

Речевое конфликтное взаимодействие становится объектом коммуникативно-прагматических исследований (В. С. Третьякова 2003а, 2003б, 2004; П. А. Рудов 2005; Т. А. Воронцова 2006; Н. А. Белоус 2008; Н. Н. Кошкарлова 2009, 2015 и др.). В рамках данного направления выявляются, описываются и систематизируются речеповеденческие стратегии и тактики (Н. В. Муравьева 2002; Т. В. Дубровская 2003; К. Ф. Седов 2003, 2005; Л. А. Шкатова 2005; О. С. Иссерс 2008, 2016; А. В. Ланских 2008; С. В. Доронина 2009; Д. О. Жучков 2010; Ю. В. Щербинина 2012; З. К. Темиргазина 2017 и др.).

В научное поле речевой конфликтологии попадают проблемы коммуникативных неудач как источника конфликтов (Е. Ю. Падучева 1982; Б. Ю. Городецкий, И. М. Кобозева, И. Г. Сабурова 1985; О. П. Ермакова, Е. А. Земская 1993; Н. И. Пушина, Н. В. Маханькова, Е. А. Широких 2015 и др.); гендерная составляющая конфликтного поведения (И. В. Коноваленко 2003; Е. Ю. Гетте 2004; Г. Е. Крейдлин 2005; В. А. Ефремов 2009; И. Е. Жмурин 2013 и др.); жанровые формы конфликтного речевого взаимодействия (Е. Ю. Шейгал 2000; В. В. Дементьев 2006; В. Е. Ершова 2013; О. Ю. Усачева 2013 и др.) и многое другое.

Исследуя речевой конфликт, ученые обращаются также к проблемам оптимизации речевого взаимодействия: способам преодоления конфликта (Grice Н. Р. 1975; G. N. Leech 1983; Д. Карнеги 1992; И. А. Стернин 1996; Е. В. Ключев 1998; Н. И. Формановская 2002; Д. В. Иванова 2010 и др.), формам интолерантности, обучению толерантному речевому поведению (А. В. Логинов 2005; О. А. Михайлова 2005; А. В. Перцев 2005 и др.).

Лингвоконцептная интерпретация ссоры как разновидности конфликта делает возможным выявление понятийного, образного и ценностного аспектов анализа. Фразеологизмы, паремии, афористические высказывания, привлекаемые

в качестве материала исследования, позволяют реконструировать конфликтную ситуацию, условия ее возникновения (К. М. Тангир 2007; И. В. Горбань 2010; Е. Ю. Пономарева 2011; Е. Ю. Никтовенко 2015 и др.).

Жанроведческий подход (М. Ю. Федосюк 1993; Т. Г. Рабенко 2013; Белозерова 2016 и др.) позволяет выявить жанрообразующие признаки ссоры, рассматриваемой как фатический нериторический речевой жанр, который «отражает и оформляет в знаковых формах типические ситуации социально-бытовых конфликтов» [Белозерова 2016: 54].

Деструктивная семейная коммуникация – перспективное направление речевой конфликтологии. Семейные конфликты становились предметом научного интереса Е. Ю. Яковлевой (конфликтная ситуация в семейном диалоге) 2000; В. С. Анохиной (фрейм ссоры) 2009; 2012; И. В. Шалиной (семейные конфликты на стыке лингвокультур) 2010; Я. А. Волковой (лингвокультурный типаж «злая свекровь») 2012; А. Н. Байкуловой (речевое общение свекрови и невестки) 2014; С. А. Кидямкиной (семейные аномалии) 2014; К. В. Ниловой (межпоколенческий семейный конфликт) 2015 и др. Тем не менее, еще не получили достаточной разработки в русистике проблемы описания видов семейных ссор, выявления речеповеденческой специфики носителей той или иной лингвокультуры в ситуации ссоры, лингвоаксиологические аспекты семейных конфликтов. Нет работ, в которых предпринята попытка комплексного, многоаспектного анализа семейной ссоры – этим определяется **актуальность** нашего исследования.

Объект исследования – семейная ссора как лингвокультурный феномен.

Научная новизна работы заключается в выработке комплексного подхода к объекту исследования: лингвокогнитивный и речедеятельностный подходы позволяют рассмотреть семейную ссору как коммуникативное событие, имеющее целостное содержание и типовое речедеятельностное развитие. Фиксированный набор определяющих ссору смысловых компонентов (терминалов и слотов) детализированно описывается на материале русских пословиц и получает динамическую развертку на материале живого и репродуцированного

драматургами конфликтного диалогического взаимодействия современных носителей национальной лингвокультуры.

Степень достоверности результатов определяется репрезентативностью проанализированного речевого материала, использованной методикой анализа, адекватной целям и рассматриваемому объекту, эвристичностью разработанной модели анализа; обеспечивается привлечением большого количества научных источников различного характера (среди них – классические и современные работы по лингвистике, стилистике русского языка, научные исследования по проблемам лингвокультурологии, лингвоаксиологии, коммуникативной прагматики и речевой конфликтологии).

Теоретическая значимость полученных результатов обусловлена многоаспектным подходом к описанию феномена семейной ссоры. Полученные результаты вносят вклад в проблемное научное поле речевой конфликтологии и лингвокультурологии. Наблюдения и выводы позволяют углубить существующие представления о специфике видов семейной ссоры, речеповеденческих сценариев ссоры и их преимущества по отношению к традиционной культуре.

Практическая значимость исследования связана с возможностью использования его результатов в речевой конфликтологии, лингвокультурологии, фамилистике. Результаты исследования могут применяться в преподавании курсов и спецкурсов по коммуникативной прагматике, коллоквиалистике, межкультурной коммуникации, паремиологии, коммуникативных практикумах по бесконфликтному речевому общению. Результаты также могут быть использованы на практических занятиях по русскому языку как иностранному.

Указанные выше подходы определяют этапы исследования и обуславливают специфику его предмета. На I-м этапе **предметом исследования** становятся структура и содержательное наполнение событийного фрейма «семейная ссора», на II-м этапе – тактико-стратегическое содержание речевых партий участников ссоры, координирующих свои речевые действия в определенном пространстве и времени и вербализующих ценностное отношение к событию ссоры.

Цель нашего исследования – лингвокогнитивное и коммуникативно-прагматическое описание семейной ссоры – определила необходимость поэтапного решения следующих исследовательских **задач**:

1) опираясь на идеи когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, охарактеризовать специфику фреймового подхода к анализу коммуникативного события «семейная ссора»;

2) представить фреймовую структуру (терминалы – содержания слотов) события;

3) на материале русских паремий провести содержательное наполнение слотов, выявив специфику супружеской ссоры; ссоры родителей и детей, ссоры некровных родственников;

4) опираясь на идеи коммуникативной прагматики, охарактеризовать специфику речедейательностного подхода к анализу коммуникативного события «семейная ссора»;

5) отобрать необходимый для анализа текстовой материал;

6) проанализировать семейную ссору в динамическом аспекте;

7) выявить тактико-стратегические линии коммуникативного поведения участников семейной ссоры; типичные сценарии семейной ссоры.

8) охарактеризовать семейную ссору в лингвоаксиологическом аспекте.

На I-м этапе исследования **материалом** для анализа послужили пословицы и поговорки, извлеченные из различных словарей и сборников русских народных пословиц и поговорок, прямо или опосредованно связанные с ситуацией семейной ссоры (более 800 единиц). В числе словарей и сборников: «Пословицы русского народа: в 2-х томах» под ред. В. И. Даля (1897 г.); «Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор» под ред. В. П. Аникина (1957 г.); «Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь» под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова (1979 г.); «Словарь русских пословиц и поговорок» под ред. В. П. Жукова (2000 г.); «Большой словарь русских поговорок» под ред. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитиной (2007 г.); «Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и мелких выражений: более

22000 пословиц, поговорок, молвушек, присловий, приговорок, присказок, загадок, примет, дразнилок, считалок» под ред. В. И. Зимина (2012 г.) и др. Для процедуры моделирования фрейма ссоры существенно, что «когнитивные структуры как прецедентные феномены обладают устойчивым для данной культуры содержанием» [Полюжин, Венжинович 2009: 629]. Русские пословицы и поговорки, запечатлевшие коллективную мудрость народа, его ценностную картину мира, по существу, выступают как кодекс нравственных правил, оценок бытия, выполняют роль эталонов, стереотипов национально-культурного мировидения. В них «в сентенционной форме отражены все категории и установки жизненной философии народа – носителя языка» [Телия 1996: 241].

Функции семьи, статусно-ролевые права и обязанности ее членов, этические основы семейной коммуникации формировались веками, выкристаллизовывались в повседневной жизни, национальных обрядах и ритуалах, приобретая упорядоченность и устойчивость. Соблюдение семейных норм и отклонение от них, реализация и нарушение ролевых ожиданий, коммуникативный лад и разлад в семье находят воплощение в паремиях, служащих источником культурно значимой интерпретации семейной жизни, такой, какая она есть.

На II-м этапе исследования мы обратились к **современному речевому материалу**: текстам-разговорам горожан-уральцев, записанным методом включенного наблюдения (20 диалогов), опубликованным [См.: ЖРУГ 2011] и неопубликованным. Осознавая, что семейный конфликт – это преимущественно закрытая от посторонних глаз коммуникация, мы использовали также драматургические произведения. Предметом анализа драматургического диалога традиционно становятся речевые характеристики действующих лиц; собственно языковая структура диалога, обеспечивающая его развитие; соотношение художественно-типизированной разговорной речи с живой речью данной эпохи и данного общества; информативно-эстетическая ценность диалога, т.е. роль тех языковых средств, которые помогают раскрыть идейно-тематический и сюжетно-композиционный замысел драматурга [См.: Винокур 1977]. Анализируя речевые партии персонажей, мы опирались на идеи о том, что драматургический

диалог представляет собой художественную типизацию разговорной речи [См.: Ларин 1974]; что «исходя из примата спонтанной диалогической речи в антропогенезе, в организации художественных текстов нет ничего, чего не было бы в спонтанной речи» [Мурзин, Штерн 1991: 161]; что «коммуникативная деятельность персонажей драматургических произведений определяет развертывание и развитие художественной действительности» [Каримова 2004: 7]. Учитывалась и естественная сосредоточенность драматурга на социально-ролевых функциях персонажей-членов семьи, их вербальной характеризованности, что дало возможность проследить специфику социально-ролевых отношений участников ссоры. Всего проанализировано 50 репродуцированных текстовых фрагментов, извлеченных из пьес современных драматургов Я. Пулинович «Земля Эльзы» (2015 г.); И. Синило «Дима любит таблетки» (2016 г.); Ю. Тупикиной «Ба» (2016 г.); А. Яблонской «Свидетель» (2008 г.); Л. Ансельм «Мать и дочь» (2010 г.); И. Васьковской «Уроки сердца» (2011 г.), «Март» (2013 г.), «Русская смерть» (2013 г.); А. Богачевой «Китайская бабушка» (2002 г.); А. Богачевой, А. Яблонской «Я много ем, или “манящая сладость любви”» (2006 г.); В. Красногорова «Сегодня или никогда» (2017 г.). Указанные пьесы объединяются на содержательно-тематическом основании – конфликтная семейная коммуникация.

Выбор временного среза и разнородного, на первый взгляд, материала не случаен. Мы учитывали идею о том, что семья выстраивает свою деятельность «в соответствии с экспектациями и референциями / временными проекциями из прошлого в настоящее, из настоящего в прошлое и будущее» [Олянич 2004: 157]. Осмысление семейной ссоры в ее обращенности к прошлому (паремии есть «застывшие осмысления того или иного концепта, сложившиеся на протяжении длительного времени» [Пономарева 2011: 132]) и настоящему (живая речь современников) позволяет увидеть ментально-ценностные разрывы и константы, сформировать более целостный взгляд на ссору как национально-культурный феномен.

Национально-ценностная основа идеальных семейных межличностных отношений – *мир, лад, дружба, согласие*. Ср.: «Семья для русского человека всегда была средоточием всей его нравственной и хозяйственной деятельности, смыслом существования, опорой не только государственности, но и миропорядка» [Белов 2013: 147]. Ситуация ссоры демонстрирует отношения, противоположные идеалу: ссора несет *несогласие*, приводит к *разладу, неприязни, вражде* близких. Она представляет собой серьезную размолвку между членами семейного круга, проявляющуюся в открытом выражении обид, недовольства друг другом и обычно заканчивающуюся резким охлаждением, временным прекращением отношений, состоянием разлада между «своими».

Семейная аксиосфера занимает одно из главенствующих мест в структуре национальной аксиосферы – мира, наполняемого ценностными смыслами социального бытия, являющимися регуляторами и смысложизненными ориентирами для человека и общества в целом [См.: Лингвистика и аксиология...2011; Карасик 1996]. Это особый мир, со своей системой ценностей, мир, в котором сочетаются индивидуальные и коллективные начала, важнейший источник критериев оценивания существующего бытия, лежащих в основе формирования ценностных представлений человека на протяжении всей его жизни. Семейные ценности и антиценности дают возможность выявить взаимосвязь нравственных, культурных, традиционных, национальных аспектов поведения членов семьи.

Описание структуры семейной аксиосферы позволяет поставить вопрос о выделении субсфер на основании типа семейно-родственных связей и отношений. В опоре на разные научные подходы исследователи выделяют три «аксиологических центра» / терминала / микрополя: ролевая ценность семьи как таковой, раскрывающая содержание и определяющая виды отношений родства; отношения между супругами; отношения между родителями и детьми [См.: Схалякова 2008; Железнова 2009; Рухленко 2005]. Конкретное наполнение этих субсфер трансформируется в зависимости от исторически обусловленных изменений в менталитете и социуме. Подсферы – *родительство, супружество,*

родство классифицируются по субъектам, по элементам связи внутри семьи и по функциям, выполняемым семьей как институтом. Для нашего исследования эти положения значимы, поскольку позволяют описать виды семейной ссоры.

Исследование семейной ссоры как лингвокультурного феномена требует также более пристального внимания к осмыслению того, что противостоит семейным ценностям: «антинорма представляется такой же равноценной составляющей картины мира, как и норма, являясь неустранимым элементом бинарной оппозиции» [Кидямкина 2014: 29]. В аксиологической картине мира той или иной лингвокультуры могут быть выделены негативные явления: то, что наиболее неприемлемо, отвергаемо, раздражает или угрожает, что осуждается обществом и культурой. Антиценности можно также рассматривать как обратную сторону ценностей. Так, обратной стороной любви является ненависть; мира – вражда, разлад; самопожертвования – себялюбие, эгоизм; послушания – непослушание, своеволие.

Очерковый взгляд на труды русских мыслителей, писателей, священников, религиозных философов рубежа веков, посвященные семье и браку – В. С. Соловьева, В. В. Розанова, М. О. Меньшикова, И. А. Ильина, Л. Н. Толстого, К. Д. Ушинского, Ф. П. Гааза, арх. Сан-Францисского Иоанна (Шаховского), прот. В. В. Зеньковского, и др. – позволяет обозначить ряд ценностей, наполняющих семейную аксиосферу: *любовь, уважение, кровное и духовное родство, внутренняя свобода, вера, совесть, сотрудничество, взаимопомощь, радость, счастье, семейный очаг*. Это лишь некоторые ценностные константы, составляющие каркас семейной жизни, которые, в свою очередь, восходят к ценностям *рода, родины*. Приведем примеры:

(И. А. Ильин): *Человек призван строить семейный союз на любви, на вере, на свободе, научиться в нем первым совестным движениям сердца и подняться от него к дальнейшим формам человеческого единения – родине и государству; Научить детей любви родители могут лишь тогда, если они сами в браке умели любить; К тесному социальному сотрудничеству присоединяется естественное чувство родственной близости; Всякая семья есть не просто*

союзительство, но почти всегда сотрудничество; Социальная сила семьи кроется в духе солидарности, во взаимной помощи друг другу; (арх. Сан-Францисский Иоанн Шаховской): Держись, русская женщина, сохранившая свой благословенный семейный очаг!

К ценностям супружества обычно относят предпочтения людей в отношении модели брачных отношений, моделей физиологического (сексуального), полоролевого, экзистенциального, социокультурного, коммуникативного поведения супругов. Например, описание имени концепта «жена» дает понимание семейной предназначенности женщины: *Жена* – ‘женщина, достигшая зрелого возраста, способная рожать детей и тем продолжать род; спутница мужа, состоящая с ним в браке’ [СРМ 2014 Т.2: 233]. В субсферу супружества можно включить такие ценности, как *брак, жена, муж, половая любовь, целомудрие, доминирование одного из супругов / равноправие* и др. Например:

(В. В. Розанов) *Целомудрие* – основа брака, когда два человека могут смотреть друг на друга и видеть взаимную святыню; Семья начинается с брака и в нем завязывается; Брак есть поклонение «невидимому свету»; Брак должен быть освящен таинством венчания; *Целомудрие* – уважение человека к своему полу, молчаливое и бережное отношение к нему как к ненарушимо-святому в себе;

(В. С. Соловьев) *Любовь*, в смысле эротического пафоса, всегда имеет своим собственным предметом телесность; *Половая любовь* как интимное, всестороннее единство двух лиц в идеальном осуществлении своем неразрушима;

(Л. Н. Толстой) *Без матерей, подруг, помощниц, утешительниц, любящих в мужчине все то лучшее, что есть в нем, и незаметным внушением вызывающих и поддерживающих в нем все это лучшее, – без таких женщин и плохо было бы жить на свете;*

Родительство представляет собой отношение к детям, имеющее историко-культурную обусловленность. *Родители* – ‘отец и мать по отношению к своим детям; основатели или основоположники идей или дела в отношении к ним’ [СРМ 2014 Т.2 : 181]. Человек начинает свою жизнь в такой семье, которую он

сам не создавал. По мнению И. А. Ильина, это семья, «учрежденная его отцом и матерью, в которую он входит одним рождением. Отец и мать как бы образуют ту установленную для него судьбу, которая выпадает ему на его жизненную долю, и эту судьбу он не может ни отклонить, ни изменить» [Ильин 2012: 123].

К ценностям родительства относят предпочтения людей в отношении моделей репродуктивного, экзистенциального, социокультурного, коммуникативного поведения с целью рождения и воспитания детей [См.: Кон 1999; Гурко 2008; Безрукова 2016]. Назовем некоторые специфические ценности, наполняющие эту субсферу: *родители, дети (ребенок), родительский долг, воспитание, забота, социализация, материнство, отцовство, родительский авторитет, самопожертвование, свобода* и др. Например:

(В. Я. Пропп) *Материнство* – одна из величайших святынь в мировоззрении народа; *Материнство* – главное предназначение женщины; *Мать несет любовь, милость и защиту*; (Ф. П. Гааз) *Цель воспитания* должна состоять в том, чтобы дети приобрели привычку к добру; (Н. Лосский) *Материнство* есть интимная связь двух существ, начинающаяся с того, что одно из них живет в другом как часть тела; (К. Д. Ушинский) *Дитя* в первые годы свои находится под исключительным влиянием *матери*; (И. А. Ильин) *Прообраз благого отца; прообраз чистой матери; Отец и мать* представляют собой единый организующий и властвующий *авторитет* в семейной жизни; Одно из самых *ответственных* и *священных* призваний человека – быть *отцом и матерью*; *Родители* несут *ответственность* за рождение детей. Родители должны *привить* детям *нормы общежития, навыки общения*; *Семья* как целое устраивает свою жизнь по *частной, собственной инициативе*; *Ребенок* научается пробивать себе в жизни дорогу при помощи *собственной инициативы*. (В. В. Зеньковский) *Дети в семье учатся речи, социальному ориентированию*.

Субсфера родства (кровного и некровного) включает совокупность социальных отношений, основанных на таких факторах, как биологические связи, брак, правовые нормы и правила, касающиеся усыновления, попечительства и т.п.

[См.: Смелзер 1994]. Родной – ‘близкий по рождению, роду или родине (где родной край, там и рай), а потому требующий особого внимания, заботы, защиты’ [СРМ 2014 Т.2 : 181]. В сфере родства личность соприкасается с разноплановыми ценностями. В первую очередь это *кровное и некровное родство (брат, сестра, тетя, дядя, бабушка, дедушка, зять, невестка и др.), род, семейные традиции, родственные / межпоколенные связи и отношения, ответственность родственников друг за друга, готовность прийти на помощь, жалость, сострадание, взаимопонимание* и др. Например:

(М. О. Меньшиков) *В любви кровной* – святая любовь делает всех родными; (К. Д. Ушинский) *Хорошо, когда есть братья и сестры; Семья – это не только папа, мама, я. Еще – дедушки и бабушки, дяди и тети. И нам нужно возродить в стране культ вот такой большой семьи, которая связывает всех родственников. Именно она дает силы для развития;* (арх. Сан-Францисский Иоанн (Шаховской)) *Пусть будет... укрепление твоего материнского попечения о душе ребенка, умножение духовного слова и поучения твоей матери, святой русской бабушки...;* (А.С. Пушкин) *«Ты спросишь: «Где мои родные?» – И не найдешь семьи родной... Родные люди вот какие: мы их обязаны ласкать, Любить, душевно уважать И, по обычаю народа, О Рождестве их навещать Или по почте поздравлять».*

Обращается внимание и на антиценности, приводящие к распаду семьи: (В. В. Розанов) *Малейшая тень неуважения расстраивает семью;* (Ф. П. Гааз) *Избегайте злословия...оберегайте окружающих от вредных увлечений, вооружаясь твердо и мужественно против всего низкого и порочащего, не допускайте близких до злоупотребления вином, до увлечения картами* и др.

Выявленным выше ценностным представлениям и установкам, призванным интегрировать членов «своего круга», противостоят представления и установки современных носителей национальной лингвокультуры, провоцирующие конфликты. Они могут свидетельствовать о трансформации в личностном сознании той или иной ценности, например: *Расширенная семья мешает развиваться и ведет к конфликтам; С рождением детей родители теряют*

свободу и личное пространство; С развитием детей приходится отказывать себе в материальных благах; Дети отнимают много денег, времени и сил, «мешают добиваться успехов в карьере» [Безрукова 2016:120].

Об оформлении антисемейных тенденций свидетельствуют также статистические данные. Согласно результатам всероссийского опроса ВЦИОМ, проведенного в 2014 г. (было опрошено 1600 человек в 132 населенных пунктах в 46 областях, краях и республиках России), большинство наших соотечественников признают ценность семьи, Другого, например супруга, ценность семейного очага. Вместе с тем «прорисовываются» и иные взгляды на семью: некоторые из информантов полагают, что в наши дни предпочтительнее не связывать себя брачными обязательствами (среди жителей средних городов – 20%, среди 18-24-летних – 17%), поскольку на женатых людей давят семейные обязанности – необходимость много работать для материального благополучия семьи. Кроме того, люди опасаются обмана и конфликтов (10%), тревог и огорчений, связанных с детьми (8%); ограничения личной свободы (18%) и карьерного роста (10%), а также невозможности сохранить любовь, живя в семье (3%) [См.:<http://www.pravmir.ru/60-rossiyan-sozdaet-semyu-radi-prodolzheniya-roda/> (дата обращения: 20. 08. 15)]. Таким образом, культурно-ценностное измерение семейной ссоры как аспекта семейного бытия также нуждается в описании.

В работе использовалась группа **методов и приемов** лингвокогнитивного и речедейательностного анализа, приемы лингвокультурологической, этнографической интерпретации речевого материала, а также общенаучные методы – описательный, классификационный, статистический.

Апробация работы. Материалы и основные результаты работы обсуждались на заседаниях кафедры на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского Гуманитарного Института Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, на заседаниях проблемной группы кафедры. Основные положения диссертационного исследования были изложены в докладах на международном научном семинаре «Аксиологические аспекты современных лингвистических

исследований» в Екатеринбурге (2015, 2016, 2017 гг.), на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием в Екатеринбурге (2016 г.), на XXIV международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «ЛОМОНОСОВ» в МГУ (2017 г.). По теме диссертации опубликовано десять работ, в том числе три статьи в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК РФ.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, включающего около 400 наименований.

Наиболее существенные результаты исследования сформулированы в следующих **положениях**, выносимых на защиту:

1. Рассмотрение семейной ссоры как коммуникативного события позволяет выделить статический и динамический способы его репрезентации. Первый – фреймовый – обеспечивает выявление устойчивых структурированных данных о коммуникативном событии «семейная ссора», имеющих национально-культурную значимость. Второй – речедеятельный – дает возможность провести сценарное воплощение событийного фрейма, описать динамику семейной ссоры, охарактеризовать коммуникативное поведение ее участников.
2. Структура событийного фрейма «семейная ссора» включает терминалы: *Участники; Место; Время и протяженность; Речевые и (неречевые) агрессивные действия и противодействие; Результат; Оценка.* Содержательное наполнение слотов по данным паремий наиболее ярко специфицирует ссоры по участникам (*супружеская ссора, ссора между кровными и некровными родственниками, ссора между родителями и детьми*), локусу (*дом – вне дома*), репертуару речевых и неречевых агрессивных действий (*ссорящиеся спорят, бранятся, угрожают, упрекают, попрекают, осуждают, занимаются рукоприкладством* и др). Отдельные речевые (и неречевые) агрессивные действия коммуникантов получают гендерную специфику.
3. Семейная ссора в паремиях оценивается отрицательно (*В ссорах да во вздорах*

пути не бывает), положительно (*Всякая ссора красна мировую*) и нейтрально (*Дом без еды бывает, дом без ссор – никогда*), что отражает диалектику и сложность семейного бытия. С одной стороны, ссора расшатывает его основы, способствует дезинтеграции членов семейного круга, с другой – обновляет родственные отношения. На фоне ссоры актуализируются ценностные смыслы коммуникативного лада, гармонии, любви, послушания.

4. Семейные ссоры объективируют традиционные представления, установки, нормы речевого поведения, например: *Муж должен воспитывать и наставлять жену (в том числе и кулаком); Жена должна подчиняться и угождать мужу; Жена / невестка всегда виновата; Свекровь / теща всегда права; Дети должны слушаться родителей; При чужих людях не надо ссориться; Поссорившимся следует искать способы примирения*. Отдельные ценностные установки в качестве рекомендаций (например, установка на *миролюбие, терпение*) помогают избежать ссор.
5. Терминалы событийного фрейма *Место, Время, Участники*, рассматриваемые в динамической проекции на живое / репродуцированное диалогическое взаимодействие, актуализируют предконфликтный и собственно конфликтный этапы семейной ссоры. Речедейательностный анализ позволяет выявить характерный для каждого этапа перечень типизированных речевых стратегий и тактик, а также коммуникативный результат – гармонический или дисгармонический, воплощаемый в речеповеденческих сценариях «Эскалация конфликта», «Разрыв отношений», «Поиск компромисса», «Примирение» и др.
6. Содержательное наполнение терминала *Время* позволяет описать феномен застарелой ссоры. В его основе лежит не доведенное до естественного гармонического разрешения противостояние членов «семейного круга». В отличие от бытовой кратковременной ссоры, застарелая ссора имеет глубинные ментально-ценностные основания. «Тлеющие» и «разгорающиеся» очаги коммуникативного напряжения препятствуют полному примирению речевых партнеров, приводят к коммуникативному отчуждению, временному

или полному разрыву их отношений.

7. Представления о семейной ссоре, концентрированно и сжато зафиксированные в паремиях как статичных когнитивных структурах, наиболее полно воплощаются в разговорном диалогическом взаимодействии и позволяют сформировать более целостный взгляд на ссору, углубить представления о механизмах и закономерностях, создающих вражду и мир, лад и разлад. Комплексный анализ разнородного речевого материала подтверждает культурную устойчивость и преемственность типов речевого поведения в ситуации семейной ссоры. Вместе с тем сценарий ссоры родителей и детей демонстрирует межпоколенные разрывы, обусловленные действиям коммуникативно-ценностных установок индивидуалистической культуры.

ГЛАВА 1. ФРЕЙМ КОММУНИКАТИВНОГО СОБЫТИЯ «СЕМЕЙНАЯ ССОРА»

1.1. Понятие *фрейм* в когнитивной лингвистике

«Естественный язык во всем объеме его свойств и функций» [Степанов 1997: 672] как объект современной лингвистики предстает не «в самом себе и для себя» [Соссюр 1977: 4], но в новой, антропологической, парадигме, с позиции его участия в познавательной деятельности человека. Среди подходов, в которых рассматривается соотношение языка и познания, одно из центральных мест занимает подход когнитивный. Когнитивистика, изучая познавательную деятельность человека, постулирует нерелевантность противопоставления лингвистического и экстралингвистического знания, утверждает неотделимость мыслительных категорий от языковых [См.: Демьянков 1992; Кубрякова 2001; Баранов, Добровольский 1997 и др.]

Понятие «фрейм» является одним из центральных понятий когнитивной лингвистики – науки, сформировавшейся в 80-е годы XX в. на базе когнитивистики и сосредоточенной на познавательной функции языка. Ее основная задача – изучение языка как средства кодирования, хранения, передачи информации, «раскрытие механизмов восприятия, категоризации, концептуализации знания» [Матвеева 2010: 147]. Язык, наряду с разнообразными формами ментальной репрезентации – «обработанными мозгом» картинками, звуками, тактильными и обонятельными ощущениями, чувствами, представлениями, ассоциациями др., позволяет определенным образом оформить информацию об окружающей действительности. Для реализации этой задачи могут быть использованы когнитивные структуры, выступающие совокупностью организации представления знаний о действительном мире, средством хранения и функционирования информации в памяти.

Обозначения структур, представляющих собой унифицированные конструкции знания, разнообразны. Так, в зарубежной когнитивистике используются понятия «схема» [Bartlett 1932; Norman, Rumelhart 1975], «фрейм» [Minsky 1974; Charniak 1975], «сценарий» [Schank, Abelson 1975], «сцена» [Fillmore 1977], «когнитивная модель» [Lakoff, Johnson 1980], «глобальная модель» [De Beaugrande, Dressler 1981], «модель ситуации» [ван Дейк 1989] и многие другие. Отечественные ученые также разрабатывают и описывают разнообразные типы когнитивных структур, среди которых, в частности, «представление», «схема», «понятие», «фрейм», «сценарий», «гештальт» и др. В роли когнитивных структур могут выступать самые различные образования: «конкретно-чувственные образы», «прототипы», «пропозиции» (А. П. Бабушкин); «мыслительные картинки», «гиперонимы», «инсайты», «калейдоскопические концепты» (Н. Н. Болдырев); «концепты высшего уровня» и «обычные концепты» (С. Г. Воркачев) [См. обзор в: Попова, Стернин 2010: 115] и др. Разными авторами когнитивные структуры интерпретируются либо как способ, либо как результат обработки информации в сознании человека, либо как то и другое одновременно.

Общий взгляд на различные когнитивные структуры наталкивает на мысль о том, что некоторые из них, например «фрейм», «сценарий» / «скрипт», «гештальт», могут рассматриваться как безусловные [См.: Болдырев 2001; Плотникова 2008]. Поскольку объектом изучения в данной главе является фрейм, мы более подробно остановимся именно на нем.

Фрейм мыслится как «классическая когнитивная структура» [Лукашевич 2002: 71-72]. Фреймовая теория, в частности, как одна из универсальных теорий позволяет представить языковые феномены в когнитивном аспекте. В самом общем смысле этим термином (*frame* – англ. рамка) обозначается устойчивая когнитивная структура, рамка, ячейка или ментальный образ, содержащий некоторую информацию. Несмотря на пристальный интерес к фрейму и активное использование данного термина, исследователи признают, что это понятие «еще не получило однозначной трактовки, определения, которое охватывало бы и включало в себя все стороны и аспекты изучаемого явления, нет в современной

лингвистике и четкой методики изучения фрейма» [Соколова 2007: 236]. Попробуем раскрыть понятие «фрейм» в его исторической перспективе.

Понятие фрейма (фреймирования), тесно ассоциированное сегодня с фрейм-анализом, изначально было введено в оборот Г. Бейтсоном [Bateson 1972]. Наблюдая за кусающими друг друга обезьянами, он заметил, что их единичные действия (сигналы) подобны, но не идентичны действиям (сигналам) в драке. Обезьяны время от времени осуществляют метакоммуникацию, позволяющую любому участнику взаимодействия или наблюдателю понять, какой тип действия имеет место: иными словами, действие «кусания» должно быть фреймировано ими либо как «боевой укус», либо как «притворный укус» [Яноу, ванн Хульст 2011: 89].

Впоследствии идея фреймирования была подхвачена и развита применительно к политическим процессам социологом и социальным психологом И. Гофманом в работе «Анализ фреймов» (1974 г.). Именно благодаря усилиям И. Гофмана концепт «фрейм» вошел в терминологический аппарат социологической науки. Ученый рассматривал общество как «игру во взаимодействие», соединяя идеи Бейтсона в соответствии со своими (сформулированными в духе символического интеракционизма) представлениями о социальном конструировании идентичности, с акцентом на определении ситуации. Согласно его взглядам, фреймы преобразуют рассыпанную на отрезки, или фрагменты (strips), эмпирическую реальность в определенные ситуации. Гофман, в частности отмечал: «<...> определения ситуации основываются на принципах организации событий <...> и нашей собственной субъективной вовлеченности в них. Термин «фрейм» я использую для указания на эти основные, подлежащие идентификации элементы» [Goffman 1974: 10. Цит. по: Там же: 90]. По И. Гофману, фреймы определяют те способы, которыми участники, погруженные в ситуации взаимодействия, воспринимают социальные реальности, представляя их самим себе и окружающим. На этой основе становится возможным и социальное взаимодействие, связанное с пониманием. Иными словами, происходит постоянное «фреймирование» реальности [Гофман 2003: 44].

Далее термин «фрейм» стал активно разрабатываться «психологами, музыковедами, лингвистами, теоретиками искусственного интеллекта, исследователями политики и общественных движений» [Яноу, ванн Хульст 2011: 88]. Одним из наиболее известных научных трудов по теории фрейма явилась работа М. Минского, посвященная проблеме представления знаний в памяти ЭВМ. В своей книге «Frames for representing knowledge» (1974 г.) он впервые ввел определение фрейма для обозначения структуры знаний для восприятия пространственных сцен. Эти структурированные данные, введенные в память ЭВМ, и получили название «фреймы». М. Минский определяет фрейм таким образом: «Человек, пытаясь познать новую для себя ситуацию или по-новому взглянуть на уже привычные вещи, выбирает из своей памяти некоторую структуру данных (образ), названную нами фреймом, с таким расчетом, чтобы путем изменения в ней отдельных деталей сделать ее пригодной для понимания более широкого класса явлений и процессов. Фрейм является структурой данных для представления стереотипной ситуации» [Минский 1979: 7].

Будучи сложным образованием, фрейм представляет собой упорядоченный способ хранения и переработки информации, что обеспечивает легкость операций с ней, например ее извлечение. Ученый делает акцент на репрезентативности фрейма: процесс мышления человека основан на наличии в его памяти каким-то образом материализованного огромного набора разнообразных фреймов, с помощью которых человек осознает зрительные образы (фреймы виртуальных образов), понимает слова (семантические фреймы), рассуждения или действия (фреймы-сценарии), повествования (фреймы-рассказы) и т.д. Фрейм является одним из способов представления стереотипной ситуации, который отражает наиболее характерные, основные моменты ряда близких ситуаций, принадлежащих одному классу.

Социологические и психологические исследования понятия фрейма неизбежно затрагивают лингвистическое знание о нем, поскольку все ценностные представления, установки, стереотипы в конце концов выражаются языком. Фрейм не только представляет знания для стереотипных ситуаций, но и подразумевает

«специфическое лексико-грамматическое обеспечение, которым располагает данный язык для наименования и описания категорий и отношений, обнаруживаемых в концептуальных схемах» [Филлмор 1983: 110]. Собственно в лингвистику термин «фрейм» был введен в 80-90-е гг. Ч. Филлмором, считавшим возможным применять теорию фреймов к анализу лексической и грамматической семантики, а также семантики текста. Согласно Филлмору, «многие слова образуют группы, каждую из которых лучше изучать как единое целое. В каждом случае, для того чтобы понять смысл одного из членов группы, необходимо до некоторой степени понять, что значат они все. Такие группы слов удерживает вместе то, что они мотивируются, определяются и взаимно структурируются особыми унифицированными конструкциями знания, или связанными схематизациями опыта, для которых можно использовать общий термин «фрейм»» [Филлмор 1988: 53]. В качестве примера он приводит фрейм «дни недели». Как утверждает исследователь, такой сложный фрейм образует особую организацию знания, составляющую необходимое предварительное условие нашей способности к пониманию тесно связанных между собой слов. Он являет собой общее основание образа, который может быть представлен любым из отдельных слов. Значение слова передает определенную сцену, которая соотносится с фреймом знания посредством «перспективы» [Там же: 59], т.е. фокусировки внимания на отдельных элементах фрейма. По Ч. Филлмору, фреймы относятся к долговременной памяти индивида и складываются из последовательности некоторых простых действий или процедур, принадлежащих кратковременной памяти.

Ч. Филлмор подчеркивает роль опыта, из которого люди черпают концептуальные схемы. При усвоении схем для обозначения их частей выучиваются единицы языковых фреймов; слова из языкового фрейма активизируют в сознании говорящего весь фрейм и ассоциируемую с ним схему. Позднее исследователь уточняет, что фрейм предстает как особая унифицированная конструкция знания, или «связанная схематизация опыта» [Там же: 54].

Среди трудов зарубежных теоретиков, внесших вклад в разработку теории фрейма, несомненно, следует выделить работу Т. А. ван Дейка «Контекст и познание. Фрейм знаний и понимание речевых актов» (1989 г.). В ней освещаются когнитивные аспекты теории употребления языка, т. е. когнитивная теория прагматики. В рамках этой теории вводится понятие «когнитивный фрейм», которое выступает способом «объяснения нашей способности совершать и понимать речевые акты» [ван Дейк 1989: 13]. Кроме этого, когнитивный фрейм обеспечивает также успешность коммуникации. По мнению ученого, когнитивная теория в качестве одной из своих задач должна, используя указанное понятие, «не только дать объяснение нашей способности совершать и понимать речевые акты, но и показать его “влияние” на это понимание» [Там же].

Т. А. ван Дейк подчеркивает, что фреймы не являются произвольно выделяемыми “кусками” знания. Они являются единицами, организованными “вокруг” некоторого концепта. Эти единицы содержат основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом. Фреймы имеют более или менее конвенциональную природу, поэтому они могут определять и описывать, что в данном обществе является характерным или типичным. В отличие от Ч. Филлмора, Т. А. ван Дейк не склонен считать фрейм структурой, способной раскрыть связь между текстами и их пониманием, так как он содержит общую, а не специфическую информацию о стереотипной ситуации. Ученый предлагает также рассматривать фреймы как набор эпистемических единиц, определяющих наше восприятие различных предметов и реалий. Он называет концептуальные фреймы «сценариями», которые определенным образом организуют наше поведение, например в ситуации визита к врачу, посещения кинотеатра, празднования дня рождения, и позволяют правильно интерпретировать поведение других людей. Для Т. А. ван Дейка понятие фрейма выступает способом интерпретации когнитивной теории прагматики.

Обобщая вышеизложенные положения зарубежной теории фреймов и вклад ее разработчиков, сошлемся на В. С. Вахштайна, предложившего общую конфигурацию фрейма: «Мы обращаемся к базовым концептуализациям, общим

для кибернетической (М. Минский), психологической (Г. Бейтсон), лингвистической (Ч. Филлмор) и социологической (И. Гофман) версий фрейм-анализа. Во всех этих подходах фрейм определяется как структура устойчивая и относительно статичная; когнитивное образование, элементами которого являются когниции (знания) и экспектации (ожидания); схема репрезентации, т.е. репрезентирующая и значащая форма» [Вахштайн 2007: 15].

Фрейм как научный объект осмысляется и в работах отечественных когнитивистов. Например, предлагается очертить два подхода к его пониманию: фрейм как структура знания и фрейм как структура представления знания. В первом случае он определяется как реальная когнитивная структура, «структурированный фрагмент знания мира на каком-то его участке, сложившийся в сознании вокруг какой-то сущности как обобщенное суммарное представление о сфере ее бытования» [Никитин 2004: 62]. Фактор информации позволяет говорить о когнитивных структурах как выделенных и осмысленных сознанием реалиях: например, фрейм *дома, стола, движения* [См.: Баранов, Добровольский 1997]. Во втором случае фрейм мыслится как средство, инструмент представления когнитивной структуры, «когнитивная модель, передающая знания и мнения об определенной, часто повторяющейся ситуации» [Болдырев 2004: 29]. Для представления этих знаний необходим определенный языковой и речевой материал. Исследователи обычно опираются на полученные в результате обработки лексикографические данные, данные ассоциативного эксперимента, языковые конструкции, разнообразные тексты и др., типизируют их, выстраивая фреймы, для того чтобы получить информацию о том, как представлено это знание в сознании [См.: Никонова 2007].

На базе теории компьютерной лингвистики А. Н. Баранов уточняет инструментальную сторону фрейма, которая заключается в его способности представить декларативное знание, и считает, что «фрейм не обязательно привязан к слову и включает всю релевантную для данной проблемной ситуации информацию, в том числе и экстралингвистическую» [Баранов 2001: 17]. Он является «концептуальной структурой для декларативного представления знаний о

типизированной, тематически единой ситуации <...>» [Там же: 16]. Уточняется, что «декларативные знания представляются обычно в виде совокупности пропозиций, утверждений о чем-либо. Типичным примером декларативных знаний можно считать толкования слов в обычных толковых словарях» [Там же: 14].

Чтобы выявить сущностные черты фрейма, Н. В. Стренева моделирует понятийный потенциал термина путем разбивания отобранных определений фрейма на понятийные единицы [См.: Стренева 2009]. Всего исследователь анализирует 44 определения и получает 177 понятийных компонентов, из которых формируется 20 понятийных полей, отражающих основные характеристики данного термина. Поскольку эти поля описывают один и тот же термин, они друг с другом взаимосвязаны. Из всего набора обнаруженных связей автор данной идеи выделяет наиболее значимые поля: «типизированность», «знания», «модели», «структурность», «ситуативность», «когнитивное и концептуальное», «сфера семантики», «репрезентативность», «существование», «единица», «данные», «процессуальность», «память и опыт», «язык и речь». Среди них наиболее значимой характеристикой является «структурность». Таким образом, фрейм определяется как способ структурирования содержания концептуального пространства человека, репрезентирующий знания о типизированных ситуациях [Там же].

Какова внутренняя организация фрейма? Чтобы ответить на этот вопрос, М. Минский моделирует способность человека, входящего в комнату, охватить все единым взглядом. Перед тем как войти в определенную комнату, люди обычно предполагают, какие предметы в ней находятся. Эти наполняющие комнату предметы М. Минский условно назвал «терминалами», или «вершинными уровнями фрейма». Терминалы задают типичные свойства предметов и образуют их прототипы. Они соответствуют вещам, всегда справедливым по отношению к предлагаемой ситуации. Терминалы характеризуются инвариантностью. Фреймы могут иметь общие терминалы, что освобождает от необходимости вновь описывать уже описанные предметы. Ниже вершинных узлов находятся «терминальные узлы», или «слоты» (от англ. *slot*) [Минский 1979: 6], каждый из

которых может получить вербальное воплощение при помощи определенного круга языковых единиц. Слоты могут быть рассмотрены как вариативная реализация терминала. В них могут присутствовать как универсальные компоненты, так и компоненты, в которых закреплены особенности той или иной национальной лингвокультуры. Слоты являются своеобразными ячейками, которые могут быть заполнены различными в каждом конкретном случае данными – например, конкретными группами слов, представляющими потенциальные возможности языковой актуализации фрейма.

Отечественные когнитивные лингвисты поддерживают идею выделения во фрейме «терминала» и «слота». Например, В. И. Карасик рассматривает фрейм как двухуровневую структуру, состоящую из вершинных узлов (терминалов), которые содержат постоянные данные для определенной ситуации, и слотов, заполняющихся данными из конкретной ситуации [См.: Карасик 2002]. С. В. Иванова и О. Е. Артемова также считают, что терминалы «представляют собой основные, заданные, неизменяемые составляющие фрейма-понятия. Эта информация всегда справедлива для анализируемой ситуации. Нижний уровень состоит из узлов, данные которых явно не выражены, они непостоянны, т. е. информация, заключенная в этих узлах, может меняться в зависимости от ситуации. Эти узлы носят название слотов, или периферии» [Иванова, Артемова 2005: 47]. Подобного мнения придерживается и Н. В. Волосухина, определяющая терминалы как инвариантные параметры ситуации, а слоты как их вариативную реализацию [См.: Волосухина 2010]. Аналогичная внутренняя структура фрейма принимается также Ю. В. Железновой, которая на примере моделирования фрейма *семьи* выделяет три терминала: «родственные отношения», «брачные отношения», «родительские отношения», в свою очередь подразделяющиеся на слоты как аспекты конкретизации фрейма. «Функционирование фрейма происходит путем конкретизации терминалов и согласования возможных для каждого из них понятий с вполне определенной, существующей во внешнем мире обстановкой» [Железнова 2009: 16].

Выявление фреймовой структуры может осуществляться также с помощью разных методик. Так, М. Минский отмечает, что фрейм – это «множество вопросов, которые следует задать в гипотетической ситуации; он определяет темы, которые следует рассмотреть, и методы, которыми следует работать» [Минский 1978: 295]. Подобный взгляд заставляет нас вспомнить топику как методику изобретения мысли в классической античной риторике и топ (топос, топик) как «место, с которого смотрят на предмет, на анализируемую проблему» [Москвин 2008: 103]. Топ рассматривался Аристотелем, софистами V в., Цицероном и другими риториками именно как параметр анализа, угол зрения для производства, открытия идей, доводов, для анализа ситуаций.

На экспериментальной методике задавания вопросов с целью выявления фреймовой структуры жанра телеинтервью строится работа Т. И. Поповой [См.: Попова 2004]. Участникам эксперимента, выступающим в роли интервьюеров, было дано задание сформулировать вопросы героям телеинтервью: собеседнику-личности, собеседнику-профессионалу и собеседнику-участнику события (реальному или вымышленному). Исследование позволило выявить общие черты всех трех типов вопросов: «прикрепление к оси времени» (блоки «прошлое», «настоящее» и «будущее»), «наличие объектов оценки и запрос оценочного отношения», «поступки и мотивы поступков» [Там же: 56-57]. Симптоматично, что вопросы к собеседнику-участнику события предполагают восстановление обстоятельств события, его оценку участником события, прогнозирование подобных событий в будущем. Например, блок «Прошлое» состоит из следующих фреймов: 1. «Ход события и его обстоятельства»; 2. «Личное участие в событии»; 3. «Личные ощущения во время события»; 4. «Осмысление происходящего во время события».

Первый фрейм, в свою очередь, включает такие терминалы, как: «Время события» (Когда это было?); «Место события» (Где это было?); «Участники события и их действия» (Кто участвовал в событии? Что делали участники?); «Обстоятельства события» (Как это было?).

Солидаризируясь с мнениями вышеназванных ученых, мы принимаем двухуровневую структуру фрейма и оперируем в нашем анализе рабочими понятиями «терминал» и «слот».

Что касается содержательного наполнения слота, то оно может быть представлено при помощи определенного круга языковых единиц. Для иллюстрации этой идеи А. Н. Баранов предлагает фрагмент фрейма *стол* и выделяет такие имена слотов, как «количество ножек», «материал», «поверхность», «наличие тумб», «функции». Далее предлагается возможное наполнение каждого слота соответственно: «количество ножек» – «четыре, возможно больше, минимум три»; «материал» – «дерево, пластмасса, стекло»; «поверхность» – «прямоугольник, овал, круг, квадрат»; «наличие тумб» – «факультативно»; «функции» – «обеденный, журнальный, рабочий и пр.» Ученый считает, что слоты индивидуальны и зависят от множества факторов: «жизненного опыта, интеллектуального развития человека, места жительства» и т. д. [Баранов 2001: 16].

Как уже отмечалось, фрейм оснащен способностью анализировать не только отдельное слово, но и высказывание, текст и дискурс. В связи с разными исследовательскими целями можно моделировать различные фреймы. Так, в работе Е. И. Шейгал [См.: Шейгал 2000], посвященной изучению политического дискурса, осуществляется моделирование его когнитивной базы посредством анализа фреймов. Последние, со ссылкой на «Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике», автор определяет как «концептуальную структуру для декларативного, реже процедурного представления знаний о типизированной ситуации или о типичных свойствах объекта» [АРСЛС 1996 Т.1: 231]. Отталкиваясь от того, что потенциально любой фрагмент информации может быть вербализован в языковой (лексикализованной) или текстовой (описательной) форме, Е. И. Шейгал выявляет представление о типизированной ситуации скандала посредством моделирования фрейма «скандал». К основным выделенным терминалам данного фрейма относятся «субъекты скандала», их «действия», «предпосылки», «цели» и «последствия действий», «реакция» социума на скандал.

Эти терминалы коррелируют с жанром политического нарратива в рамках фрейма [Шейгал 2000: 368-370].

В трактовках фрейма, предложенных В. З. Демьянковым, В. И. Карасиком и др. учеными, акцентируется внимание на культурно-коммуникативной обусловленности фрейма, что делает оправданным лингвокультурологический подход к его изучению. Например, в написанной В. З. Демьянковым словарной статье «Фрейм» «Краткого словаря когнитивных терминов» сведены определения фрейма, в сжатом виде представляющие теоретически связанные с ним концепции: это «единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, но, в отличие от ассоциаций, содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия. Фрейм обладает более или менее конвенциональной природой и поэтому конкретизирует то, что в данной культуре характерно и типично, а что – нет. Особенно важно это по отношению к определенным эпизодам социального взаимодействия — поход в кино, поездка на поезде – и вообще по отношению к рутинным эпизодам» [КСКТ 1997: 188]. По мнению В. И. Карасика, фрейм представляет собой наиболее адекватное понятие для обозначения ментальных репрезентаций «с позиций когнитивной науки, занимающейся анализом типовых ситуаций, которые повторяются в ежедневном поведении людей и закрепляются в памяти как обобщенные представления с определенными ожиданиями и реакциями» [Карасик 2002: 107].

Трактовка Ю. А. Эмер фрейма как «нормативной категории» осуществляется на материале фольклорных текстов. Она считает возможным говорить об идеальных, эталонных фреймах, в основе которых лежат нормативные, общепринятые в культуре представления о ситуации / событии и поведении. Идеализированные фреймы разделяются и поддерживаются членами единой языковой общности и культуры [Эмер 2011: 187]. Аналогичное мнение находит отражение в работе О. П. Сологуб: «Наши представления о той или иной ситуации формируются под влиянием норм двух типов: во-первых, под влиянием тех жизненных правил, которые вырабатываются естественным образом в ходе приобретения практического опыта, в ходе социализации; во-вторых, в процессе

целенаправленной нормативной деятельности в целях упорядочения действий в той или иной ситуации, придания им планомерного характера» [Сологуб 2009: 289-290].

Таким образом, лингвокультурологический подход акцентирует внимание на способности фрейма выделять культурно обусловленные элементы и констатировать, что значимо для определенного народа. Эти культурно значимые факторы могут отражаться в языке лексическими, грамматическими, фразеологическими и фольклорными концептами. Так, по мысли М. Л. Ковшовой, выявление культурно-национальной специфики фразеологических единиц, которые можно представить как «свернутый текст», обладающий когнитивной «памятью», хранящий культурные традиции народного менталитета, позволяет рассматривать их как «константы видения мира и “возвышает” до степени культурного знака» [Ковшова 1996: 2]. Модель культурной интерпретации фразеологизмов, предложенная ученым, демонстрирует “процедуру добывания” носителем языка культурно значимой информации: «1) «пробуждение» в памяти древнейших смыслов, относящихся к далекому прошлому культуры; 2) припоминание тех знаний и представлений, которые соединены в памяти носителя языка с происхождением фразеологизма и нужны для более точного и глубокого его употребления; 3) «соединение» образа фразеологизма, или его ассоциирование, с символами, эталонами, стереотипами, мифологемами и др.» [Ковшова 2009: 17].

Для нас важны также наблюдения Н. Ф. Алефиренко о фразеологическом значении, в основе которого лежит «эпизодность дискурсивной ситуации», которая зачастую «разрастается в своего рода сценарий или фрейм как пространственно-временную совокупность отдельных этапов или элементов» [Алефиренко 2005: 195]. Таким образом, лингвокультурологический подход открывает новые возможности для изучения паремий и живой разговорной речи, ярко проявляющих специфику национальной культуры.

Следует подчеркнуть, что фреймы не изолированы друг от друга, но соединены посредством так называемой фреймовой сети. Так, согласно мнению

С. А. Жаботинской, межфреймовая структура предстает в виде «определенной фреймовой сети, где информация сосредоточена в слотах и дугах, соединяющих эти слоты. Прослеживается связь между фреймом, сетью и пропозицией: фрейм формируется при помощи пропозиций и сетей; несколько фреймов могут образовывать межфреймовую сеть» [Жаботинская 1997: 7]. И. В. Арнольд рассматривает фреймы как «абстрактные сети из взаимосвязанных схем, функциональных связей и смысловых опор при представлении содержания текста, знаний или событий» [Арнольд 1991: 91-92]. Для В. И. Карасика фрейм имеет спиралевидный характер: «человек вспоминает о чем-либо, вовлекая в исходной образ весь свой жизненный ассоциативный опыт, который как бы раскручивается по спирали» [Карасик 2002: 155].

Фреймы, находясь во взаимосвязи, могут и объединяться в так называемые суперфреймы (тематические фреймы). Совокупность фреймов, моделирующая какую-либо предметную область, представляет собой иерархическую структуру, в которую фреймы собираются с помощью родо-видовых связей. На верхнем уровне иерархии находится фрейм, содержащий наиболее общую информацию, истинную для всех остальных фреймов.

Итак, наиболее признанным в когнитивистике является понимание фрейма как относительно самостоятельной структуры для организации знаний и опыта человека о стереотипной ситуации или понятии. Стереотипная ситуация предстает здесь как «фиксированный набор предопределяющих ее смысловых компонентов (узлов фрейма)» [Никонова 2007: 232].

Фрейм выступает как опосредованная структура, сопрягающая область когнитивного и языкового в процессе речевой деятельности, формирующая обобщенное знание о типах ситуаций и социально-культурных контекстах и предстающая как рамочный конструкт. Представляется, что фреймы открывают возможности для успешной коммуникации, поскольку позволяют носителям национальной культуры ориентироваться в той или иной ситуации и, следовательно, прогнозировать и регулировать свое и чужое коммуникативное поведение.

1.2. Фрейм в его соотношении с другими когнитивными структурами

В данном параграфе освещается соотношение понятия «фрейм» с некоторыми конкурирующими, близкими понятиями. В частности, важным для нашего исследования является выявление соотношения между фреймом и концептом, фреймом и сценарием (скриптом). В теоретических работах предлагается описание различных когнитивных структур: конкретизация понятия «фрейм» привела к осмыслению «концептов», «сценариев», «моделей ситуаций» и др.

Поскольку и фрейм, и концепт относятся к когнитивным структурам, репрезентированным в системе языка, считаем необходимым для себя прояснить их соотношение. В работах большинства отечественных ученых чаще всего встречается упоминание о фреймах и концептах как о базовых терминах для описания когнитивных структур. «Фрейм» и «концепт» понимаются как ментальные сущности, которые формируются в сознании индивида в процессе его социализации [Иванова 2004: 74–89], отражают «ментальную репрезентацию связей между объектами действительности» [Бабушкин 1996: 16]. Они хранятся в памяти и восстанавливаемы, при этом их реконструкция не всегда полностью совпадает с оригиналом.

В отечественной лингвистике различное понимание фрейма коррелирует с разными подходами к пониманию концепта, ввиду тесной связи двух этих явлений. Когнитивные лингвисты (А. П. Бабушкин 1996; М. Л. Макаров 1997; А. Н. Баранов 2001; Е. С. Кубрякова 2001; Л. А. Шестак 2003; З. Д. Попова, И. А. Стернин 2010 и др.) рассматривают фрейм как тип концепта. Лингвокультурологи (В. Н. Телия 1996; Н. А. Красавский 2001; В. И. Карасик 2002; Г. Г. Слышкин 2004 и др.) считают фрейм каркасом концепта, акцентируют внимание на неотъемлемой связи фрейма с конкретной лингвокультурой и конкретным концептом.

Концепт признается основным понятием когнитивной лингвистики и семантики. В понятиях концепта, концептуальной системы, разрабатываемых в

рамках различных исследовательских парадигм, актуализируется преимущественно такой смысл: концепт – это информация о чем-то, что имеет место в действительности. Так, Р. И. Павиленис определяет концептуальную систему как «непрерывно конструируемую систему информации (мнений и знаний), которой располагает индивид о действительности и возможном мире» [Павиленис 1983: 280]. По мнению В. А. Пищальниковой, концепт – это «все, что индивид знает, думает, предполагает о той или иной реалии действительности» [Пищальникова 1999: 34]. Концепт рассматривается как разносубстратное образование. В когнитивных концепциях концептуальная структура предстает как информация, передаваемая в равной степени чувственной и языковой модальностями [См.: Jackendoff 1983].

В. В. Красных считает, что «развертывание концепта носит нелинейный характер» [Красных 1999: 71]. Концепты изображаются в виде полевой модели с иерархией «ядро-периферия». Ядерно-периферийная организация концепта – показатель неравномерности его устройства. «Результаты концептуализации характеризуются нестабильностью, аморфностью (асистемностью) периферийных участков ментального образования и континуальным характером структуры в целом» [Орлова 2005: 41]. Сказанное позволяет полагать, что концепт имеет всеобъемлющее значение для когнитивных структур, поскольку «широкая трактовка позволяет весь арсенал когнитивных терминов описывать через концепт» [Иванова 2003: 169].

Таким образом, термин «концепт» в широком смысле является родовым для понятия, фрейма, сценария, гештальта и прочих когнитивных структур [См.: Бабушкин 1996]. М. Л. Макаров интерпретирует фрейм как «когнитивную структуру, организованную вокруг какого-либо концепта, но в отличие от тривиального набора ассоциаций такие единицы содержат лишь самую существенную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с данным концептом» [Макаров 1998: 119]. Как отмечает Н. Н. Болдырев, фрейм используется для «обозначения структурированных концептов; он входит в состав концепта, который, в свою очередь, используется

для представления любых единиц знания, в том числе неструктурированных» [Болдырев 2004: 29].

Работа Е. Ю. Пономаревой подтверждает мысль о том, что фрейм – это структурная организация концепта. На материале английских паремий исследователь анализирует концепт-оппозицию «мир – ссора». В основу описания образующего оппозицию концепта положена фреймо-слотовая организация, концепт рассматривается как многослойное полевое образование. Описание понятийного слоя концепта-оппозиции по данным этимологических и идеографических источников позволяет выявить наиболее общие семы для лексем-репрезентантов. В частности, для лексемы *quarrel* (ссора) актуализируются семы ‘dispute’ (‘спор’), ‘conflict’ (‘конфликт’), ‘argument’ (‘довод’, ‘аргумент’), ‘disagreement’ (‘несогласие’). Фреймовая структура ассоциативно-образного слоя концепта «ссора» включает пять фреймов: «Offence» («Обида»); «Enemy» («Враг»); «War» («Война»); «Loss (in game)» («Проигрыш (в игре)»); «Incompetence» («Некомпетентность», «Беспомощность»). Показательно, что описание оценочного слоя концепта «ссора» в англосаксонской культуре выявляет неоднозначность ценностных смыслов: формируется трихотомия ценностных элементов, включающих отрицательную, положительную («Ссора может быть полезной») и нейтральную («Ссора бывает неизбежна для получения мира») оценки [См.: Пономарева 2011].

Исследователи когнитивной лингвистики различают концепт и фрейм по способу хранения знаний и по способу их организации. Делается вывод о том, что фрейм является основой для выделения концептов и даже полностью отождествляется с концептом. Сходство данных понятий проявляется в наличии обязательных, существенных признаков, во взаимосвязи концепта и фрейма, гибкой и подвижной природе этих понятий. Однако если во фрейме выделяются типичные, стабильные признаки, то в концепт могут включаться и единичные признаки, свойственные индивидуальному сознанию. Следствие последнего – более жесткая структура фрейма, фиксирующая коллективные знания, и большая подвижность, континуальность концепта, характеризующегося субъективностью.

С лингвокультурологической точки зрения фреймы рассматриваются неотрывно от концепта: они погружены друг в друга. Так, В. Н. Телия считает, что «концепт символизирует знание, структурированное во фрейм, а это значит, что он отражает не просто существенные признаки объекта, а все те, которые в данном языковом коллективе заполняются знанием о сущности» [Телия 1996: 96]. Концепты не только способны отражать структурированное во фрейм знание, но и «могут организовываться во фреймы, то есть вступать в определенные отношения друг с другом, воссоздавая фрагменты окружающей действительности» [Иванова 2004: 79].

Сопоставление описываемых нами понятий позволяет дифференцировать их как результаты двух разных способов обработки и хранения информации – категоризации и концептуализации. Категоризация – одна из функций фрейма: «фрейм любого вида – это та минимально необходимая структурированная информация, которая однозначно определяет данный класс объектов. Наличие фрейма позволяет относить объект к тому классу, который им определяется» [Поспелов 1979: 3].

Не менее важным для нашего исследования является выявление соотношения между фреймом и сценарием (скриптом). Эти понятия часто считаются взаимозаменяемыми, определяются одно через другое. Так, согласно определению Н. В. Волосухиной, фрейм – «это сценарий с фиксированным набором стереотипных ситуаций» [Волосухина 2010: 42].

Само понятие «сценарий» введено в научный оборот учеными Йельского университета Р. Шенком и Р. Абельсоном. Они отмечали, что «сценарий представляет собой структуру, описывающую соответствующую последовательность событий. Сценарии используются при понимании и порождении рассказов и действий, и вряд ли можно говорить о каком-нибудь понимании без них» [Schank, Abelson 1975: 151].

Принципиально, что сценарий не просто список событий, а сцепленная произвольная цепь: в одном сценарии может разветвиться множество возможных дорожек, проходящих, в конце концов, к ключевым решающим пунктам. Р. Шенк и

Р. Абельсон, как и М. Минский, полагали, что сценарий состоит из слотов, а также требований, указывающих на правила пополнения слотов. Данная структура является внутрисвязанным целым. То, что в одном слоте, оказывает влияние на содержание другого [Там же]. По мнению Р. Солсо, «скрипты – это “общепринятая” последовательность причинных связей. В естественном языке мы не проговариваем детально и точно последовательность причинных событий, но (обычно) даем достаточно деталей, так чтобы другой человек со сходным жизненным опытом мог понять последовательность событий» [Солсо 2006: 526].

Между фреймом и сценарием все же существует различие. Сценарий – упорядоченная последовательность действий, «когнитивная операция типа правил концептуального вывода» [Кубрякова 2001: 5], обеспечивающая выбор набора слотов из структурирующего определенный концепт фрейма.

Есть и другое видение анализируемых понятий. Дж. Андор именно в сценарии видит ментальную основу, позволяющую строить фрейм. Он отмечает, что фреймы занимают промежуточное положение между сценариями и сценами, с одной стороны, и естественным языком – с другой. Они непосредственно «задействованы в процессе естественно-языковой коммуникации и при этом используют знания, содержащиеся в сценах и сценариях» [Andor 1985: 212-221. Цит. по: Никонова 2007: 231].

Большинство ученых полагает, что динамические способы репрезентации событий дают основание противопоставлять сценарии фреймам, которые в основном представляют собой статистические структуры. Сценарий трактуют как динамически представленный фрейм. По мнению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, сценарии – это фреймы, разворачивающиеся во времени и пространстве как последовательность отдельных эпизодов, этапов, элементов [См. : Попова, Стернин 2010]. М. А. Кронгауз трактует сценарий как «фрагмент действительности в развитии» [Кронгауз 1998: 243]. Тезиса о статичности фрейма и динамичности сценария придерживается А. М. Плотникова. По мнению ученого, сценарий может репрезентироваться словами с процессуальной семантикой, например: лекция, игра, ссора, экскурсия [См.: Плотникова 2008]. По мысли Л. Р. Абдуллиной,

«преобразование фрейма в сценарий (скрипт) представляет собой когнитивную основу перевода семантической структуры языкового знака из статики в динамику [Абдуллина 2010: 69]. Однако нельзя обособленно рассмотреть статический фрейм и динамический сценарий, ведь статика – это попытка осмыслить динамику.

Сценарий описывается системой фреймов, представляющей последовательность действий, связанную причинно-следственными отношениями для часто встречающихся ситуаций. Результатом каждого действия являются условия, при которых может произойти следующее действие. Для иллюстрации утверждения приведем развернутый пример. Сценарий «Посещение ресторана» состоит из ряда сцен:

Сцена 1. *Вход*: войти в ресторан – посмотреть, где есть незанятые столы – выбрать стол – направиться к столу – сесть.

Сцена 2. *Заказ*: получить меню – прочитать меню – решить, что заказать – сделать заказ официанту.

Сцена 3. *Еда*: получить заказанные блюда и напитки – съесть пищу.

Сцена 4. *Уход*: попросить счет – оплатить счет – выйти из ресторана.

Помимо этого могут быть заданы действия (определены роли) и для других участников сценария: официанта, кассира, администратора. В каждом сценарии могут быть предусмотрены варианты выполнения действий, в зависимости от обстоятельств. Например, в сцене 2. заказ можно сделать письменно, устно и жестами. В сцене 4 можно расплатиться с официантом или кассиром деньгами либо снять деньги с банковской карты.

Учеными обращается внимание на то, что фрейм, в общем, большее по объему понятие, чем сценарий. Когда человек сталкивается с каким-либо событием или находится в какой-либо ситуации, он выбирает знания из организованной структуры (фрейма) и решает, как поступать дальше. А те акты, которые им производятся, составляют в данной ситуации сценарий. В отличие от фрейма, который является структурой для декларативного представления знаний о типизированной ситуации, сценарий представляет собой концептуальную структуру для процедурного представления знаний о стереотипной ситуации или стереотипном поведении.

Для того чтобы описать взаимодействие людей, некоторые исследователи выдвигают “гибридное” понятие «фрейм-сценарий». Важной особенностью фреймов-сценариев как типов концепта является то, что в них интегрированы не только знания об объектах и их отношениях, но также и знания о мире людей и их взаимодействиях. Фреймы-сценарии называются также сценарными фреймами [См.: Полатовская 2013]. Принципиальное отличие фрейма-сценария от сценария заключается также в его привязанности к контексту конкретной ситуации. Эту особенность подчеркивают А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский, для которых фрейм-сценарий – это свойственная той или иной отдельно взятой ситуации совокупность процедур, типичных для функционирования объекта или для того или иного действия [Баранов, Добровольский 1991: 8].

Основное отличие фрейма-сценария от фрейма заключается в динамическом характере первого и статическом характере второго, при этом фреймы лежат в основе фреймов-сценариев. Оба понятия «фрейм-сценарий» и «сценарий» имеют динамический характер, а в их основе лежит фрейм. Отмечается также ситуативная “привязка” фрейм-сценариев.

В цитированной нами выше работе Т. А. ван Дейка «Контекст и познание. Фрейм знаний и понимание речевых актов» (1989 г.) в качестве основного типа репрезентации знаний выдвигается «модель ситуации». Теоретик исходит из мысли о том, что мы понимаем текст только тогда, когда мы понимаем ситуацию, о которой идет речь. Это особенно касается некоторых форм социальной деятельности. «Модель ситуации» является «формой представления личного опыта и, следовательно, составляет часть долговременной памяти, в которой хранится отдельная информация о каждом событии или действии, прошедшем обработку в кратковременной памяти» [ван Дейк 1989: 89]. В отличие от фрейма, модель в этой концепции особым образом связана не с абстрактными знаниями о стереотипных ситуациях и событиях (как фрейм и сценарий), а с личными знаниями о реальных или воображаемых ситуациях, актуализируемыми непосредственно в процессе продуцирования или понимания речи [Там же].

Интерпретируя теоретические идеи Т. А. ван Дейка, И. Н. Борисова связывает введенные им понятия «ментальная модель» (обобщенное, типичное знание о ситуации) и «ситуационная модель» (конкретное, индивидуальное знание о ситуации) с понятием «коммуникативной пресуппозиции», формирование которой базируется на «интериоризации типических ситуаций общения» [Пешков 1998: 64]. Коммуникативная пресуппозиция представляет собой когнитивную структуру, содержанием которой являются знания, представления и установки на определенный тип коммуникативного поведения, являющиеся результатом отражения в сознании коммуниканта релевантных для данного акта коммуникации компонентов и параметров текущего или предстоящего коммуникативного события. Подчеркивается, что ситуационная модель, в отличие от ментальной модели, возникает в результате идентификации личностно значимых компонентов текущей коммуникативной ситуации. Для построения ситуационной модели релевантны личностные знания носителей языка, аккумулирующие их предшествующий индивидуальный опыт, установки и намерения, чувства и эмоции [Борисова 2001: 111].

В отличие от фрейма, который является структурой для представления знаний о типизированной ситуации, сценарий представляет собой когнитивную структуру для процедурного представления знаний о стереотипной ситуации или стереотипном поведении. Модель сценария может быть также применима для репрезентации динамики концепта.

Существенное общее свойство «фреймов», «сценариев» и «моделей ситуаций» заключается в том, что они являются той когнитивной основой, которая позволяет ориентироваться в мире и в текстах о мире. Различие связано с характером раскрываемых этими моделями знания и ситуаций.

Симптоматично, однако, что в современных этнопсихолингвистических исследованиях делается попытка систематизировать ассоциативные связи предсказуемости валентных связей и векторов направленных ассоциаций» [Бабичева 2007: 18], возникающие как знания об объекте. Это привело к появлению нового структурного образования – «фрейм-структуры». Данная

когнитивная разновидность основана на систематизации всех возможных предсказуемых ассоциаций, коррелирующих с определенным прецедентным феноменом. Например, В. В. Красных рассматривает фрейм-структуру как «когнитивную единицу, формируемую штампами сознания» [Красных 1999: 12]. «Расхождение между такими ключевыми понятиями, как фрейм и фрейм-структура, заключается в особенностях формы их структурирования, степени предсказуемости валентных связей и векторов направленных ассоциаций» [Бабичева 2007: 18].

Обобщая научные наблюдения, подчеркнем, что и «концепт», и «фрейм» рассматриваются как ментальное образование, сформированное в сознании индивида при процессе социализации. Они отличаются друг от друга по способам обработки и хранения информации. Стоит отметить, что соотношение объемов понятий «концепт» и «фрейм» не имеет однозначного толкования. Одни ученые считают, что «фрейм» представляет собой вид концепта, а другие отождествляют их.

Фрейм предполагает возможность его преобразования в сценарий при переходе в динамичное состояние, когда терминалы и слоты функционируют в действии. Лингвистическая ориентированность фрейма обеспечивает языковую реализацию знаний, которые содержатся в сценариях. И фрейм, и сценарий могут обладать хранящейся в индивидуальной либо коллективной памяти культурно значимой информацией.

1.3. Семейная ссора как коммуникативное событие

Семейную ссору можно рассматривать как коммуникативное событие. Событие вообще – одно из основных понятий в когнитивной лингвистике: оно «представляет собой регулируемый языковым сознанием концепт, организующий наши знания о мире непредметных объектов» [Ли 2000: 151]. Ученые-когнитологи утверждают, что одна из функций языка заключается в том,

чтобы «выкраивать» сущности в непрерывном времени и пространстве так, чтобы к ним можно было бы отсылаться в их отсутствие» [Захарова 2016: 77]. В этом смысле события рассматриваются как идеализированные когнитивные модели.

Базовой языковой репрезентацией понятия «событие» является пропозиция (предложение), которая «обладает прототипическими свойствами по отношению к номинализациям, событийным именам и инфинитиву. Вместе с тем номинализации и собственно событийные имена по сравнению с инфинитивом более специализированы в передаче событийного значения» [Ли 2000: 151]. Описание событийного значения, выражаемого предикатами, можно найти, например, в работе Т. В. Булыгиной и Д. Н. Шмелева. Ограничивая термин «событие» языковыми проявлениями, ученые получают таксономию событий через классификацию предикатов. События мыслятся как все то, «что случается, происходит, имеет место в мире». Семантическая классификация предикатов связана с «построением типологии описываемых ими положений дел» [Булыгина, Шмелев 1997: 48].

Лингвофилософская трактовка события основывается на определении его сущности и статуса по отношению к другим явлениям. В основе такого понимания лежит представление об изменении положения дел в мире: положение вещей или изменение положения вещей, концептуализированное и вербализованное говорящим, называется событием [См.: Там же].

Событие рассматривается в тесной связи с понятием «факт». Например, толковые словари определяют событие как «то или иное значительное явление, факт общественной или личной жизни» [СОШ 2013: 910]. По Н. Д. Арутюновой, если событие принадлежит к числу онтологических объектов, таких как ситуация, процесс, происшествие, случай, то факт принадлежит к числу объектов эпистемического плана, наряду с пропозицией, суждением, утверждением, мнением, предположением. «Жизнь человека складывается из событий, но ее анкетное представление превращает события в факты» [Арутюнова 1988:103].

Концептуальная трактовка события позволяет выделить некоторые его основные характеристики: отнесенность к жизненному пространству (в

противовес явлению), принадлежность магистральной линии жизни (в отличие от инцидента), динамичность и кульминативность (это отличает событие от ситуации), “сценарность”, которая при отсутствии “естественного” сценария создается ритуалом; неконтролируемость (в отличие от поступков), слабая структурированность (в отличие от целенаправленных действий), целостность, отвлеченность от временной протяженности (в отличие от процессов), единичность, счетность (в отличие от деятельности), функциональность, преимущественная включенность в интерпретационный контекст [Там же: 181].

События вербализуются в виде номинаций. Н. Д. Арутюнова рассматривает концепт «событие» как языковой классификатор, объединяющий группу частнособытийных имен и номинализаций, таких как *«война, парад, съезд, конференция, выступление на конференции и т.п.»* [Там же: 169-170]. Для определения имен событий предлагаются также определенные речевые тесты. Например, В. Е. Гольдин пишет: «Событийность значения соответствующих имен проверяется возможностью подстановки этих имен во фразу *«Это случилось во время Р»*. К номинациям событий ученый относит такие слова, как *сенокос, жатва, обед, ужин, побег, заплыв* и др. Их основу образуют действия и состояния, т.е. динамичность и процессуальность. Однако, в отличие от действий и состояний, у событий обязательно присутствует цель или интенция. Событийные номинации темпорально просты и позволяют образовать выражения типа: *во время сенокоса, до обеда, после ужина* и пр. [См.: Гольдин 1997].

Параметры «событийности» имени можно найти также в работе Е. В. Падучевой: 1) имена событий употребляются в контексте глаголов со значением «произошло», «случилось»; 2) в контексте пространственных и временных локализаторов; 3) сами используются для временной локализации других событий и процессов – соответственно они сочетаются с предлогами «до» и «после»; 4) хорошо упорядочиваются во времени – событие может быть началом и концом другого события. Кроме того, имена событий могут употребляться во множественном числе и свободно считаются [Падучева 1991: 26].

Слово *ссора*, несомненно, является именем события. Указанные параметры «событийности» вполне к ней применимы: ссора может *произойти, приключиться, выйти, случиться дома, на работе, на даче, в гостях, там, здесь; начаться, продолжиться, кончиться внезапно, вечером, до приезда родителей, после ужина, тогда*; во время ссоры может *случиться спор, произойти драка, убийство, нервный срыв, приступ болезни, примирение*; ссора может *перерасти в скандал, во вражду, в войну*; ссоры могут быть *редкими, частыми, многочисленными* и др.

«Событийность» *ссоры* находит отражение в опыте моделирования фрейма «ссора» на материале фольклорного жанра частушки [См.: Эмер 2009]. Ссора определяется автором как серьезная размолвка влюбленных, вызванная речевыми действиями одного из партнеров, нарушающего нормы общения, поведения. Фрейм «ссора» получает следующую структуру: «героиня» (я), «возлюбленный» (*милый, миленок*), «причина ссоры» (*изменил, ударил*), «речевая реакция героини» (*сказала: «Врешь...»*), «речевое действие милого» (*сказал: «Не подойду»*). Слот «причина ссоры» базируется на коллективном знании носителей национальной культуры, позволяющем выявить установку фольклорных текстов — моделировать идеальный мир через демонстрацию нарушения норм. Ср.: «Фрейм «ссора» можно представить как стереотипную ситуацию: субъект высказывает объекту недовольство. Субъект либо оправдывается, либо повторяет действия объекта». Например: *Мне милый изменил / И сказал: «Не подойду» / Я ему сказала: «Врешь / Все равно ты подойдешь»* [См.: Там же]. Тексты частушек позволяют конкретизировать наименования слотов и их лексико-семантическое наполнение, причем вариативность ситуации обусловлена разнообразными речевыми действиями участников.

Согласно теории когнитивных моделей Т. ван Дейка и В. Кинча, событие соотносится с ситуацией: «<...> восприятие и понимание каких-либо событий происходит не в вакууме, а в рамках более сложных ситуаций и социальных контекстов» [ван Дейк, Кинч 1988: 158]. Понятие события оказывается актуальным для разработки теоретических представлений «о свойствах и

взаимодействии когнитивных и коммуникативных единиц» [См.: Дубровская 2001]. Таким образом, можно поставить вопрос о существовании особого типа событий – коммуникативных.

Жизнь людей является «средоточием множества линий коммуникации, соответственно проходящих с разной степенью продолженности и интенсивности» [Верещагин, Костомаров 1999: 7]. Процессу коммуникации свойственна оппозиция «континуальность – дискретность». «Дискретной единицей членения бесконечного коммуникативного процесса является событие» [Борисова 2009: 13], под которым понимается «ограниченный в пространстве и времени, мотивированный, целостный, социально и культурно обусловленный процесс речевого взаимодействия его участников» [Борисова 2001: 17]. На ограниченность события временными рамками указывает также О. Н. Дубровская [См.: Дубровская 1999]. О. Ю. Усачева акцентирует внимание на локализованности коммуникативного события как целостного процесса социально-коммуникативного взаимодействия людей в пространстве и времени [Усачева 2013: 40]. По мнению Н. Д. Арутюновой, событие обладает «тройкой реализацией»: помимо прикрепленности к месту и времени, оно мыслится как происходящее в «некоторой человеческой (единоличной или общественной) сфере, определяющей ту систему отношений, в которую оно входит» [Арутюнова 1988: 172].

Понятие «коммуникативное событие» (КС) шире, чем понятие «речевое событие» (РС), которое является видовым по отношению к нему: КС «делятся на речевые и неречевые (например, парад, спортивное состязание, демонстрация мод, танцевальный вечер)» [Архипова 2014: 539]. Под РС понимаются «такие коммуникативные события, совершение которых невозможно без использования в них совершенно конкретных для каждого из таких событий речевых действий и соответствующих им речевых жанров» [Гольдин, Дубровская 2002: 5]. РС характеризуется динамичностью, процессуальностью, отражающими этапы коммуникативной деятельности участников общения, типизированностью и сценарностью, что позволяет говорить об определенной последовательности

речевых актов, закономерном следовании высказываний участников [См.: Михальская 1998].

Семейная ссора подпадает под понятие КС, поскольку фиксирует неблагополучие в бытовой межличностной коммуникации членов семьи. Это неблагополучие обнажается благодаря речевым действиям, спектр которых весьма разнообразен. Невозможно ссориться, не высказывая друг другу свою позицию, свою точку зрения относительно некоторого положения дел. Вместе с тем речевые партии участников ссоры могут “аранжироваться” неречевыми действиями. Так, выразить недовольство, несогласие, агрессию можно, используя такие жестовые знаки, как: «*покрутить у виска, показать кукиш, показать пальцем (тыкать пальцем) на человека, в непосредственной близости к нему*» и др. [Крейдлин 2005: 134–135; СЯРЖ 2001: 101].

Можно осуществлять дефиниционный анализ семантики слов, именующих событие. В словарных статьях есть «известная модель события, включающая минимальный набор его характеристик, достаточный для распознавания концепта в его вербальной репрезентации» [Дубровская 2008: 6]. Сложность семной структуры позволяет включить глагол *ссориться* не только в группу глаголов межличностных отношений. Согласно выводам М. В. Фроловой, в значениях слов, обозначающих межличностные отношения, могут взаимодействовать несколько категориальных сем, поэтому в зависимости от того, какую из них считать основной, слова относят к разным лексико-семантическим группам [См.: Фролова 2008]. В значении слов *ссора, ссориться* сочетаются категориальные семы ‘отношение’ и ‘речь’, на что указывают следующие компоненты толкования: *ссора* представляет собой «словесное выражение возникших противоречий» [СРМ 2014 Т.2 : 321], «взаимную перебранку», «обмен взаимными упреками; ссориться – высказывать друг другу недовольство, препираться, браниться, ругаться» [СОШ 2013: 706; СУ 2000: 471; РСС 1998: 50]. Из словарной статьи существительного *ссора* выявляется, что глагол *ссориться* относится к «группе глаголов речевого общения» [БТСРС 2005: 295-296].

Ссора, объективируя диалогическое взаимодействие конфликтного типа, удовлетворяет следующей характеристике: «два (минимум) коммуниканта (при непосредственном контакте) в определенной тональности обмениваются друг с другом ценностно значимой вербальной и невербальной информацией о каком-либо объекте, координируя свои речевые и неречевые действия во времени и пространстве» [Борисова 1996: 26].

Как показывают исследования, разграничение коммуникативного события и коммуникативной ситуации представляет собой научную проблему. Одни ученые отождествляют эти понятия. Например, по А. К. Михальской, они практически изоморфны; в них выделяются одинаковые элементы: «сцена действия» или «внеличностный контекст» – тип или жанр события, тема, функция, обстановка; признаки участников – социальные позиции и ролевые отношения; правила и нормы, регулирующие взаимодействие между участниками в данном социуме [Михальская 1998: 192, 194].

Другие ученые коммуникативную ситуацию и коммуникативное событие дифференцируют. Так, уточняется, что ситуация определяется как обобщающее слово для таких категорий, как событие, процесс, состояние, действие и т.п. Последние представляют различные аспектуальные типы ситуации: динамическими ситуациями являются процессы и события, которые делятся на «контролируемые и неконтролируемые (события и процессы, контролируемые самим субъектом, – это действия)» [Русский язык 1997: 480]. Если «ситуация» – это некое положение дел, то «событие» в самом широком смысле понимается как любое изменение положения дел. Таким образом, событие – это любой переход от ситуации к ситуации. «Если с понятием ситуации ассоциируется, прежде всего, представление о трудности (из ситуаций принято искать выход), то с понятием события ассоциируется представление о маркированности. Это – веха, а иногда и поворотный пункт на жизненном пути» [Арутюнова 1988: 172].

По мысли Т. А. ван Дейка, ситуацию можно рассматривать в двух аспектах – социальном и коммуникативном. Социальная ситуация есть совокупность глобальных обстоятельств, релевантных для существования типичных сфер

общения, в числе которых участники типизированной ситуации, их социальные, функционально-ролевые и индивидуальные характеристики, типичные события и взаимодействия, конвенции (законы, правила, привычки) [ван Дейк 1989: 55]. Коммуникативная ситуация характеризует обстоятельства общения в целом, его участников, их стимулы и т.д. Это «нединамичная и недискретная единица, поэтому ее рассмотрение осуществляется на фоне коммуникативных событий и эпизодов» [Ершова 2013: 9]. Коммуникативная ситуация – некоммуникативная составляющая КС, она конституируется экстралингвистическими факторами, задающими условия общения и текстообразования и позволяющими идентифицировать КС.

Коммуникативная ситуация описывается как «внутренняя форма коммуникативного события» [Гольдин 1997: 25], как «комплекс факторов» [Борисова 2001: 52], оказывающих влияние на его протекание. О. Н. Дубровская делает акцент на темпоральной ограниченности как критерии отличия события от ситуации [См.: Дубровская 1999, 2001, 2008]. Так, вечеринка по случаю дня рождения – это фон для различных действий и событий, какими могут являться вручение подарков, беседа с кем-то из гостей, ссора, даже драка. Если мы говорим о ситуации, мы как бы находимся «внутри» нее, в настоящем времени. В событии важно то, что оно началось в определенный момент и закончилось, мы можем сказать, что оно *состоялось, случилось, произошло*, а по окончании события можем анализировать его «извне».

Выделяется три типа контекста, с которыми соотносится коммуникативное событие. Ближайший контекст составляет коммуникативная ситуация, которая рассматривается как «модель условий коммуникативной деятельности», как структурный компонент коммуникативного события, позволяющий участникам общения адекватно ориентироваться в складывающихся обстоятельствах и эффективно строить свое коммуникативное поведение [См.: Борисова 2001]. «Коммуникативная ситуация находится в рамках более широкого контекста – социокультурного (включающего типы ситуаций и категории участников – их функции, общественные роли и конвенции поступков). Этот последний, в свою

очередь, детерминирован общекультурным контекстом с такими элементами, как виды и цели общественной деятельности» [Гайда 1999: 103–104]. Контекстной обусловленностью (культурной, социальной, ситуативной) определяется коммуникативное поведение людей, в том числе их речевые реакции.

Вхождение в коммуникативное событие задает необходимость его участникам руководствоваться определенными условиями, обстоятельствами общения, нормами, правилами, сценариями, ритуалами и др. В чем специфика ситуации ссоры и коммуникативного поведения ссорящихся людей? Существительное *ссора* (как и глагол *ссориться*, от которого оно образовано [НСС 2014: 452]) номинируют коммуникативную ситуацию, в которой речевое взаимодействие, общение предстает как «экзистенциальное отношение, возникающее в процессе соответствующей деятельности двух и более индивидов» [Кравченко 2003: 30]. Ссора «отражает и оформляет в знаковых (вербальных и невербальных) формах типические ситуации бытовых социально-психологических конфликтов» [Седов 2007: 259]. Конфликтная ситуация – это открытое столкновение интересов, стремление одной из противоборствующих сторон реализовать свою цель, нанести ущерб другой стороне, заблокировать ее действия [Борисова 2008: 34]. Она фиксирует несовпадающие желания, интересы, ценности коммуникантов, что ведет к созданию «эмоционального дискомфорта» [Ершова 2013: 11].

Семейная ссора реализуется в обиходно-бытовой сфере устного общения, которое характеризуется как неофициальное, непринужденное, неформальное, лично ориентированное. Семья и семейные отношения – наиболее закрытая сфера жизнедеятельности людей, поэтому ссоры между членами семьи чаще всего происходят в домашней обстановке, за закрытыми дверями, в отсутствие посторонних лиц – наблюдателей, свидетелей, и гораздо реже «на публику». Специфика семейной коммуникации обусловлена уникальностью отношений людей, связанных семейно-родственными узами. По данным психологических исследований, в основе семейного конфликта часто лежит столкновение интересов членов семейного круга, носителей постоянных семейных ролей: супругов,

родителей и детей, кровных и некровных родственников. Ссора нередко обусловлена нарушением коммуникантами норм и правил: заданная социальными обстоятельствами асимметричность статусно-ролевых позиций, вертикальная коммуникативная дистанция игнорируются, не принимаются во внимание. Таковой может быть, например, ссора между родителями и детьми.

Семейная ссора может возникнуть спонтанно, в любое время и по любому поводу (хотя не исключено, что один из домочадцев может намеренно выносить и осуществить ссору): конфликтными становятся вопросы отношения полов, семейной иерархии, компетентности членов семьи, распределения бюджета, выполнения хозяйственных обязанностей, воспитания детей и др.

Национально-ценностная основа идеальных межличностных отношений – мир, лад, дружба, согласие. Ситуация ссоры демонстрирует отношения, противоположные идеальным, приводит к коммуникативной дисгармонии: ссора несет *несогласие, разлад, размолвку, неприязнь, вражду* и под. Ср.: *Они в ссоре, т.е. не в ладах между собою; между ними натянутые отношения; они дуются друг на друга; дружба их расклеилась* [СД 1882: 315]. На ‘нарушение нормальных отношений’ в ситуации ссоры указывает «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» [НОССРЯ 2003: 800–801].

Поскольку всякие отношения имеют психологические основания, основаны на эмоциях (чувствах), что не может не найти отражение в оценке коммуникативного партнера, его личностных качеств и поведения, в толкованиях лексического значения анализируемых слов отчетливо выделяется сема ‘чувство / эмоциональное состояние’. Ссора возбуждает в людях отрицательные чувства и эмоции: *раздражение, недовольство, неприязнь, гнев, обиду*. Ср. компоненты толкования анализируемых лексем: ‘наличие неприязненных отношений’ [ССРЯ 1970: 441–442]; ‘выражение недовольства друг другом’ [ТСОШ 2011: 934]. «Ссора всегда затрагивает чувства участников конфликта, ранит их. Ссорящиеся не просто горячатся и раздражаются, а испытывают взаимную обиду» [НОССРЯ 2003: 800–801]. В БТСРС слово *ссора* отнесено к группе «существительных, обозначающих эмоциональное отношение субъекта к окружающему миру»

[БТСРС 2005: 208]. Его эмоциональное состояние может выражаться не только словами, но и жестами, поступками, всем поведением (даже непроизвольно). Основанием для возникновения негативных чувств и эмоций субъектов становятся некоторые «возникшие противоречия» [СРМ 2014 Т. 2 : 321]. Эмоциональное состояние мотивирует ссорящихся людей противодействовать друг другу.

Глагол *поссориться* (сов. в.) можно также отнести к группе глаголов «прерывания контакта» [ТСРГ 1999: 368]. Прерывание контакта, разрыв отношений в ситуации ссоры может быть кратковременным или длительным, полным, до «глубокой постоянной вражды» [СРМ 2014 Т. 2 : 321], субъекты *расходятся и не встречаются*. Временное прерывание контакта обычно заканчивается *примирением*, если ссорящиеся находят в себе силы к взаимному прощению.

Согласно лексикографическим данным, репертуар речевых действий ссорящихся достаточно разнообразен: они могут *пререкаться, препираться* [СОШ 2013: 706], *высказывать друг другу упреки, обвинения, недовольство, попрекать* [СРЯ 1984: 242], *браниться (ругаться)* [БТСРС 2005: 295–296], *спорить / вступать в ожесточенный спор*. Вербальные действия *ругаться, браниться* имеют звуковую аранжировку: сопровождаются *криком, повышением голоса, плачем*. В сочетании с невербальными действиями, например *дракой*, ссора перерастает в *скандал*. В «Словаре эпитетов» можно найти атрибутивы, указывающие на интенсивность и накал эмоций субъектов: *с. бешеная, дикая (разг.), неистовая, остервенелая (разг.), сильная, страшная, шумная, яростная, визгливая* [СЭ Режим доступа: <https://epithets.academic.ru> (дата обращения: 20.02.2017)].

В данном параграфе мы опирались на дедуктивный анализ, при котором принимаются во внимание общие фоновые знания об основных элементах и параметрах коммуникативного события в целом. Анализ дефиниций слов *ссора* и *ссориться* позволил уточнить общую структуру события. Таким образом, мы квалифицируем семейную ссору как коммуникативное событие,

характеризующееся специфической пространственной локализацией и уникальностью отношений участников. Семейная ссора обусловлена нарушением норм, правил, сценариев, ритуалов семейной коммуникации и выражает наиболее закрытую бытовую социально-психологическую конфликтную ситуацию.

1.4. Общая характеристика событийного фрейма «семейная ссора»

Всякое коммуникативное событие поддается фреймированию, поскольку позволяет объективировать знание о коммуникативном поведении его участников. Под событийным фреймом мы понимаем структуру знаний, конкретизирующую условия и обстоятельства взаимодействия коммуникантов. Задача данного параграфа – выявить и содержательно охарактеризовать структуру событийного фрейма «семейная ссора». Решение задачи предполагает отбор и описание компонентов, (терминалов и слотов), позволяющих идентифицировать ситуацию ссоры. Для уточнения набора компонентов мы предприняли ‘челночный’ – дедуктивно-индуктивный ход. Обратимся к наличному научному знанию.

Опыт описания обобщенного образа события в опоре на анализ ассоциативных данных, можно найти в [См.: Трещева 2011]. Изучение вербальных ассоциаций носителей языка как базы данных для моделирования фреймов позволяет делать выводы «о системе наиболее важных для человека понятий и, шире, о представлениях испытуемых о мире» [Там же: 69]. «Ассоциативный словарь – это еще не речь, но он являет язык в его предречевой готовности, обнажая сокровенный, скрытый от прямого наблюдения способ “держания” языка в памяти его носителя, приоткрывая таинственную завесу над святыней святынь, над тем, как устроена языковая способность человека, человека говорящего и понимающего» [Караулов 1994: 191]. Можно сказать, что ассоциативные реакции представляют собой особый тип речи, промежуточное между мышлением и речью образование, позволяющее говорить о наличии в сознании говорящих так называемой ассоциативно-вербальной сети. Некоторые исследователи полагают,

что ситуация ассоциативного эксперимента может рассматриваться как разновидность коммуникативной ситуации [См.: Горошко 2001], в которой ассоциативные реакции в зависимости от формы проведения эксперимента – устной или письменной – могут расцениваться соответственно как спонтанная или подготовленная речь [См.: Трещева 2011].

Вербальные ассоциации на имена ситуаций-событий и имена событий / процессов (например, *выборы, концерт, охота, революция, экзамен, разговор* и др.) позволяют выявить ряд терминалов, в числе которых:

- «участники события» (*охота* → *на лис, охотник, кони*);
- «время и длительность» (*пьянка* → *до утра, долгая, затянулась*);
- «место» (*буря* → *в дороге, степи*);
- «стадии события» (*спор* → *возник, разгорелся, завершен*);
- «связь с другими событиями» (*развод* → *ссора, расставание, скандалы*);
- «аксессуары и подробности события» (*праздник* → *флаги, цветы, подарок*);
- «действия» (*спектакль* → *смотреть, орут, репетируем*);
- «оценка и эмоции» (объединяет реакции, отражающие оценочное отношение к событию: *концерт* – *интересный, хороший*, а также эмоции, вызываемые этим событием: *праздник* → *веселый, радость*) [Там же: 70-71].

Для уточнения структуры фрейма «семейная ссора» мы также решили обратиться к данным «Русского ассоциативного словаря». На событийные стимулы *ссора, ссориться* в словаре дается 71 ассоциативная реакция [РАС 2002 Т. II: 817]. Самые частотные ассоциативные реакции – *раздор 21; конфликт 11*. Ссора мыслится как конфликтное противостояние, раздор коммуникантов, испытывающих определенные противоречия. Среди терминалов с референциальным отношением в паре «стимул – реакция» можно выделить следующие:

- «время и продолжительность» (*бесконечная, вечно, хватит*);
- «стадии ссоры» (*сеять, перелом, кончиться, кончат*);
- «участники» (*сестра, папа, зять, супруги*);

- «речевые (неречевые) действия и противодействие» (*противодействие, против, пересуды, спор, спорить, разговор, объяснить, ругань, брань, орать, издеваться, кусаться, драка, драться, отдай, не надо, неправда, вранье*);
- «причина-повод» (*повод, причина, деньги, предательство, интриги, принцип*);
- «оценка и эмоция» (*злоба, злиться, сцена, пыл, раздражение, безмозглый, гнев, стресс, дурь, сволочь, скандал*);
- «результат» (*развод, разводиться, ни слова, уйти, уходить, раздор, порознь, врозь, прощение, согласие, мирно, забыть, дружба*).

Тезис о «тройной реализации» [См.: Арутюнова 1988] события, указывающей на пространственные, временные координаты и отнесенность к миру людей, подтверждает обязательность включения в структуру любого событийного фрейма таких вершинных терминалов, как **пространство, время, субъекты (участники), действия субъектов**. Если учесть, что всякое событие характеризуется протяженностью, стадийностью, то возможно выделение **стадий** события. Например, школьный урок как событие начинается и заканчивается в классе в определенное время, длится 40 минут. Его участники – учитель и ученики. В уроке можно выделить несколько фаз (этапов): организационный момент, разминка, проверка домашнего задания, объяснение нового материала, задания на закрепление нового учебного материала, подведение итогов урока. На каждом этапе урока реализуется разнообразная речевая и неречевая деятельность учителя и учеников. Переход от одного этапа события к другому часто получает речевую реализацию, например: *А теперь проверим домашнее задание; Обратимся к новой теме; Подведем итоги нашего сегодняшнего урока* и под.

Действия участников события В. Е. Гольдин характеризует как первичные событийные элементы: «Функционально-структурная и темпоральная целостность ситуаций, отличающая одни события от других, создает внутреннюю форму событий, которая у сложных событий складывается из взаимосвязанных частных событий, а у простых – из первичных событийных элементов, прежде всего *действий* и сопутствующих им компонентов деятельности» [Гольдин 1997: 25–26].

Поскольку всякое действие в диалогическом взаимодействии порождает ответное действие, то имя этого терминала в структуре фрейма может быть уточнено как **речевое действие и противодействие**.

Требует конкретизации тип речевого действия. Как уже отмечалось, ссора является разновидностью коммуникативного конфликта. Фреймовый анализ ситуации речевого конфликта, проведенный В. С. Третьяковой, позволил выявить такие терминалы, как:

- участники конфликтной ситуации, чьи интересы находятся в противоречии;
- столкновение (целей, взглядов, позиций, точек зрения), выявляющее их противоречие или несогласие;
- речевые действия одного из участников конфликтной ситуации, направленные на изменение поведения или состояния собеседника;
- сопротивление речевым действиям другого участника посредством собственных речевых действий;
- ущерб, который наносится речевыми действиями одного участника и который испытывает другой в результате указанных речевых действий [Третьякова 2003а: 7; 11].

Ущерб обычно бывает нанесен агрессивными речевыми действиями. Р. Бэрн и Д. Ричардсон пишут, что «агрессия – это любая форма поведения, нацеленного на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения» [Бэрн, Ричардсон 1999: 26]. Агрессор намеренно причиняет ущерб другому. Агрессия имеет место, если результатом действия являются негативные последствия. «Помимо оскорблений действием, такие проявления, как выставление кого-либо в невыгодном свете, очернение или публичное осмеяние, лишение чего-то необходимого и даже отказ в нежности могут при определенных обстоятельствах быть названы агрессивными» [Там же: 29]. Таким образом, считаем целесообразным уточнить, что ссоре свойственны **агрессивные речевые действия**, инициированные одним из участников, и **противодействия**, осуществляемые другим участником.

Ущерб, который испытывает субъект в результате агрессивных речевых (и неречевых) действий можно интерпретировать как временное или полное нарушение процесса его жизнедеятельности, как **результат** изменения состояния субъекта, выражающийся в нарушении целостности этого состояния или ухудшении других свойств. В толковых словарях *ущерб* определяется как ‘потеря, урон, убыток, умаленье’. Опираясь на жизненный опыт, можно предположить, что это может быть ухудшение психо-соматического состояния субъекта (например, стресс, депрессия), изменение качества общения в результате ухудшения межличностных отношений вплоть до полного прекращения коммуникации и др. Таким образом, в структуру событийного фрейма может входить терминал **результат**.

Остановимся также на работах В. С. Анохиной, посвященных изучению семейных речевых конфликтов. Обращает на себя внимание попытка исследователя представить фрейм «Речевой конфликт» (за основу взят речевой жанр «семейная ссора»). Опираясь на структуру фрейма «речевой конфликт», предложенную В. С. Третьяковой, В. С. Анохина, считает возможным включить во фреймовую структуру следующие терминалы:

- временная протяженность;
- участники взаимодействия;
- возникновение проблемной ситуации, осознание противоречий;
- речевые действия коммуникантов;
- ответные речевые действия, направленные на кооперацию;
- ответные речевые действия, направленные на конфронтацию;
- интенсивность конфликтного взаимодействия;
- эскалация конфликта [Анохина 2012: 36].

Новым здесь является уточнение направленности ответных речевых действий на конкретный результат: возможность использования участниками конфликта кооперативных или конфронтационных речевых стратегий. Вопрос об интенсивности конфликтного взаимодействия, способах ее измерения автором не уточняется. Нам представляется, что эскалация и интенсивность конфликта

напрямую связаны с фазами события: развитие ссоры обуславливается накоплением точек коммуникативно-ментального напряжения и формированием очага напряжения, конфликтной массы, требующей разрешения.

Поскольку конфликт – это протекающее во времени коммуникативное событие, то фрейм «конфликт», представленный в динамике, дает возможность проследить стадии развития конфликта: его зарождение, созревание, пик, спад и разрешение [См.: Третьякова 2003б]. Мы принимаем во внимание это утверждение и полагаем, что оно может быть реализовано в динамическом описании ссоры. Выделение стадий ссоры в событийном фрейме «семейная ссора» как статичном образовании является проблематичным: для ссорящихся границы перехода от одной стадии ссоры к другой не очевидны и практически не получают вербализации.

Прочие выделенные некоторыми учеными терминалы, например «связь с другими событиями», «причина», также, на наш взгляд, не входят в моделируемую фреймовую структуру как *безусловно фиксированные* компоненты. Вместе с тем фрейм опирается на определённое знание по умолчанию (презумпцию). Исходя из презумпции связи событий, очевидно, что определенные события могут спровоцировать ссору (она может возникнуть и на пустом месте в результате какого-либо ранее совершенного речевого и неречевого поступка субъекта – например, невымытая посуда или случайно оброненное слово, но это может быть только повод, за которым кроются глубинные основания конфликта). И наоборот: ссора может стать причиной формирования других событий, выступающих как ее последствия (ср.: *супружеская измена* → *ссора* → *развод*). Исследователи подчеркивают прагматическую сущность паремий: в повседневном употреблении они, как правило, «используются для каких-то практических, прагматических целей: ими обосновывают свои положения, дают прогнозы ... обещают, приказывают и запрещают и т.д.» [Крикманн 1978: 94]. Таким образом, некоторые из целей – дидактико-назидательная, прогностическая, прескриптивная – делают возможным выведение в светлое поле сознания интерпретатора мотивов конфликтного поведения. Однако в живом речевом взаимодействии мотивация

может остаться имплицитной, не получить вербализации (Ср. не всегда возможное: *Я хочу командовать тобой, поэтому ссорюсь с тобой*). Вопрос в том, «настолько непосредственно или опосредованно она отражена в словесном составе высказывания» [Винокур 1993: 137]. Все это наводит нас на мысль отстраниться от психологической интерпретации причин ссоры там, где они не получают объективации.

Итак, обобщая вышесказанное, мы можем включить во фреймовую структуру события «семейная ссора» следующие обязательные терминалы: **УЧАСТНИКИ; МЕСТО; ВРЕМЯ И ПРОТЯЖЕННОСТЬ ССОРЫ; АГРЕССИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ (НЕРЕЧЕВЫЕ) ДЕЙСТВИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ; РЕЗУЛЬТАТ; ОЦЕНКА.**

1.5. Терминалы-слоты событийного фрейма «семейная ссора» и их наполнение по данным русских паремий

В этом параграфе представлена детализированная развертка событийного фрейма в опоре на паремии, что дает возможность провести комплексный анализ языкового материала, систематизировать и подробнее рассмотреть отдельные единицы, составляющие тот или иной слот, входящий в структуру данной модели. Динамичность фреймовой структуры способствует реализации процедуры фокусировки: различные слоты, став основным объектом изображения, могут получить или не получить «подробное» вербальное воплощение. «Фреймы предстают как инструмент формирования и формулирования мысли и задают предметно-изобразительный код» [Стренева 2009: 21].

Обратимся к хронотопу ссоры. «Всякое вступление в сферу смыслов, – отмечает М. М. Бахтин, – совершается только через ворота хронотопа» [Бахтин 1975: 406]. Концепт *семья* и концепт *дом* связаны неразрывно. Семья «ассоциируется с домом, где все устроено» [Шмелев 2005: 111], где

«фокусируется пространство, культура и быт в их проекции на отдельное человеческое существование» [Яворская 2004: 716].

Дом – это место общения «своих» – членов семейного круга, ближнего и дальнего. Характерно «символическое отождествление дома и семьи и, соответственно, углов дома и членов семьи» [Агапкина 2011: 29]. Первоначально слово «дом» имело значение ‘семья’, ‘род’ (или ‘место обитания семьи’). «Свой угол» (т. е. свой дом) противопоставляется «чужому углу». В лингвокультурологических исследованиях делается акцент на то, что дом – это термин права и социальной организации, а не строительной техники [См.: Трубачев 1976; Иванова 1998; Кошарная 1999]. Воспроизведем одно из значений слова дом: ‘семья, люди, живущие вместе’ [МАС Т. I: 425].

В терминале **МЕСТО** мы выделяем слоты «дом» и «вне дома».

Слот «дом» получает конкретизацию в пространстве дома, который мыслится как «первая вселенная», «угол мира» человеческого существа [См.: Башляр 2004] и противопоставляется пространству внешнему. Семейная ссора обычно разворачивается в том уголке пространства, который социально и физически освоен. В пространственных параметрах отражаются не столько факты самой географической действительности, сколько «взаимодействие человека с пространственными объектами в процессе их освоения» [Березович 2007: 81]. Пространственная оппозиция *дом, свое пространство ↔ не дом, чужое пространство* позволяет идентифицировать субъектов как близких, *своих*, как носителей семейного статуса, исполнителей семейных ролей. Парадигматический принцип организации коллективной памяти воплощается в ряду семантически связанных локальных номинаций: слот «дом» наполняется базовыми лексемами *дом, изба, избышка* и метонимически с ними связанными лексемами *двор, ворота*. Например: *Дом без еды бывает, дом без ссор – никогда; У ревнивой жены в доме всегда ругань; Горе тому, кто непорядком живет в дому; В каждой избышке свои погремушки; Муж задурит, половина двора горит, а жена задурит, и весь сгорит.*

Если «дом является относительно замкнутой, личностно-семейной сферой, то двор – область, открытая вовне, выводящая мир семьи в “большой мир”» [Там же: 46]. Этот статус задается самим расположением двора в пространстве.

Функцию обозначения пространства может выполнять и этнографема. Например, этнографема *шуба* выступает как символ психологического пространства: *Муж с женой бранится да под одну шубу ложится*. В следующей пословице общность семейно-пространственных связей подчеркивается с помощью числительного *одна*: *Муж и жена одна сатана*. *Одна* – женская форма слова *один* – употребляется как прилагательное и имеет значение ‘единый, целостный’ [ТСОШ 2011:557].

Деление пространства на свое и чужое принадлежит к древнейшим архетипам сознания [Виноградова 2000: 326]. В народной культуре не приветствуется публичная семейная ссора. Ссора, происходящая в открытом пространстве на виду у всех, перерастающая в скандал, драку, привлекает внимание посторонних, чужих людей, зевак. Слот «вне дома» реализуется обстоятельствами места: *не в своем доме, у ворот, за порогом* и др. См.: *Пожар и драка занимательны не в своем доме; В избе драка – народ у ворот*. Не принято выносить семейные ссоры из избы, посвящать в конфликт сторонних наблюдателей. Границей приватного и публичного пространства становятся символические места – *порог, окно* дома. Например, *порог* имеет важное значение в национальной русской лингвокультуре. *Порог* – это «граница дома, место исполнения ряда семейных обрядов <...>» [СДЭС 2009 Т. 4: 173]. *Порог* разделяет пространство на свое и чужое и входит в состав «сакральных локусов» в пространстве дома [Виноградова 2000: 326]. В пословицах *Избушку мети, а сор под порог клади; Добрая слава до порога, а худая за порог* в иносказательной форме выражается рекомендация не выносить на люди семейные конфликты, оставлять дома семейные проблемы. Пословица *Молва в окно влезет* несет в себе идею опасности людских пересудов путем обозначения локуса окна. Символ *окна* можно интерпретировать с помощью ряда оппозиций: *внешнее ↔ внутреннее; прозрачное ↔ непрозрачное; открытое ↔ закрытое; опасное ↔ безопасное*.

Соответственно, окно служит границей разделения домашнего пространства, которое является внутренним, закрытым и непрозрачным для чужих, а потому безопасным, и пространства внешнего – открытого и опасного.

Пространственная, предметно-вещная лексика – локативы, номинации домашней утвари, инструментов, кушаний и др. – аранжирует ситуацию противостояния членов семьи, используя не только в прямом значении, но и в переносном: *Муж в бане, а жена в амбаре – уговориться не могут*. Контекстная локативная оппозиция *баня ↔ амбар* метафорически указывает на супружеский разлад, отсутствие мира в семье. *Один рычит да лает, другая мурлычет да фыркает*: глаголы со значением «активно-производимого звучания и говорения» [АГ-80 Т.1.: 592] *рычать, лаять, мурлыкать, фыркать* также означивают идею отсутствия общего языка между мужем и женой. В пословице *На злой жене одна только печь не побывает* запечатлен мужской коллективный опыт отражения агрессии с помощью рукоприкладства.

Терминал **ВРЕМЯ И ПРОТЯЖЕННОСТЬ**. Ссоры могут происходить на фоне мирно текущей, счастливой семейной жизни. Следующая пословица подтверждает неразрывную связь концептов *ссора* и *мир*, составляющих бинарную оппозицию: *При счастье бранятся – при беде мирятся*. Временные маркеры (*при счастье – при беде*) фиксируют, казалось бы, противоречащее житейской логике поведение. Когда хорошо, *когда* есть *счастье* в доме – живи и радуйся, но люди затевают ссору из-за пустяков, начинают ругаться друг с другом. И наоборот, только *когда* в дом приходит *беда* – они осознают цену мира и спокойствия.

Народная философия осмысляет временные границы всякого события на фоне и в ряду других событий: *Всему свое время*. Ссоре, как и событиям мирной жизни, отводится свой срок, свое время. Слот «**быстротечная / кратковременная ссора**» находит выражение в таких паремиологических единицах: *Временем бранись, а в пору мирись! Кстати бранись, кстати мирись; Кстати бранись, а и не кстати, да мирись!* Наречие *кстати* употребляется в значении ‘в подходящий момент, вовремя’ [ТСОШ 2011: 386]. Очевидно, в силу хозяйственной необходимости ради общего семейного блага ссора между родственниками не

получала затяжной, продолжительный характер: это приводило бы к сбою и разладу хозяйственно-экономического механизма, нарушало принцип ролевой сообразности, принцип христианского прощения ближнего. Ср.: *Ссора в своей семье до первого взгляда*. В идеале «цикл «ссора – примирение» должен был заканчиваться в пределах одного дня» (перед отходом ко сну читались молитвы о прощении, христианин не мог причаститься, не примирившись с ближним) [Кушкова 2016: 249].

В сознании человека обычно сосуществуют две основные модели времени – время «циклическое» и время «линейное». Циклическое представление о времени как о вращении по кругу, как о последовательности однотипных событий архаично. Развитие представлений о линейном движении времени связано с формированием исторического сознания [См.: Яковлева 1994; Степанов 1997]. Линейное время представляется как прямая линия без конца и начала, расчлененная «точкой присутствия» на прошлое, будущее и связывающее их настоящее [Арутюнова 1978: 52]. Циклическое и линейное время дополняют друг друга. «В культурной парадигме носителей языка с понятием цикличности времени связываются идеи природных циклов, возвратов, повторов» (год, месяц, час) [Яковлева 1994: 100–101], с линейным временем ассоциируются «характеристики неповторимости, единичности и необратимости» [Там же: 101] событий. Четкое разграничение между прошедшим, будущим и настоящим возможно лишь на оси линейного времени. Циклическое восприятие времени находит отражение преимущественно в лексическом составе языка, линейное время отражено его грамматическим строем.

В русской паремиологической картине мира ссора предстает как событие частотное, повторяющееся с определенной периодичностью, на что указывает, например, существительное *час*: *Брань не запас, а без нее ни на час*.

Слот «затяжная ссора» реализуется в пословицах, которые фиксируют длительность, протяженность ссоры, отсутствие результативности (*Много бранился, а добра не добился; От обидного слова – навек ссора*), а также ее эскалацию: она быстро набирает обороты и отражается на отношениях между

родственниками, например между невесткой и свекровью: *Легче ссоры избегать, чем ее прекращать; Первая брань лучше последней.*

Специфицирует супружескую ссору темпоральная оппозиция *молодые ↔ старые*: *Молодые бранятся – тешатся; старики бранятся – бешатся.* Данная пословица косвенно указывает на необходимость «притирки» молодых супругов, которые только привыкают жить вместе под одной крышей: их ссоры напоминают «потешные игры», покрываются любовью и доверием друг к другу. Утратившие чувства взаимной любви и уважения старики в семейных баталиях проявляют злобу и нетерпимость, на что указывает глагол *беситься* – ‘быть в крайнем раздражении, ярости; неистовствовать’ [ТСОШ 2011: 41].

Терминал **УЧАСТНИКИ** имеет несколько слотов в зависимости от того, какие субъекты вступают во взаимодействие: супруги, родители-дети, кровные и некровные родственники. Наиболее ярко и подробно в народной культуре «разработана» супружеская ссора. Слот «**супруги**» заполняется терминами родства: *супруги, муж, жена (женка), баба, мужик, молодые* (о молодоженах), *старики, старик, старуха* (три последних существительных в народной культуре номинируют пожилых супругов): *Муж с женой ругайся, а третий не мешайся; Перемутилась вода с песком, перессорилась старуха со стариком; О чем спор? – Старик со старухой на зиму печку делят; Жену с мужем Бог разбирает; Жена затевает ссору, когда начинает “твое–мое” говорить; Лучшие вовсе не жениться, чем с женою век браниться* и др. В следующей пословице с помощью глагола *жениться* в значении ‘вступать в брак с какой-либо женщиной’ [ТСОШ 2011: 232], имплицитно обозначается номинация *жена*: *Если не с кем ругаться – женись* (т.е. если женишься, у тебя будет жена – вот с ней и ругайся).

Номинировать субъектов ссоры могут имена собственные, например: *Иван Марьи не слушается, сам приказывать горазд; Иван в дуду играет, а Марья с голоду умирает.* В сознании современного носителя русского языка *Иваном* и *Марьей* могут быть ‘некий мужчина’ и ‘некая женщина’; ‘мужчина’ и ‘женщина’ вообще; ‘муж’ и ‘жена’; ‘супружеская чета’ (как правило, крестьянская); ‘жених’ и ‘невеста’. Это свидетельствует о предельной обобщенности семантики,

сводимой к универсальной оппозиции «мужское – женское». Пара *Иван – Марья* фактически превращается в местоимение «*Он – Она*» [Березович 2007: 288]. «Ономасиологическая закреплённость этой ситуации подтверждается парными номинациями различных персонажей, животных и растений» [Там же: 289], например, *бык – корова, кошка – собака*. Ср., например: *Бык ревет, корова ревет, никто их не разберет*.

Супружеская ссора может моделироваться с помощью образов, культурные (символические) значения которых «вторичны, производны по отношению к их первичному обиходному значению» [Виноградова, Толстая 1993: 3]. Вторичную функцию репрезентации мужа и жены получают пары существительных: *вода и песок, черт и дьявол, горшок и котел* и под. Ср.: *Помутилась вода с песком; Черт на дьяволе женился; Горшок с котлом не наспорится; Метут в два веника*.

«Символическое значение объекта может быть выведено из непосредственно наблюдаемых его качеств (или, по крайней мере, соотнесено с ними)» [Неклюдов 2002: 22], из того, как они представлены в наивной «натурфилософской» картине мира [Апресян 1997: 272–273]. Например, *вода* – субстанция аморфная, бесструктурная, вездесущая и всепроникающая, она окружает предмет (*песок*) со всех сторон и частично размывает его, что может ассоциироваться с тесной связью мужа и жены.

Черт, или *дьявол* – центральный персонаж славянской мифологии, «продукт взаимодействия церковно-книжных представлений о богопротивнике, носителе абсолютного зла и архаических народных верований о вредоносных духах, присутствующих в земном пространстве. В народной демонологии трактуется неоднозначно: как воплощение нечистой силы вообще и – как особый мифологический персонаж с индивидуальным набором признаков» [СДЭС 2012 Т.5: 517]. Метафорическое обозначение жены и мужа как черта и дьявола призвано показать греховную природу человека вообще: в семейной ссоре нет правых и виноватых, если супруги предпочитают не смиряться, не уступать друг другу, а идти на обострение отношений, конфронтацию.

«Символика предмета часто мотивируется его внешним видом – формой, цветом, структурой» [Виноградова, Толстая 1993: 4]. *Котел* – ‘чугунный или листовой сосуд для варки’ [СД 1881: 180]. *Горшок* – ‘округлый, глиняный сосуд различного вида, выжженный на огне’ [СД 1880: 393]. *Котел* как сосуд тяжелый, крепкий символизирует мужа, а *горшок* как сосуд более легкий, подвижный – жену. Глагол *наспориться* (разг. ‘вдоволь, достаточно поспорить’ [БТСРЯ 2000: 601]) указывает на протяженность и интенсивность спора, перерастающего в ссору. Муж с женой спорят – как *котел* и *горшок* “толкаются” между собой, “трутся” друг о друга. Можно предположить, что, несмотря на то, что и тот, и другой сосуды относятся к предметам домашней утвари, в конце концов, *котел* остается целым, а от *горшка* могут остаться одни черепки. Так и супруги: один другого стоит в ссоре, но, тем не менее, каждый из них отстаивает свою правоту и кто-то оказывается виноватым и даже побитым.

Следует отметить, что при анализе были обнаружены пословицы, указывающие на разные причины супружеских ссор. Большинство из них можно свести к первопричине. Традиционная русская культура изначально ориентирована на христианскую картину гендерной онтологии. «Каждая религия предписывает свои, причем очень устойчивые поведенческие стереотипы» [Скляревская 2012: 36]. В христианстве утверждается идея ценности человека (мужчины и женщины), единственности мужа и жены (*и будут двое одна плоть* (Быт. 3: 21)), что находит отражение, например, в таких поговорках: *Муж да жена – одна душа; Где муж, там и жена; Жена да муж – змея да уж; Жить вместе и умереть вместе* и под. По замыслу Творца, равные в славе, мужчина и женщина принадлежали друг другу, по собственной воле жертвенно подчиняясь один другому в любви, *повинуясь друг другу в страхе Божиим* (Еф. 5: 21). Результатом грехопадения стало установление гендерной иерархии: *И к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою* (Быт. 3: 16); *Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава семьи <...> Мужья, любите своих жен* (Еф. 5: 22).

Архетипическая модель заповеданного Священным Писанием, а значит, правильного устройства супружеских отношений служит критерием оценки качества семейной жизни и находит воплощение, например, в таких пословицах, эксплицирующих представления об идеальном супружестве: *Муж – глава семьи; Мужик в семье что матица в избе; Жена мужа почитай, как крест на главе – муж жену береги, как трубу на бане; Муж – голова, жена – душа; Жена мужу пластырь, муж жене пастырь*. Из Священного Писания известно, почему произошло искажение принципа взаимной дополнительности ролей мужчины и женщины, что привело к гендерному противостоянию, формированию гендерной иерархии, но *сначала не было так* (Мф. 19: 78).

Многие паремии подтверждают национально специфическую идею гендерной асимметричности: «Фразеологическая система русского языка пронизана мужским мировидением» [Кириллина 1999: 107]. Мужская установка «Все беды от женщины», спроецированная на супружеские отношения, получает в паремиях категорическую, безапелляционную тональность: *Жена виновата искони бе; От нашего ребра нам не ждать добра; Баба да бес – один в них вес; Больше баб в семье, больше греха*. Отсюда и вытекают наиболее типичные причины, обусловленные провокативным женским поведением, ведущим к ссоре:

– женские притязания на власть, нарушение супружеской иерархии: *Вот худо, как муж дьякон, а жена попадья* (т.е. владеет им); *Жена взбесилась и мужа не спросилась; Худо мужу тому, у которого жена бóльшая в дому; Жена мужа не бьет, а под свой нрав ведет; Он попался на кукан* (в руки жены); *Исподний жернов перемалывает верхний; Жена верховодит, так муж по соседям ходит; Горе тому дому, кем жена владеет; Не в Польше жена, не больше меня; Не петь куре петухом, не владеть бабе мужиком; Не муж в мужьях, кем жена владеет, не работа в работах под женками воз возити; Между равными не бывает ссоры*.

– нарушение гендерно-ролевых ожиданий: *Муж за хлеб за скатерть, а жена за избу да пляшет; Муж по дрова, а жена со двора; Муж как бы хлеба нажить, а жена как бы мужа избыть; Жена мелет, а муж спит; Муж в шанцах, а жена в танцах; Муж возгами, а жена подолами*.

– психологические, интеллектуальные и коммуникативные характеристики женщины (сварливость, упрямство, строптивость, глупость, болтливость, гневливость, ревнивость, изворотливость, хитрость, словесная невоздержанность): *Женский обычай – не мытьем, так катаньем; Бабу не переговоришь; Червь дерево тлит, а злая жена дом изводит; У женщины силы мало, но хитрости много; Мужик тянет в одну сторону, баба в другую; Стели бабе вдоль, она меряет поперек; Женское свойство (норов) и на свинье не объедешь; Бабий язык, куда ни завались, достанет; Собака умней бабы: на хозяина не лает; Бабий кадык не заткнешь ни пирогом, ни рукавицей; Женское слово что клей пристаёт; Бабы промысли что неправые помысли; Сварливая жена в доме пожар; У ревливой жены в доме всегда ругань; Со злой женой ссоры и разлад, а с доброй – что тебе клад! Ржа ест железо, а злая жена мужа; От злой жены одна смерть спасает да пострижение; Кукушки кстили (т. е. покумились), да языка не прикусили (поссорились);*

– женская неверность, обман: *Проводила мужа за овин – да и прощай, жидовин; Муж того не знает, что жена гуляет; Опречь мужа всяк знает, что жена гуляет; Лукавой бабы и в ступе не истолчешь; Мужнин грех за порогом остается, а жена все домой несет; Видимая беда, что у старого жена молода.*

Мужская точка зрения в паремиологической картине мира оказывается определяющей и доминирующей. Тем не менее, встречаются пословицы, которые фиксируют мужское поведение, не соответствующее нормам семейной жизни, наводят на идею возможной ссоры, причиной которой является муж:

– мужская неверность, блудливость: *В чужую жену черт ложку меду кладет; Честный муж только одну жену обманывает; Вольно дурить, чужих жен любить; Честный муж только одну жену обманывает;*

– мужское пьянство (нам встретилась только одна пословица о женском пьянстве: *Баба пьяна – вся чужа*): *Дома бесится, а в людях с ума сходит; Пошел черных кобелей набело перемывать; Живет на Дону, оставя дома жену; Пьем да посуду бьем, а кому не мило, того в рыло.*

В ряде пословиц субъект, поведение которого приводит к ссоре, не дифференцирован по гендерному признаку, представлен обобщенно. Маркером субъекта становятся признаковые имена (*Дружить со **вспыльчивым** – только ссориться с ним; С **умным** речь к разговору, а с **безумным** в ссору; **Гневлив** с горшками не ездит*), метонимические и метафорические номинации как результат семантического переноса: *Из-за одного слова да вечная ссора; От обидного слова – навек ссора; Аппетит приходит с первым куском, ссора – с первым словом; В ссоре не роняй слов, из-за которых, примирившись, будешь краснеть; Две бараньи головы в один котел не лезут.*

Мы осознаем, что не все из приведенных примеров прямо соотносятся с референтной ситуацией ссоры. Тем не менее, считаем, что и они могут маркировать поведение супругов, потенциально связанное со ссорой.

Слот «**родители-дети**» заполняют термины родства *родители, мать, matka, отец, батька, мачеха, дети, сын, дочь, пасынок*. В народной культуре авторитет родителей непререкаем: *Дети родителям не судьи; На отца суда нет*. Родители формируют нравственно-бытовой комплекс семейных стандартов, речеповеденческих семейных стереотипов, кормят и воспитывают, направляют детей. «Неодобряемое поведение, нарушение принятых норм относят за счет плохого воспитания родителями» [Леонтьева 2015: 31]. Установка «Отец (родители) сказал(и), потребовал(и) – следует выполнять» [Шалина 2010: 58] воспринимается как непреложная и минимизирует непослушание детей. «Повиновение в сознании носителей традиционной культуры является одной из базовых ценностей (социальной нормой), кротость есть необходимое условие обучения, усвоения норм [Леонтьева 2015: 31].

Многие паремии фиксируют конфликт «отцов и детей» не прямо, а косвенно: всякое неповиновение детей приводит их к противостоянию (в том числе и ссорам) с родителями и регламентируется строгим наказанием, например: *Не слушается **отца**, послушается кнутца; Не на **мать** губы надувать; Не станет – так **батька** достанет, не будет – так **matka** добудет; Кто **отца** и **матери** не слушает, тот телячьей кожи послушает; Ненаказанный **сын** –*

бесчестье отцу; Дал Бог сыночка – дал и дубочка; Неладны те ребята, коих не журят ни батьки, ни матки. Ласковое теля двух маток сосет, а бодливое ни одной не увидит.

Симптоматично, что ссоры, конфликты с мачехой как пришлым (а значит, чужим) членом семьи имеют более серьезные последствия для детей, чем ссоры с кровными родителями, усугубляют их и без того незавидное положение: *Горько живется у мачехи пасынку; Мать высоко замахивается, да не больно бьет – мачеха низко замахивается да больно бьет; Мать и бьет, так гладит, а чужая и гладит, так бьет; Мачеха пасынку надвое волю дала: наг ходи либо без рубашки; Матерни побои не больны.*

В традиционной культуре под страхом смерти табуируется конфликт с матерью и отцом, нанесение им оскорблений, побоев, следовательно, ссора с родителями мыслится как нарушение заповеданных социокультурных норм: *Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле <...> (Исход 20:12). Ср.: Кто обидит мать, тому счастья никогда не видать; Кто матери не слушает, тот век мучиться будет; Кто отца оскорбит – судит народ, кто мать оскорбит – нищим умрет; Кто матери не слушает, в беду попадает; Кто об отце или матери худо говорит, того Бог смерть ускорит; Кто родителей почитает, тот вовек не погибает.* Итак, в народной культуре действует предписание не затевать ссору с родителями, перетерпеть, “проглотить” обиду, промолчать: *Молчок: разбил батька горшок; а мать хоть два, да никто не знает.*

Слот «**кровные и некровные родственники**» включает несколько рядов лексем со значением кровного и некровного родства:

– обобщенные номинации с семей родства, свойства: *родня, родственники, родные, близкие, свои.* Например: *Болезнь – от пици, ссоры – от родственников; Дать в долг родне или другому – неизбежная ссора; Близкие ссорятся, а враги радуются; Родня до полдня, а пообедать негде; С родней не без хлопот; Был свой, а стал чужой; Свои дерутся – чужой не суйся; Свой со своим бранись –*

*чужой не вяжись; **Свой со своим** считайся, а чужой не вступайся; Свои собаки грызутся, чужая не суйся!*

– некровные родственники *теща, зять, свекор, свекровь, невестка, сноха, деверь, золовка, сват, сватья, кум, кума* и др. Например: ***Муж с женой** что вода с мукой, а **теща** – дрожжи; **Есть** деньги – заводи мельницу; **есть** хлеб – заводи свиней; **хочешь** ссоры – возьми в дом **зятя**; **Нет** черта в доме – прими **зятя**; Для **гордого зятя** и **дверь** полá; **Зять, зять**, а попробуй-ка **взять**; Где **сношка** – там **рассошка**; **Кукушка** соловушку **журит**, **свекровь** – **сноху**; **Свекор** – драчлив; **свекровь** – ворчлива; **деверья** – журливы, **золовки** – шутливы; **Невестке** на **отместку**; **Садится невестка** **прясть**, **берегите** **деверья** **глаз!** **От свахи** (от **сваты**) **зватый**, от **кумы** **позыватый** (зватый – в гости зовет, позыватый – с тяжбой, ссорой); **С** **бранчливой сватьей** **не** **напрощаешься**; **С сыном** **бранись**, на **печь** **ложись**, а с **зятем** **бранись**, за **скобку** **берись**; и др.*

– кровные родственники *брат, сестра, дети, тетя, дядя*. Например: ***Дети** в ссоре – **отцу** с **матерью** **горе**; **Был брат**, да пошел **собак** **драть**.*

Выделяются паремиологические единицы, описывающие причину ссоры кровных и некровных родственников:

– деньги, богатство: ***Дать** в долг **родне** или **другому** – **неизбежная** **ссора**; **Богатую** **взять** – **станет** **попрекать**; **Лучше** на **убогой** **жениться**, чем с **богатой** **браниться**; **Жена** **богатая** **гордится** и с **мужем** **часто** **бранится**; **Нам** **нечего** **ссориться**, **наследства** **не** **делить**.*

– ущемление прав кровных и некровных родственников, «структурный конфликт». Различный статус членов одной семьи, особенно женщин (невестка, золовка, свекровь), а также их изначальная чуждость (например, невестка, зять) обуславливает их разные позиции в структуре семьи. Как отмечает А. Н. Кушкова, исследовавшая крестьянские ссоры на материале значительного массива этнографических, фольклорных, художественных, нормативно-правовых текстов дескриптивного и прескриптивного характера второй половины XIX, «в семье подобные ссоры чаще всего происходят между невестками и золовками, причем именно семейные ссоры представляют собой ситуацию, в которой может

проявляться, «вспоминается» изначальная неродственность собственно мужа и жены <...> напряжение «свой – чужой» в семье задается во время свадьбы, а проявляется в более позднее время» [Кушкова 2016: 187]: *Ження едет родня – отворяй ворота; мужня родня – запирай ворота; Женина родня входит в ворота, мужнина в прикалиток; Кошку бьют – невестке наветки дают; Чужая сторонка без ветра сушит, свекровь-матушка без петли мучит; С родней не без хлопот; Первая зазнобушка – свекор да свекровушка; другая зазнобушка – деверь да золовушка; Нам нечего ссориться – наследства не делить; Бабы бранятся, так платки с голов валяются; Бог дал родню, а черт вражду.*

Остановимся чуть подробнее на ссорах между свекровью и невесткой. Среди типичных сюжетов крестьянских ссор, происходивших между живущими под одной крышей, выделяются следующие: «Свекрови ссорятся с невестками», «Свекровь ссорит сына с женою», «Свекровь «сживает со свету» невестку» [См.: Кушкова 2001].

«В русском обыденном сознании стереотипизируются представления о неуживчивости свекрови и невестки, особенно под общей крышей» [См.: Шалина 2011: 192]. Описание лингвокультурного типажа «злая свекровь» [См.: Волкова 2010]; «сварливая свекровь» [См.: Шалина 2011] наглядно демонстрирует идею вражды двух женщин, которая подтверждается многочисленными пословицами. Приведем примеры: *Свекор – гроза, а свекровь выест глаза. Чужая сторонка без ветра сушит, свекровь-матушка без петли мучит; Свекровь кошку сечет, а невестке наветки дает; Свекровь сушит кровь; Сноха свекрови – битая полоса; Сноха во двор – свекровь за стол; Сноха за порог – свекровь за пирог; Свекровь на печи, что собака на цепи; Свекровь снохе говорила: невестушка, полно молоть, отдохни – потолки; Свекровь злится, что невестка веселится; Журлива, что свекровь; Своя матка бья не прибьет, а чужая глядя прогладит; Люб, что свекровин кулак; Кому свекровь свекровушка, а кому и свекровица. От свекровушкиной ласки слезами захлебнешься.* Во всех этих примерах актуализируется идея семейно-гендерной иерархии, которая строится на страхе, издевательствах и грубой физической силе: *свекровь невестку мучит, сушит ей*

кровь, журит, бьет (свекровин кулак), злится на нее, дает наветки. Разлад между женщинами передается с помощью контекстных антонимов, указывающих на разнонаправленный характер их действий и состояний: *во двор ↔ за стол; за порог ↔ за пирог; злится ↔ веселится.* Постоянная демонстрация «кто в доме хозяин», тотальный контроль над невесткой («невесть откуда взявшейся»), вынужденно живущей в доме мужа, обозначается и с помощью невербальных маркеров: *У лихой свекрови сзади глаза; Лихая свекровь и затылком видит,* т.е. свекровь постоянно следит за невесткой, подмечает все ее промахи.

Писатель В. Белов в очерках о деревенской жизни отмечает, что одно недоброе слово или злой, пренебрежительный взгляд способны были оборвать нити еще «не окрепших семейных связей» [Белов 2013: 189], что, очевидно, напрямую может быть связано с коммуникативным сценарием «Свекровь ссорит сына с женой».

В паремийном дискурсе выявляется не только такая особенность коммуникации, как «интерсубъективность» – наличие двух и более партнеров, но и такая особенность, как «интенциональность» – их активное взаимодействие [Абакумова 2013: 69-70]. Обратимся к терминалу **АГРЕССИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ (НЕРЕЧЕВЫЕ) ДЕЙСТВИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ**. Участники ссоры «осознают имеющиеся между ними противоречия и готовы предпринять взаимно агрессивные речевые действия» [Козырев 2001: 12]. Паремии эксплицируют репертуар типизированных речевых и неречевых действий коммуникантов, обозначенных разнообразными лексико-грамматическими средствами. Выделим слот «**агрессивные речевые (неречевые) действия и противодействие**». Обратимся к лексическому наполнению слота.

Спорить – значит «взаимно пререкаются, словесно состязаться, отстаивая свое мнение, доказывая свою правоту» [ТСОШ 2011: 930]. Таким образом, один из ссорящихся совершает следующие речевые действия: высказывает свое мнение, настаивает на нем, доказывает его достоверность, другой противодействует – отстаивает свое мнение. Спорящие начинают пререкаются, препираться, т.е. «спорить преимущественно по пустякам», что способствует накоплению агрессии

и провоцирует ссору: *Где споры, там и ссоры; Пустой спор до ссоры скор; Сор да спор доводят до ссор; Пошло на да и нет; Слово за слово – и пошло; Дальше в лес – больше дров; дале в спор – больше слов; Поднимутся тучи – дождь будет, пойдут речи – ссора будет; Ты ему слово, а он тебе десять; В споре и белая ворона черна, и черная – бела; Нет, не ты меня ведешь, а я тебя веду* (спор детей, идущих жаловаться друг на друга) и др.

Следующее речевое действие и речевое противодействие обозначается глаголом *браниться*, т.е. ‘выражать свое недовольство в грубых, резких словах’ [ТСОШ 2011: 59]. Возвратная частица *–ся* указывает на то, что это глагол «взаимно-возвратного значения», который выражает «взаимное (совместное, направленное друг на друга) действие нескольких субъектов [АГ-80 1980 Т. 1: 618]. *Брань* – это ‘осуждающие и обидные слова; ругань’ [ТСОШ 2011: 59]. *Бранчивым* называют человека, характеризующегося свойством постоянно браниться, ругаться. Глаголы *браниться, ругаться, костериться* (‘браниться, ссориться’ (арх.)) синонимичны. Таким образом, коммуниканты совершают направленные друг на друга речевые действия, характеризующиеся агрессией, инвективными выпадами, что нарушает этические нормы. Ср.: *Спорить – спорь, а браниться – грех*. Ссора, сопровождаемая взаимной бранью, является перебранкой. Префиксально-суффиксальное существительное *перебранка*, мотивированное возвратным глаголом, обозначает взаимный процесс обмена грубыми словами. Однонаправленное речевое действие выражается глаголами *разбранить, разругать*, т.е. ‘сильно выбранить’. Приведем примеры: *На брань слова ищут; В пух разбранил (разругал, разбил); Зуб за зуб браниться; На брань слова прикупаю / На брань слово купится / купят; Брань делу не спорит; Смола – не вода, брань – не привет; Поругаться – душу отвести; Противное противным брань; Межи да грани – ссоры да брани; Первая брань лучше последней; Недобранка лучше перебранки.*

Эмоционально-оценочные коннотации получают также входящие в денотативное пространство ссоры глаголы *грызться* – ‘грубо и злобно ссориться’ (прост.) [ТСОШ 2011: 174]), *расшуметься* – ‘начать шумно спорить,

браниться'[ТСОШ 2011: 820] (*Расшумелся как голик*), *шипеть* – ‘ворчать, браниться, выражая свое недовольство, злобу’ (разг.). Злобно бранящийся человек похож на животное. В русских поговорках в качестве метафорического переосмысления бранящегося выступает *собака*. А саму ругань, брань рассматривают как *лай* и *грызню* собак: *Свои собаки гложись, а чужие не вяжись; Вместо семи кобелей держи старую девку – облает злей; Поповой собаки, отставного солдата да старой девки злее нет; Зев за зев грызться* (как собаки, став на дыбы); *Грызутся* – как собаки за кость. Семантика грызни, глоданыя (*глодаться* – ‘грызть, кусать друг друга’) получает «орудийное выражение»: на что указывают диалектно-просторечные глаголы *зубатиться, зубанить, зубариться, зуботолить* в значении ‘спорить, пререкаться, ссориться, браниться’; глагольное выражение *зубами съест* – ‘ругать беспрестанно, изводить руганью, попреками, выговорами’ (заон.); существительные *зазуба* – ‘задиристый, неуступчивый человек, склонный к ссорам, дракам’ (арх.), *изъедуха* – ‘сварливая женщина, ругательница’. Стереотип «Сварливая баба хуже собаки» формирует представление об иррациональности женской ссоры: начавшись с пустяка, она может привести к «катастрофически последствиям, нарушить установленный ритм семейной жизни» [Кушкова 2016: 210 -211].

Кроме того, свойственная женщине манера говорить исподтишка, сдавленным от раздражения, злобы голосом позволяет сравнить ее в ссоре со змеей. Ср: *Змея змею перешипела*. Из других зооморфных образов можно выделить образы быка и коровы, соотносящиеся с образами мужа и жены соответственно: *Отрычала корова – бык зарычал; Бык ревет, корова ревет, никто их не разберет; Бык ревет, корова ревет, а кто кого бодет (дерет) сам черт не разберет; И лжет, и ползет, и бесится; Собаке и на свой хвост вольно брехать*.

Еще одно типичное речевое действие, зафиксированное в поговорках, – *угрожать*. Этот глагол имеет значение ‘требовать чего-л., предупреждать о чем-л., запугивая, грозя чем-л.’[ТСОШ 2011: 1018]. Например: *Берегись: я за волос поверстаю; Не тычь пальцем – наткнешься; Припомню я тебе*

доброхотство твое; Я ему задам чесу; Вавила, утирай рыло, проваливай мимо; Как хвачу, так запоешь суру с перехватом; Такую заушину дам, что трое суток в голове трезвон будет.

Отметим также такие речевые действия, провоцирующие и инициирующие ссору, как *упреки, насмешки, попреки, задирание* и *намек*. Это потенциально конфликтные речевые действия: *От упрёка до ссоры недалеко; Насмешка приводит к ссоре; От шутки до ссоры недалеко; Конец ветра – буря, конец забавы – ссора; Намеки да попреки – семейные пороки; Первая (чарка) задериха (зацепиха), другая неуступиха; От недомолвки бывает размолвка.* Упреки, попреки ('обидные упреки, укоры' [ТСОШ 2011: 698]) намеки и насмешки могут иметь целью зафиксировать какие-либо действия, состояния, свойства адресата, требующие, по представлениям адресанта, изменения, корректировки.

Ответные речевые действия (противодействия) могут зеркально отражать инициальные речевые действия *застрельщицы, задерихи* ('зачинщицы ссор, драк; задиры'), например: оскорбление – ответное оскорбление. Ср.: *Хоть разорваться, да не поддаваться; Остер топор, да и сук зубаст; Друг друга губят, что камень долбят (что дрова рубят); Сошлись, как клин с обухом; Метут в два веника.*

Нежелание уступить, пойти на компромисс отражается в следующих пословицах: *Первая чарка шумиха, вторая задериха, третья – неуступиха (шумиха – т.е. делающая кого-л. шумным).* Паремия как нельзя нагляднее обозначает механизм развития ссоры: один субъект ведет себя вызывающе, шумно, задирает, "подначивает" другого, т.е. пристает к нему, провоцируя на ссору, драку – другой поддается на провокацию; далее ссора начинает развиваться по накатанному сценарию.

Одним из типизированных действий неречевого характера в ситуации ссоры может быть рукоприкладство, которое в традиционной культуре считается одобряемым способом регламентации поведения одной из сторон. Отношение к рукоприкладству амбивалентно: с одной стороны, русские паремии открыто призывают к экстремальным способам разрешения противоречия, с другой – предписывают урегулировать конфликт мирными способами. Ср.: *Чем ругаться,*

лучше собраться да подраться ↔ Брань лучше драки; Полно браниться, пора подраться ↔ Браниться бранись, а рукам воли не давай; Чем горло драть, лучше кулаки в ход пустить ↔ Языком и щелкай и шипи, а руки за пазухой держи; Раскричались, будто у них кулаков нет ↔ Замахнись, да не ударь; Что, у нас кулаков, что ли, нет ↔ Не бей по рожге: себе дорожке; Что за шум, а драки нет? ↔ Борись – не дерись; Красна брань дракой ↔ На словах, как на гусях, а рук не подымай! Бей своих, чтоб чужие боялись! ↔ Пролитого не поднять, а битого (т. е. побоев) не воротить.

Выделим малую глагольную парадигму, характеризующую телесные действия субъекта в ситуации ссоры: *драться, бить, огреть, ударить, хлестнуть, распускать кулаки, дать волю рукам, кулаки в ход пускать, хватать за бороду, дать нахлобучку, дать сдачи*. Глагол *драться* как доминанта малой парадигмы имеет значение ‘бить друг друга, стараясь осилить один другого; вообще наносить побои кому-н.’ [ТСОШ 2011: 214]. Толкование глагола, как и толкование отглагольного существительного *драка* (‘взаимные побои, вызванные ссоры, скандалом’) [ТСОШ 2011: 214] указывает на взаимообразность действий субъектов. Этот же смысл совместности воплощается в поговорках *Готовы горло друг другу перегрызть; Чужую бороду драть – свою подставлять; Медведь быка дерет; и тот ревет, и тот ревет, а кто кого дерет – черт их разберет*.

Следует также учитывать, что «текст пословиц нередко вербализует ряд понятий, не имеющих в ее структуре лексического воплощения» [Алефиренко, Семенов 2009: 270]. Некоторые пословицы образно воссоздают ситуацию драки, описывают эффект ее зрелищности: *Такой Содом, что пыль столбом; Весь дом вверх дном; Пыль столбом, дым коромыслом; Горшки летят, черепушки колются* (о скандале, ссоре).

Несомненно, инициатором рукоприкладства становится мужчина как более сильный, причем народная точка зрения оправдывает его поведение как действенный способ воспитания и обеспечения повиновения: *Бей жену обухом, припади да понюхай: дышит да морочит, еще хочет; Бабу бей, что молотом, сделаешь золотом; Бить шубу, будет тепла, а учить жену, будет мила; Шубу*

бей – теплее, жену бей – милее; Кто вина не пьет, пьян не живет, кто жены не бьет – мил не живет; Бей жёнку к обеду, а к ужину опять (без боя за стол не сядь); Чем больше жену бьёшь, тем щи вкуснее; Для бабы побои как изюмны пироги; В бабьей жизни когда ласка, а когда и таска; Кто волю жене дает, тот сам себя обкрадывает (бьет); Бабе спустишь – сам баба будешь; Жена без грозы – хуже козы. Муж комельком (т.е. палочкой), жена язычком; Отметим также суперустойчивость ментального стереотипа «Бьет значит любит»: Кого люблю, того и бью; Любить жену – держать грозу.

В народной культуре допускается и женское рукоприкладство: *Не то смешно – жена мужа бьет; а то смешно, что муж плачет; В стары годы бывало – мужья жен бивали, а ныне живет, что жена мужа бьет; Коли кочергой зубы выбила, так в солдаты не возьмут.* Причина такого поведения – смещение гендерных стереотипов: маскулинность женщины (*Этой бабе только бы штаны надеть (бойка, как мужчина)*) и женоподобность мужчины (*Муж у нее колпак; Баба ай-ай, а муж – малахай*). Муж-подкаблучник рассматривается как отклонение от нормы.

Паремии подчеркивают специфику проявления женской телесности, реализуемой в драке: женщины часто плюются, таскают друг друга за волосы, кусаются: *Бабы бранятся, так платки с голов валяются; Бабья потасовка – волосяница; Идти в драку – не жалеть волос; Перебранятся бабы – без переплевки не обойдется.*

Терминал **РЕЗУЛЬТАТ** фиксирует возможные исходы семейной ссоры. Выше мы уже отмечали, что в большой крестьянской семье ссора замедляет действие отлаженного, ритмичного механизма хозяйственной жизни. Эту мысль высказывает В. Белов: «<...> ругань, зависть, своекорыстие не только считались грехом. Они были просто лично невыгодны для любого члена семьи... Сбивка с ритма – это болезнь, неустройство, разлад, беспорядок» [Белов 2013: 156]. Именно поэтому в народной культуре действует христианская установка на прощение, примирение, которая, реализуясь, дает «беззлобие, отсутствие ссор, дружбу между людьми, гармонию и спокойствие» [Там же: 139]. Например, в

пословице *Не страшны ссоры, где мирятся скоро* глагол *мириться* в значении 'прекращать вражду, восстанавливать согласие, мирные отношения' [ТСОШ 2011: 450] прямо указывает на гармонический коммуникативный результат. Наречие *скоро* акцентирует внимание на активную деятельность субъекта ссоры по налаживанию отношений с членами «своего круга», возобновлению привычного ритма жизни. Возможные варианты примирения конкретизирует знаток и носитель традиционной культуры В. Белов: «<...> уступить, забыть обиду, ответить добром или промолчать» [Белов 2013: 153]. Установка на миролюбие в узком семейном кругу (*Миролюбивый человек ни с кем не поссорится*) дает «начало любви и за пределами дома» [Там же: 152]. Это гуманистическая установка, распространяющаяся до любви и уважения «к другим людям, к соседям по деревне, по волости, по уезду. Даже межнациональная дружба имеет своим истоком любовь семейную, родственную» [Там же].

Ссора, однако, может и не разрешить противостояние супругов, очаг коммуникативного напряжения в таком случае будет перманентно “пульсировать”: *Муж бить не бьет и прочь нейдет; Пусть бы побился да и утопился* (говор. жена), *топиться не идет; Вместе тесно, а розно тошно*.

Вместе с тем ссора могла заканчиваться и полным разладом, особенно это касается ссоры между родственниками (см., например, выше описание ссор между невесткой и свекровью, приводящих к деструктивному психологическому результату – моральному “уничтожению” невестки). Будучи тесно связанными с речевой ситуацией, паремии являются «некоторыми языковыми штампами, которые говорящий использует в той или иной подходящей ситуации» [Королькова 2008: 81]. Приведем ряд пословиц и поговорок, представляющих собой застывшие вербализованные “осколки” ссор. Это стереотипные высказывания поссорившихся родственников, которые свидетельствуют о временном или полном разладе. Среди них выделяются:

– комиссивы / вердиктивы: *Ноги моей больше у тебя не будет; За три версты буду обходить твой дом; К дому не подойду, чтоб на дверь твою плюнуть; Умрешь – не подойду к твоему гробу; Умрешь – не приду на гроб твой*

плюнуть; На улице встретишься – руки не подам; Воды напиться не дам; И на порог не пущу (На пушечный выстрел не подходи (не подпущу) к моему дому), а подойдешь – собак натравлю;

– репрезентативы: *Теперь дорожки наши разошлись; Нам с тобой пива не варить и столы не водить; Нам с тобой не по пути; Вот тебе Бог, а вот порог; Хлопнуть дверь перед уходом;*

– директивы: *Закрой за собой дверь; Чтоб и духом твоим здесь не пахло! / Чтобы духу твоего здесь не было! (Уходи, убирайся вон!);*

– экспрессивы: *В печенках он у меня сидит!; И знать его не хочу! Век бы его не видать!*

Таким образом, паремии отсылают к двум типам исходов в семейных ссорах – гармоническому и дисгармоническому.

Терминал **ОЦЕНКА**. Пословицы и поговорки суть речения, денотация которых есть «не денотация к миру, а повод для отнесения к системе ценностей» [Телия 1996: 74]. Национальная система ценностей как таковая не представлена в культуре в виде перечня аксиологических номинаций или набора постулатов, она как бы «разлита» в языке, прежде всего в лексическо-фразеологической системе и в текстах, значимых в социокультурном отношении, и может быть реконструирована на основании оценок, которые дают тому или иному явлению члены социума.

Ценности культуры могут распознаваться и в оценочном высказывании. По определению Н. Д. Арутюновой, оценка есть «особый когнитивный акт, в результате которого устанавливается отношение субъекта к оцениваемому объекту с целью определения его значения для жизни и деятельности субъекта» [Арутюнова 1988: 62]. В нашем исследовании субъектом оценки выступает народная культура, объектом оценивания – семейная ссора.

Следует отметить, что оценка одного и того же концепта даже в рамках одной культуры может быть амбивалентной, противоречивой. Это естественно ведет к появлению языковых выражений с различным, иногда противоположным, смыслом. Отношение к ссоре в народной культуре амбивалентно.

Выделим слот **«отрицательная оценка»**. Ссора квалифицируется как зло, грех, порок, вражда, нелады (‘плохие взаимоотношения, недоразумения, ссоры’[ТСОШ 2011:511]), тупиковая ситуация, отсутствие любви, поэтому получает отрицательную этическую оценку: *Ссора до добра не доводит; В ссорах да во вздорах пути не бывает; Что пользы в ссорах? Нелады да свары хуже пожара; Где ссора, там нет удачи; Много бранился, а добра не добился; Брань не смола, а саже сродни: не льнет, так марают; Ссоры да розни, своры да козни.* Ссорящийся субъект наделяется отрицательными этическими оценками, выраженными частнооценочными предикатами, на первом месте среди которых злой: *злая жена, злой муж, злая свекровь.*

Ссора забирает у человека психическое и физическое здоровье (*С брани люди сохнут, с похвальбы толстеют; Доброму человеку в ссоре всяко нехорошо; Драчливый петух жирен не бывает; Драчливый петух голенаст живет; У бодливого барана лоб всегда в крови*), способствует разъединению членов семьи (*Не будет добра, коли меж своими вражда; Кто умеет беситься, тому ни с кем не ужиться*) и, как следствие, оскудению семейного достатка и благополучия (*В доме, где есть ссоры, нет достатка; И в доброй драке на хлеб не придет (а в худой и на квас не выручишь).*

Слот **«положительная оценка»**. Как это ни парадоксально, в ссоре есть и польза, поскольку на «поверхность» семейной жизни «всплывает» то, что мешает кооперации, миру, может являться камнем преткновения для членов семьи. Без ссор семейная жизнь кажется даже “не настоящей”: *Не помутясь, и море не уставится; Без шуму и брага не закиснет; В болоте тихо, да жить там лихо; Брак без драк редким любовен; На что с тем мириться, кто не умеет браниться?*

Выделим также оппозицию «ссора – любовь». Концепты тесно связаны друг с другом. Ср.: *Любовь без ссоры не бывает / любовь без ссоры что суп без соли; И любовь в ссору приходит. Зима без холодов не случается, любовь без ссор не бывает; Когда любовь остывает, согревает ссора.* Согласно традиционным

представлениям, ссора помогает обновить притупившиеся, остывающие чувства близких людей.

На фоне ссоры актуализируются ценностные смыслы коммуникативного лада и гармонии: *Всякая ссора красна мировую; Где лад, там и клад; Хорошо браниться, когда мир готов.*

Семейная ссора может быть рассмотрена в контексте усложненных категорий добра и зла. Один из типов усложнения, названный Н. Д. Арутюновой «обращенным предпочтением», состоит в том, что «ценность добра может быть снижена некоторыми чертами, а ущербность объекта в одном отношении может возмещаться наличием у него положительных свойств в другом аспекте» [Арутюнова 1988: 283]: *Добрая ссора лучше худого / плохого согласия; Плохая дружба лучше хорошей ссоры Брань славна лучше мира студна; Больше дерутся, так смиреннее живут; Не подерешься — не подружишься. Живучи вместе и горшок с горшком сталкивается.*

Семейная ссора в пословицах часто описывается с помощью оппозиции «мир – ссора» («лад – разлад»). Концепты взаимопроникают друг в друга: *Люби ссору, люби и мир; Мир стоит до рати, а рать до мира; Вечный мир – до первой драки; Не страшны ссоры, где мирятся скоро; Не дай бог ссориться, да не дай бог и мириться!* С другой стороны, ссора и мир находятся в оппозитивных отношениях: *Худой мир лучше доброй драки; Соломенный мир лучше железной драки.* Семантическая структура этих пословицологических единиц обозначается Н. Д. Арутюновой как «даже-предпочтение»: «предложения предпочтения включают в одной своей части признаки, снижающие ценность добра, а в другой – признаки, улучшающие худо, переkreщиваются две разнонаправленные оценки» [Там же: 286-287]. См.: *худой мир ↔ добрая драка, соломенный мир ↔ железная драка.*

Мир и лад являются лингвоспецифичными и трудно переводимыми словами. Именно из мира и лада рождается семейное счастье, которое являются одним из ключевых для русской языковой картины мира концептов [Зализняк и др. 2005: 9]: *Где любовь да совет, там и рай, там и свет, а где ссоры да споры, там только*

лишь вздоры. Исходное значение слова «мир» может быть истолковано как «гармония; обустройство; порядок» [Шмелев 2005: 112]. В широком понимании «мир» рассматривается как «миропорядок», противопоставленный хаосу. Отсутствие войны также связано с гармонией во взаимоотношениях между людьми. Образцом гармонии и порядка, по представлениям носителей русской культуры, является *лад* и в семье, и в общественном межличностном взаимодействии. Именно из мира и лада рождаются семейное счастье, благополучие, благодатная жизнь: *Мир да лад – божья благодать; Мир да лад – большой клад; Мир вам, и я к вам; Где лад, там и клад; В мире жить – с миром жить; Не надобен и клад, коли у мужа с женой лад; Дети пойдут в лад – не надо копать и клад; Когда в детях лад, не надо и клад.*

Итак, описание структуры фрейма «семейная ссора» позволяет содержательно наполнить его терминалы и слоты. Мы выяснили, что ссора представляет собой закрытую коммуникацию, сторонних наблюдателей даже внутри «своего круга» стараются избегать. Ссора реализуется во внутрисемейном пространстве, в любое время, осознается как неотъемлемая составляющая семейной жизни, неизбежное следствие грехопадения, искажения принципа взаимной гендерно-ролевой дополнителности. Значительная часть пословиц фокусируется на стереотипах «злой, непокорной жены» и «злой свекрови». Антиценностные смыслы формируются разнообразными женскими «практиками изведения», в числе которых болтливость, придирчивость, покушение на семейную власть, контроль, унижение и др. Ценности покорности, смирения, терпения, негневлиности, кротости нейтрализуют семейные противоречия.

Сценарные перипетии ссоры эксплицируют разнообразные речевые и неречевые действия и противодействие субъектов. В русской национальной лингвокультуре рукоприкладство признается допустимым способом регламентации домочадцев.

Доминирует мужской взгляд на ссору, гендерная асимметрия в семейном домостроительстве базируется на ущемлении прав женщины. В паремиях означивается гендерная, статусно-ролевая специфика поведения, о чем

свидетельствует ряд представлений и ценностных установок, например: «Муж должен воспитывать и наставлять жену (в том числе и кулаком)»; «Жена должна подчиняться и угождать мужу»; «Жена / невестка всегда виновата», «Свекровь всегда права», «Дети должны слушаться родителей» и др.

В народной картине мира отношение к ссоре амбивалентно: она способствует дезинтеграции членов семейного круга, поскольку приводит к временному разладу, и их интеграции, поскольку обновляет семейную жизнь и сплачивает супругов.

Стоит отметить, что в паремиях объективируются нормы речевого поведения, которые, в качестве рекомендации, помогают избежать ссор. В. И. Карасик полагает, что «нормативные ситуации отражены в языке и в наиболее эксплицитном виде представлены в пословицах, которые в сжатом виде содержат наиболее существенные предписания и оценки поведения людей» [Карасик 2002: 22]. Эти высказывания с их деонтической модальностью соотносятся с нормативной системой поведения членов национально-культурного сообщества.

Выводы по первой главе

1. Обращение к идеям когнитивной лингвистики позволяет выявить среди разнообразных когнитивных структур относительно устойчивую и относительно статичную когнитивную структуру – фрейм, пригодную для представления обладающего определенной ценностью для носителей той или иной лингвокультуры коллективного знания. Фрейм выступает как опосредованная структура, сопрягающая область когнитивного и языкового в процессе речевой деятельности, что дает возможность применения этой структуры к выбранному речевому материалу. Фрейм, по сути, можно рассматривать как структурированный концепт, эксплицирующий базовые представления о коммуникативном событии (коммуникативной ситуации).

2. Применение к семейной ссоре параметров событийности доказывает, что ссора – это коммуникативное событие. Наложение ситуативных факторов позволяет априори рассматривать семейную ссору как коммуникативное событие, которое реализуется в семейно-бытовой сфере, характеризуется неофициальным, непринужденным, неформальным, личностно ориентированным характером отношений между членами семьи, происходит преимущественно в домашней обстановке, без свидетелей, (реже – вне семейного локуса и в присутствии свидетелей). Предположительно ссора как форма проявления семейного конфликта вызывается асимметричностью статусно-ролевых, ситуативных позиций коммуникантов, игнорированием вертикальной коммуникативной дистанции. Опора на данные разных словарей позволяет отнести ссору к форме проявления семейного конфликта, характеризующегося столкновением интересов членов семьи, возбуждающего отрицательные чувства (гнев, обиду, раздражение и др.), приводящего к разрыву отношений. Это сложное речевое событие, эксплицирующее репертуар определенных агрессивных речевых действий кровных и некровных родственников, демонстрирующих противоречия коммуникантов.
3. Дедуктивный ход в опоре на известное научное знание позволяет представить фрейм коммуникативного события как такового и его разновидности ссоры, а далее ссоры семейной. Понятия коммуникативное событие → ссора → семейная ссора связываются родо-видовыми отношениями. Выявлена организация событийного фрейма «семейная ссора». К его терминалам (вершинным узлам) могут быть отнесены: УЧАСТНИКИ; МЕСТО; ВРЕМЯ И ПРОТЯЖЕННОСТЬ ссоры; АГРЕССИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ И (НЕРЕЧЕВЫЕ) ДЕЙСТВИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ; РЕЗУЛЬТАТ; ОЦЕНКА. Необходимость включения терминалов в структуру фрейма частично подтверждается и анализом слов-ассоциатов на стимул «ссора», извлеченных из «Русского ассоциативного словаря».

4. Русские поговорки служат надежным речевым материалом, заполняющим содержание слотов событийного фрейма «семейная ссора». Фреймовый инвариант специфицируется за счет варьирования участников ссоры: выделяются слоты «супружеская ссора», «ссора между кровными и некровными родственниками», «ссора между родителями и детьми». Наиболее ярко в традиционной культуре представлены первые два слота, наименее ярко – последний (традиционная культура исходит из презумпции послушания детей родителям).
5. Терминалы заполняются неравномерно. Точечная и фрагментарная представленность терминала РЕЗУЛЬТАТ объясняется статичностью поговорок как когнитивных структур.
6. Репертуар типизированных речевых и неречевых действий участников семейных ссор разнообразен. Наибольшей частотностью характеризуются спор, брань, угроза, упрек, осуждение, рукоприкладство. Отдельные речевые (и неречевые) действия получают гендерную специфику.
7. Семейная ссора в поговорках оценивается отрицательно (*В ссорах да во вздорах пути не бывает*), положительно (*Всякая ссора красна мировою*) и нейтрально (*Дом без еды бывает, дом без ссор – никогда*), что отражает диалектику и сложность семейного бытия. Конфликт членов своего круга расшатывает основы семейного бытия, попирает ценность семьи, но осознается как явление неизбежное. Положительное влияние ссоры кроется в обновлении отношений родственников, осознании ценности семьи.
8. Событийный фрейм эксплицирует идеальную сторону семейной жизни «методом от противного». Мир и лад в семье как микрокосме являются основой нравственно-бытового комплекса, построенного на христианском подходе к жизни. Семейная жизнь должна строиться на этических ценностях – уважении, заботе, любви, культурной традиции (соблюдении статусно-ролевых прав и обязанностей членов семьи). В поговорках объективируются нормы речевого поведения, которые, в качестве рекомендации, помогают избежать ссор.

Глава 2. РЕЧЕДЕЯТЕЛЬНОСТНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СОБЫТИЙНОГО ФРЕЙМА «СЕМЕЙНАЯ ССОРА»

2.1. Коммуникативное событие в аспекте прагматики

Для обоснования речедеятельностного подхода к описанию коммуникативного события «семейная ссора» необходимо прояснить методику анализа, а для этого кратко осветить ключевые понятия коммуникативной прагматики.

Термин «прагматика» был введен в научный оборот в конце 30-х гг. XX в. Ч. У. Моррисом как название одного из разделов семиотики, который изучает отношение к знакам говорящих. Фундаментом этого научного направления служила философия естественного (обыденного) языка, подготовившая необходимые условия для развития лингвистической прагматики. Введя в научный оборот понятие «языковая игра» как «языковое употребление», философ Л. Витгенштейн показал, что языковое значение принадлежит не столько языку, сколько субъекту [См.: Витгенштейн 2011]. Такой подход вел к прагматизации языкового значения.

Дж. Л. Остин и Г. П. Грайс обосновали деятельностный принцип анализа прагматического значения, правила использования языка и интерпретации языковых форм – «максимы Принципа кооперации» [Грайс 1985: 222]. Их идеи привели к выделению двух главных линий в развитии прагматики – акциональной и семантической, на основе синтеза которых сложилась лингвистическая прагматика как относительно самостоятельная наука.

В 60-70-е гг. было осознано отличие прагматики от традиционной семантики: она «делает акцент на коммуникативных процессах и контекстуально зависимых принципах использования системы языка в бесконечном множестве

разнообразных актов языкового общения» [Сусов 2006 Режим доступа: <http://homepages.tversu.ru/~ips/Pragma.html> (дата обращения: 02. 03. 2017)]. В трудах Ю. Д. Апресяна 1974; Ю. С. Степанова 1981; В. З. Демьянкова 1982, 1983; Н. А. Коминой 1983,1984; С. А. Сухих 1986; В. В. Богданова 1990; Б. Ю. Городецкого 1990; Е. В. Падучевой 1991; В. И. Карасика 1994; Н. Д. Арутюновой 1999; В. В. Красных 1999; И. П. Сусова 2006; И. А. Стернина 2012 и др. был очерчен круг вопросов, связанных с взаимодействием говорящего и адресата, с ситуацией общения.

В отечественных исследованиях термин «прагматика» сближается с термином «теория речевого воздействия» на основе общности предмета изучения – речевого общения в аспекте его целенаправленности, мотивационной обусловленности и планируемой эффективности. Иными словами, под коммуникативной прагматикой стали понимать «науку об эффективности общения» [Стернин 2012: 3], исходная посылка которой состоит в следующем: коммуниканты преследуют определенные цели, которые регулируют их речевую деятельность. Цель выступает как функция, предназначенность речевого произведения для выполнения определенных задач в общении. Целеполагание, понимаемое как интенция, мотив, довербальное явление, определяет коммуникативную установку.

Для их описания эффективных способов вербального воздействия речевых партнеров используются понятия «речевые стратегии» и «речевые тактики». С их помощью можно описать организацию речевого поведения и его результат в соответствии с прагматической целеустановкой, изучить находящиеся в распоряжении коммуникантов языковые ресурсы, которые определяют достижение партнерами коммуникативной цели [См.: Иссерс 2016].

Вопрос о понимании природы коммуникативных стратегий и тактик остается дискуссионным. По мнению Т. А. ван Дейка, речевая стратегия – это «характеристика когнитивного плана общения, которая контролирует оптимальное решение системы задач гибким и локально управляемым способом в условиях недостатка информации о соответствующих действиях других

участников коммуникации или о локальных контекстуальных ограничениях на собственные действия» [ван Дейк 1989: 274].

В рамках Тверской (Калининской) семантико-прагматической школы, представителями которой являются В. В. Богданов, Б. Ю. Городецкий, П. В. Зернецкий, Л. П. Рыжова, И. П. Сусов, С. А. Сухих, В. И. Троянов и др., речевая стратегия трактуется как «творческая реализация коммуникантом плана построения своего речевого поведения с целью достижения общей (глобальной) языковой / неязыковой задачи общения в речевом событии» [Зернецкий 1988: 40]; как «совокупность, единство коммуникативных и практических целей» [Городецкий 1990: 49]. Речевая стратегия обуславливает определенную последовательность действий говорящего в соответствии с планом. Конкретные действия, или речевые тактики, мыслятся как «динамическое использование говорящим имеющихся у него вербальных умений построения речевого хода согласно намеченному им плану речевых действий с целью достижения языковой задачи общения, ограниченной рамками речевого воздействия» [Там же: 39]. На выбор речевой стратегии и тактики влияют «системы ценностей, убеждений, социальных норм и конвенций, составляющие в совокупности диспозицию личности» [Сухих 1986: 73].

Работой, во многом обобщающей накопленные достижения коммуникативной прагматики, стала монография О. С. Иссерс «Коммуникативные стратегии и тактики русской речи». В ней подчеркивается прогнозирующая функция речевой стратегии: «в основе лексического значения слова *стратегия* лежит идея планирования действий <...> сохраняется идея прогноза ситуации и поведения коммуникантов» [Иссерс 2008: 55]. Если выявлены условия, определяющие тот или иной стратегический результат, то можно прогнозировать, что определенные речевые действия должны гарантировать успех. Таким образом, правильно выбранная стратегия обеспечивает результативное воздействие на адресата, способствует трансформации его модели мира в желательном для говорящего направлении. Кроме когнитивных измерений, речевые стратегии определяют средства и

способы достижения коммуникативного намерения: от речевой стратегии зависит семантический, стилистический и прагматический выбор говорящего.

Особый интерес для коммуникативной прагматики представляет классификация стратегий. По О. С. Иссерс, в зависимости от степени глобальности намерений разграничиваются общие (направленные на достижение более общих социальных целей: установление и поддержание статуса, проявление власти и т.п.) и частные (направленные на достижение конкретные цели: обратиться с просьбой, утешить и т.п.) стратегии. Первые подразделяются на основные (семантические, когнитивные) и вспомогательные. Основной можно назвать стратегию, которая «на данном этапе коммуникативного взаимодействия является наиболее значимой с точки зрения иерархии мотивов и целей <...> вспомогательные стратегии способствуют эффективной организации диалогового взаимодействия, оптимальному воздействию на адресата» [Там же: 106]. По сути, вспомогательные стратегии есть не что иное, как речевые тактики, позволяющие реализовать стратегические задачи оптимальным способом.

И. Н. Борисова рассматривает речевую стратегию как «общее намерение», «сверхзадачу» адресата, диктуемую его практической целью [Борисова 1996: 22]. Она выделяет осознанные и подсознательные стратегии. Обратим внимание на вторые: они реализуются преимущественно в спонтанных непринужденных разговорных диалогах: говорящий в соответствии со своей «принципиально неосознаваемой ценностно-личностной модификацией психики» [Шерозия 1978: 756] вероятно организует и регулирует речевое поведение. Так осуществляются в основном необдуманые и незапланированные, спонтанные и непринужденные речевые акты. Можно предположить, что в коммуникативной ситуации семейной ссоры чаще реализуются необдуманые стратегии.

Т. В. Матвеева к числу генеральных стратегий относит «информативную», «модальную», «регулятивную» и «фатическую» стратегии: информирование речевого партнера, выражение личного мнения, оценок и эмоций, желание изменить поведение речевого партнера, гармонизацию жизненных ритмов людей соответственно [Матвеева 2010: 386].

Опираясь на индуктивный метод, позволяющий подытожить наблюдения над речевым поведением в различных коммуникативных ситуациях, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров описали рече-поведенческие тактики как однородные по интенции и реализации линии поведения коммуниканта, входящие в его усилия ради достижения стратегического перлокутивного эффекта» [Верещагин, Костомаров 1999: 13]. В основе вычленения тактик лежит признак одного единственного смысла, который может быть выражен самыми различными вербальными средствами [См.: Там же]. Учеными подчеркивается национально-культурная специфика речевого поведения, которое во многих ситуациях обуславливается традициями общения, проводится мысль о том, что «типичная коммуникативная ситуация может быть уподоблена исполнению пьесы по заранее известному сценарию» [Там же: 15].

Для нас важна мысль о том, что построение стратегий и их реализация зависят от ряда факторов, например участников [См.: Сухих 1986], пространства, в котором коммуникация осуществляется, типа коммуникации. Так, конфликтная ситуация обуславливает выбор тактик «упрека, обвинения, оскорбления (инвективы), угрозы и др.» [Седов 2004: 310-320]. Таким образом, системообразующие факторы конфликтной ситуации определяют логику речевого поведения говорящих и дают возможность использования некоторых типичных речевых тактик.

Определенный вклад в развитие теории коммуникативной прагматики вносит А. В. Ланских, рассматривающая стратегии и тактики конфликтного и кооперативного речевого поведения участников реалити-шоу. Декодирование тактик осуществляется путем исследования манифестирующих их речевых ходов, которые формируется более мелкими структурами – речевыми шагами, или речевыми действиями с определенной коммуникативной интенцией [См.: Ланских 2008]. Речевые шаги, которым соответствует одна и та же коммуникативная интенция, сигнализируют об одной речевой тактике. Для реализации каждой речевой стратегии используются определенные речевые тактики. Например, репертуар стратегии понижения статуса коммуникативного

партнера «составляют тактики обвинения, осуждения, обличения, оскорбления, укора, упрека, насмешки» [Там же: 19].

В настоящее время констатируется отсутствие строгого терминологического единства при описании лингвистами речевых стратегий и тактик. В понимании терминов наблюдаются два подхода. В первом [См. труды Формановской 2002; Ключева 2002; Ждановой 2008 и др.] противопоставляется понимание понятий «речевая стратегия» и «речевая тактика»: под речевой стратегией понимается когнитивное образование, под тактикой – речевая реализация первого, ряд речевых средств, речевых приемов для достижения имеющегося у говорящего плана. Например, речевая стратегия – это «общий план, или общая линия речевого поведения, определяемые коммуникативной целью (целями) говорящего/пишущего на основе осознания коммуникативной ситуации». Речевая тактика – это «речевое действие (речевой акт или несколько взаимосвязанных речевых актов), соответствующее тому или иному этапу в реализации речевой стратегии и направленное на решение частной коммуникативной задачи этого этапа» [Сковородников 2014: 230].

Во втором подходе [См.: Рытникова 1996б; Шпильман 2006; Ланских 2008 и др.] оба понятия отражают цель речевого общения: стратегия отражает генеральную цель (макроинтенцию) речевых действий в определенной коммуникативной ситуации, тактика – локальную цель (микроинтенцию) в рамках отдельных этапов речевого общения. Например: речевая стратегия – «это некий сценарий запланированных действий, направленных на достижение коммуникативных целей говорящего путем речевого воздействия на адресата». Она реализуется посредством речевой тактики, «представляющей собой конкретное воплощение сценария, связанное с оценкой речевой ситуации, условий общения и коммуниканта» [Шпильман 2006: 10]. По сути, стратегия представляет собой речевое поведение адресанта, основанное на использовании совокупности речевых средств, заранее спланированных и направленных на достижение определенной коммуникативной цели. Тактика представляет собой

отдельное речевое действие, используемое на определенном этапе реализации стратегии и направленное на решение отдельной задачи.

Целостное определение указанных понятий дает Т. В. Матвеева, одновременно указывая на когнитивную и вербальную природы обоих понятий. Речевая стратегия – это «генеральная интенция говорящего, а также совокупность речевых действий, направленных на решение основной коммуникативной цели говорящего» [Матвеева 2010: 386]. Речевая тактика – это «частная интенция и соответствующий ей речевой акт, направленный на осуществление речевой стратегии, т.е. речеповеденческий шаг на пути к генеральной цели говорящего» [Там же: 387]. Такое определение речевой стратегии и речевой тактики мы принимаем за рабочее.

Следует остановиться и на вопросе поиска коммуникативной единицы, которая смогла бы адекватно отразить взаимосвязь коммуникативной цели и речевой деятельности говорящего. Стратегия и тактика должны рассматриваться в процессе интеракции, т.е. должна учитываться логика развития речевых актов. Ряд речевых актов может быть выполнен лишь для реализации одной тактики. Поэтому одна тактика может соответствовать одному или нескольким речевым актам. Сумма речевых тактик, при благоприятном исходе, приводит к успеху.

А. П. Сковородников выстраивает речедеятельностную причинно-следственную цепочку: «речевая стратегия → речевая тактика (тактики) → речевые ходы и их языковое воплощение» [Сковородников 2014: 230], в которой эксплицируется то, что речевой ход – это подходящее понятие для описания речевых стратегий и тактик. Можно сказать, что речевые ходы являются языковыми средствами реализации речевых тактик. Как отмечает О. С. Иссерс, речевые ходы – это приемы, выступающие «в качестве инструмента реализации той или иной речевой тактики» [Иссерс 2008: 117], по речевому воплощению совпадающие с речевыми актами. Чтобы обозначить словесно-речевую структуру действий говорящего, используется термин «речевая партия» [См.: Шалина 1998; Борисова 2001].

Материалом нашего анализа во второй главе служат живые и репродуцированные диалоги. Диалог, по сути, представляет собой форму речи, состоящую из регулярного обмена репликами-высказываниями говорящих [См.: Дускаева 2014]. Необходимость выявления единицы членения диалога обусловливается последовательностью реплик и связью коммуникативных фаз. В качестве рабочей единицы членения диалога мы принимаем термин «диалогическое единство (ДЕ). ДЕ – это «минидиалог, комплексная единица диалога, представляющая собой объединение двух или нескольких речевых актов на тематической и / или психологической основе. В материальном выражении ДЕ представляет собой объединение соседних реплик диалога на коммуникативно-психологической основе, объем такого комплекса определяется информативной и психологической исчерпанностью данного этапа общения с позиций речевых партнеров» [Матвеева 2003: 61].

Определение диалогической единицы, предложенное А. Н. Барановым и Г. Е. Крейдлиным, базируется на отношении иллокутивного вынуждения. Начало и конец ДЕ маркируются соответственно «абсолютно независимым и <...> абсолютно зависимым речевым актом» [Баранов, Крейдлин 1992: 94]. Речевой акт является иллокутивно независимым, когда его производит человек согласно своим интенциям; речевой акт иллокутивно зависим, когда его появление вынуждает предшествующий речевой акт. Именно иллокутивное вынуждение формирует внутреннюю структуру ДЕ. Следовательно, иллокутивно независимый речевой акт – это реплика-стимул собеседника, иллокутивно зависимый речевой акт – реплика-реакция.

Итак, можно сказать, участники общения являются носителями социального опыта, обладающими определенным набором ролей и коммуникативной компетенцией, а также действующими в соответствии с определенными, в частности речевыми, традициями. В диалогическом взаимодействии осуществляется взаимная ориентация высказываний коммуникантов.

Речевые стратегии и речевые тактики являются важным инструментом коммуникативной координации участников ссоры. Выбор в коммуникации

совокупности осознанных тактик в границах определенной стратегии ведет к эффективному коммуникативному взаимодействию посредством выполнения определенной поставленной коммуникативной задачи. Можно предположить, что ссора как фрустрация эксплицирует импульсивные эмоциональные реакции и характеризуется использованием неосознанных речеповеденческих тактик.

2.2. Динамическое воплощение событийного фрейма «семейная ссора»

Задача данного параграфа – показать, как осуществляется становление и развитие семейной ссоры, приводящее к определенному коммуникативному результату, как проявляют себя и начинают “работать” выделенные в первой главе терминалы событийного фрейма, и как они влияют на развитие речеповеденческого сценария ссоры.

2.2.1. Терминал МЕСТО

Понятие «хронотоп», вошедшее в научный обиход благодаря М. М. Бахтину, может использоваться при анализе как художественных произведений, так и реального бытия. Хронотоп фиксирует существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, позволяет “огранить” то или иное событие. События, по Бахтину, связанные со встречами разных субъектов, со столкновением их судеб, выступают важными хронотопическими ценностями. Встречи и столкновения – это точки завязывания и место развертывания событий. «Здесь время как бы вливается в пространство и течет по нему (образуя дороги)» [Бахтин 1975: 228].

Несомненно, что каждое из типических коммуникативных событий в человеческой жизни, в том числе и семейная ссора, имеет свои пространственные координаты и логику развития. Пространство – один из важнейших

онтологических параметров в жизни (природы, человека, общества), ее «конституирующая категория» [Толстая 2011: 7].

В первой главе нами были выделены слоты «дом» и «вне дома», фиксирующие места локализации ссор. «Под «домом» понимается внутрисемейный локус (в условиях города это обычно квартира)» [Китайгородская, Розанова 1999: 24-25]. Таким образом, коммуникативное событие «семейная ссора», как правило, локализуется дома, в домашней обстановке. Ср: *Я на работе заведусь / а потом **домой** прихожу и сразу полкана спускаю // Я терплю токо на работе / а **дома** я не могу// **Дома** я «р-р-р» //* [ЖРУГ 2011: 71]. Многие лингвистические словари фиксируют типичные иллюстративные контексты с существительным ссора: *домашняя ссора, семейно-бытовая ссора.*

Местом «дислокации» домашней ссоры может быть гостиная, кухня, детская, спальня и другие места. Соответственно слот «дом» заполняется лексемами с пространственной семантикой: *дом, квартира, комната, коммуналка, кухня* и под. Эти единицы можно вычленить из описания обстановочного контекста, представленного в ремарках пьес, из реплик персонажей; они фиксируются также в коммуникативных предысториях и высказываниях речевых партнеров в живом взаимодействии. Ср.: *Действие происходит в **московской квартире*** («БА», Ю. Тупикина); *Павел уходит **в комнату***; *Надя посмотрела в глазок, проверила замок и тоже ушла **в комнату***; *Разговор с женой **Надей** происходит **на кухне*** («Дима любит таблеточки», И. Синило); *Тщательно выметенная **комната*** («Март», И. Васьковская); *Эльза уходит **на кухню**. Ольга идет за ней* («Земля Эльзы», Я. Пулинович). *Ссора происходит **в домашней обстановке***; *Выгнанный **из дома** по причине нежелания работать и пьянства С. приходит **домой** с целью примирения*; *Бывший муж Т. заходит **на кухню***; *А. И. **на кухне** готовит еду. Входит Н.*; [ЖРУГ 2011: 64-72].

В обстановочный контекст включаются и предметы домашнего обихода: мебель (*обеденный стол, диван, кровать*); домашняя утварь (*кастрюля, нож, вилка, тарелка*); предметы бытовой техники (*холодильник, плита, микроволновка,*

утюг); вещи (носки, подушка, джинсы) и под. Например: *На кухне за столом сидят Ольга и ее дочь Даша* («Земля Эльзы», Я. Пулинович); *Перед диваном — обеденный стол, за которым сидит Маша* («Март», Ирина Васьковская) и под. Предметы домашнего обихода по-своему участвуют в конфликтном противостоянии речевых партнеров. Например, они могут стать поводом к ссоре или предметом ссоры: **Н.** (о бывшем муже) *Он не работает / из дома телевизор утащил //*; **Н.** (свекрови) *Я када пришла к вам / у вас ни мебели / ни хуя не было //*; **О.** (мужу) *Я ваще сказала / у меня будет антикварная квартира / ко мне будут приходить и глядеть / как в шестидесятые годы люди жили //* **Плита** как была / так и есть //

Знаковую функцию в ситуации семейной ссоры приобретает кухня. Это «наиболее многофункциональное помещение», которое «может совмещать в себе и столовую, и гостиную; помимо своей основной функции – место для приготовления пищи – она используется и для работы, и для разговора по душам» [Занадворова 2001: 95]. Добавим, и для выяснения отношений. В русской традиционной культуре кухня – это территория, где господствовала женщина. Статус кухни как женского места обнаруживался «в процессе хозяйственной деятельности» [Агапкина 2011: 22-23]. Кухня часто использовалась для создания «максимально обобщенных образов женских ссор» [Кушкова 2016: 206]. За прошедшие столетия в этом плане мало что изменилось. В современной городской культуре статус кухни как типизированного места бытовых ссор, участниками которых становятся находящиеся в отношениях родства или свойства женщины (да и не только они), остается. Ср: *Две женщины у одной плиты не сварят / дележка начнется //* [ЖРУГ 2011: 267]. Приведем более развернутый пример из живого речевого взаимодействия.

Коммуникативная предыстория: **А.** и **Г.** – свекровь и свекор (57 л. и 60 л.); **Б.** – невестка (30 л.), которая живет в их доме. **Б.** на кухне готовит обед. Входит **А.** и заглядывает в кастрюлю.

А. *Чё приготовила / борщ? Это хорошо! Сашка (сын Б., муж А.) любит супчик //* *А какое мясо взяла?*

Б. (сдерживая раздражение) *Не ваше // Купила в магазине //*

А. (с возмущением) *Дак почему купила?! В морозилке мясо разделанное / для супа / для жаркого // Я же говорила / бери // Тут лосятина / там кабанятина //*

Б. *Захотела вот и купила // какая разница!*

А. *Как какая?! Большая! Лосиное мясо и из магазина / есть разница?! А ты его хорошо промыла?*

Б. молчит.

А. (заглядывает в кастрюлю) *Пену-то плохо сняла / я вижу // А какие приправы /*

Б. (перебивает) *Блин / скоко можно меня инспектировать! Достали меня своими придирками! Как умею / так и готовлю // Еще никто не отравился! Уходит с кухни.*

А. (обращается к своему мужу, который входит на кухню) *Нет / Геша / я не могу // Это невозможно / когО он в дом привел // Это просто бабы какие-то (имеет в виду **Б.** и ее мать) //*

Г. *Аля / я тебе говорил // Давай квартиру разменяем / отделим их //*

А. *Да ты что / Гена! Что ты такое говоришь! У нас дом скоро развалится // И слушать не хочу // Это моя квартира!*

В этом диалоге внешним поводом для ссоры между невесткой и свекровью становится кастрюля с супом. **А.** ревностно относится ко всему, что делает невестка, которая, как ей представляется, не умеет экономить, плохо готовит, поступает неразумно. Свекрови хочется, чтобы невестка научилась у нее премудростям хозяйственной жизни, приняла сложившийся в семье уклад (*моя квартира*), однако **Б.** не желает подчиняться и поступает по-своему. Молодая женщина интерпретирует речевые действия **А.** как постоянные незаслуженные придирки (*Достали меня со своими придирками!*), как проявление желания установить контроль над ней (*скоко можно меня инспектировать!*), поэтому она дерзко отвечает на высказывания свекрови. Ссора обнажает глубинные, архетипические противоречия, вызванные нарушением иерархии семейно-ролевых прав и территориальными притязаниями. Свекровь всем своим поведением показывает, что она находится на своей территории и является хозяйкой дома, а невестка должна слушаться ее во всем.

Следующий текстовый фрагмент иллюстрирует бытовую стычку между бывшими супругами, в силу обстоятельств вынужденно живущими в одной квартире. Физическое пространство их общения сужается до мест общего пользования. Коммуникативная предыстория: бывшая жена **Н.** (43 г.) варит на

кухне пельмени. В это время бывший муж Т. (42 г.) заходит на кухню, подходит к плите и выключает газ.

Н. (возмущенно) *Зачем выключил-то? Они не сварились же!*

Т. *А-а/ я думал уже не варятся// Ну/ зажигай// Я привык к порядку/ чтоб порядок всегда был// Я не знал/ что у тебя там варятся//*

Н. (с раздражением) *Дак ты не видишь/ что ли?*

Т. *Извини/ пожалста/ ага? Ну / опять включи//* (Подает **Н.** спички)

Формально коммуникативное напряжение вызвано недоразумением: **Т.** случайно выключает газ. Однако действия бывшего мужа становятся поводом для всплеска негативных эмоций и упреков **Н.**: *Зачем выключил-то? Они не сварились же! Дак ты не видишь/ что ли?* Очевидно, что практически любые манипуляции с бытовыми предметами могут быть восприняты бывшими супругами, находящимися в состоянии взаимной вражды и обиды, как повод «насолить» друг другу. Коммуникативное напряжение нейтрализуется усилиями **Т.**, разъясняющего свои действия (*Я не знал/ что у тебя там варятся //; А-а/ я думал уже не варятся //; Я привык к порядку/ чтоб порядок всегда был //*), прибегающего к извинению (*Извини/ пожалста/ ага?*) и побуждающего к повторным действиям (*Ну/ зажигай//; Ну/ опять включи//*). Готовый вспыхнуть на пустом месте конфликт гасится до следующего столкновения ставших чужими людей.

Каждый человек своими мыслями, чувствами, ценностями-целями, желаниями, жизненными принципами формирует вокруг себя некое пространство, частью которого является и он сам. Эту порожденную сознанием реальность, «форму субъектности» [Нартова-Бочавер 2005: 98], «субъективизированную среду, избирательно воспринятую и оцененную» [Журавлев, Купрейченко 2012: 23], психологи называют психологическим пространством. Его границы очерчиваются «последовательно совершаемыми выборами (идентификациями – отчуждениями) в каждой жизненной ситуации» [Нартова-Бочавер 2005: 98-99]. Лингвисты вводят в научный оборот термин «личная сфера», под которым понимается человек и все, к чему он причастен «физически, морально, эмоционально или интеллектуально» [Апресян 1997: 293]. Понятия

«психологическое пространство» и «личная сфера», несомненно, коррелируют, хотя, на наш взгляд, последнее шире, поскольку интегрирует разные типы пространств, в частности не только ментальное или эмоциональное, но и телесное.

Следующий пример отражает фрагмент ссоры тещи **А.** (72 г.) и зятя **Б.** (45 г.), находящихся в пространстве взаимного отчуждения:

А. <...> *Я ни разу не видела / чтобы вы с женой сели обсудили / чё купить/ чё сделать // Чё это за семья такая?! Ешь всегда один / никогда жену не ждешь/ по три часа за столом высиживаешь//*

Б. *Как хочу/ так и ем// У нас в семье так было / у нас по-другому// Отец всегда поздно приходил/ поэтому мать никогда не ждала его// Все ели отдельно//*

А. *Мама у тебя точно с приветом/ и ты такой же/ с приветом// Придурок//*

Б. машет рукой, уходит в комнату.

А. не нравится, что **Б.** отдалился от жены, не принимает участия в обсуждении семейных дел, планировании семейного бюджета. Теща, для которой чувство причастности к семейной общности абсолютизируется, не понимает зятя, отделившегося от семьи и упрямо отстаивающего свое право на «автономию» в общем семейном пространстве. Столкновение внутрисемейных ценностных установок коммуникантов порождает взаимную неприязнь. Чувство стесненности от ощущения нарушения границ психологического пространства вызывает у зятя желание не видеть и не слышать тещу: **Б. уходит в комнату.** Таким образом, семейный конфликт позволяет личности отрефлексировать границы своего психологического пространства, пережить его как нарушенное или сохраненное.

Тексты-разговоры участников семейных ссор позволяют сделать еще одно наблюдение: домашний локус означивается не только как место протекания ссоры, но и как объект собственности, являющийся типичной причиной конфликтов. Ср., например, развернутую реплику дочери Ольги, которая ссорится с матерью из-за намерения последней выйти замуж и продать дом («Земля Эльзы», Я. Пулинович):

ОЛЬГА *Ну, влюбилась и влюбилась. А замуж выходить зачем? А дом зачем продавать? Дом – это материальное. Его можно пощупать. Ощутить все величие рода, ну или не величие, а я не знаю.... Твоя правнучка будет жить в этом доме, будет гордиться, что этот дом ей прабабушка с прадедушкой*

оставили... Я с двенадцати лет, каждый день в этот дом, в семью.... Я помню, как папа начал второй этаж строить. Я каждый кирпичик этот помню. Я думала, что мы все ради одного стараемся, ради Дашки, ради ее детей. А тут – здрасьте-приехали. Папа умер, мама нашла себе нового мужа, они уезжают жить к папуасам, дом продают. Ты мне раньше-то почему не сказала, что так можно жить?

Дом наделяется признаками не только материально-вещественными (это материальное; каждый кирпичик помню; его можно пощупать), но и духовно осмысляемыми: *ощутить величие рода*. Существительные *дом, (второй) этаж, кирпичик и семья, род* становятся контекстными партнерами. Частота употребления терминов родства (*папа, внучка, прадедушка, прабабушка, мама, дети*) на небольшом речевом участке показывает, что возможная продажа, утрата дома воспринимаются как межпоколенная трагедия, как разрыв родовых связей. Дом выполняет функцию родового гнезда, призванного собирать членов семьи под одной крышей, хранить и оберегать их в общем пространстве.

Эти же смыслы можно проследить и в живом взаимодействии. Так, одной из внешних причин ссоры мужа (С. – слесарь, 49 л.) и жены (О. – уборщица, 47 л.) является отношение к ремонту квартиры:

О. *Я ваще сказала / у меня квартира антикварная будет // ко мне будут приходить и глядеть / как в шестидесятые годы люди жили // Плита как была / так и есь// У меня и у Борьки Урусова такая плита во всем доме /остальные уже все сменили // Я вот так думаю / на мой век уже ниче не надо больше// Мне хватит этого// Вот так токо освежить// Мне ниче не надо //*

С. *Я тя просил / давай начнем ремонт в ванной // «Оставь / надо убирать там все» // Да я сам уберу // (Передразнивает О.) «Нет» // Давай пластик сделаем / это на всю жись / можно зеркальный сделать / точечные светильники // (передразнивает О.) «О-о / да-а-а» //*

О. *Это все в деньги упирается // У нас ванна в трещинах / на ней коросты можно нашоркать //*

С. *Ну я и нашоркал //*

О. *Нече там ездить //*

С. *До весны накопим да и начнем // Там помазал / там помазал / и виду не будет // У меня задумка с ванны начать // Там же потолок-то все же вот так / все закручивается // Он же был побелен / потом покрашен / потом побелен// Теперь это все вот так сворачивается<...>И все желтое-желтое // И ниче такого шибко-то низя / там же сырость (сырость) такая // По осени по весне все сыро // В кровати-то / как в луже лежишь //*

О. *Мне ничё не надо //*

Сигналами домашнего пространства выступают локализмы (*квартира, ванная*), бытовые номинации (*плита, светильник, потолок, кровать*). Юридически квартира принадлежит **О.**, поэтому она всячески демонстрирует статус хозяйки, подчеркивая свое право принимать решения. Языковыми сигналами выступают предложно-падежные формы личных и притяжательных местоимений: *я, моя, мне*; модальные слова *надо; не надо*; емкие синтаксические конструкции, передающие тональность категоричности, императивности: *Нече там ездить //*; *Оставь / надо убирать там все //*. Любые попытки мужа принять участие в ремонте квартиры разбиваются о нежелание жены что-то делать. Кооперативные тактики предложения (*Давай начнем с ванной //*; *У меня задумка с ванной начать //*; *Давай пластик сделаем //*) вступают в оппозитивные отношения с некооперативными тактиками отказа: *Мне ничё не надо//*; *На мой век уже ничё не надо больше //*; *Мне хватит этого //*. Квартира выступает как знак разобщения супругов, место постоянных ссор.

В следующем меморатном монологическом фрагменте свекровь **А. И.** вспоминает о разводе сына и невестки и ссорах из-за мебели:

А. И. *Я тоже ить в суд подавала //* *Купила я кольца им / шифоньер наши им собрали //* *Деньги собрали и вот они купили шкаф //* *А мы с Толей (о сыне) ходили покупали софу //* *А она в больнице в то время лежала / вот чё //* *А она в суд подала/ и кольцо записала / и софу / и шифоньер //* *Они там чё-то перерекались-перерекались / с друг дружкой-то//* *А я сижу/ а потом грю/ «Кольца я покупала» //* *А судья grit/ «Как вы?» //* *Я грю / «Дак он из армии пришел / на чё он купит? Ему и ей купила кольцо//* *Теперь софа / я грю / ты же с отпуска пришла/ у тя денег не было / и легла в больницу / а я купила софу вам //* *Теперь/ я грю / насчет шифоньера //* *Мать твоя сказала / «вы чё нам не отдаете шифоньер?» //* *Я грю / «мне ваш шифоньер не надо / у меня свой есть //* *приезжайте забирайте» //* *Она извернулась и ушла / ничё не сказала //* *Так что неплохой шифоньер / получше моёва-то (моего-то) //* *Зато мой скоко стоит / есь-пить не просит //* (Смеется)

Предметы мебели (*шифоньер, софа*), украшения (*кольцо*) становятся камнем преткновения для разводящихся супругов и приводят к ссорам, уладить которые становится возможным только в суде: *А она в суд подала: Я тоже ить в суд подала //*. Коммуникантка помнит в мельчайших деталях давние события покупки

колец и мебели: / я грю / ты же с отпуска пришла/ у ты денег не было / и легла в больницу / а я купила софу вам //. Чувство личной собственности актуализируется в ситуации дележа и отъятия этих предметов: *мой* (шифоньер); *нам* (не отдаете); *лучше моёва-то* (шифоньер); *я покупала*; *наши им купили*. Глагол *пререкается* в значении ‘спорить, препираться, ругаться’ [ТСОШ 2011: 723], прием повтора, усиливающий интенсивность и протяженность ссор (*пререкались-пререкались*), показывают, насколько значимы вещный мир для членов семьи. Он становится важнее душевного мира и спокойствия.

Семейная ссора может происходить в разных внесемейных локусах. В слот «вне дома» может входить любой соответствующий пространственный указатель: *улица, парк, ночной клуб, чужая квартира, дом подруги* и др. Например, **М.** (муж) и **Ж.** (жена) находятся в гостях, в доме друзей.

М. *Давайте я вас сфотографирую//*

Ж. *Нет / Денис // Давай нас Сережин брат сфотографирует всех вместе // Один же кадр остался //*

М. *Нет/ я не хочу // Я не люблю фотографироваться //*

Ж. *Денис/ ну давай все-все вместе //*

М. (раздраженно) *Анька! Как меня бесит/ что ты постоянно ко мне цепляешься //*

Ж. (обиженно) *Да чё такого-то? Я хотела// чтобы ты вместе с нами //*

М. *Всё / проехали// Я с тобой дома поговорю //*

Ж. молчит.

Диалогическое взаимодействие можно охарактеризовать как прекословное (термин М. В. Ломоносова). Очаг напряжения начинает формироваться настойчивыми уговорами жены сфотографироваться всем вместе. Отказ мужа, содержащий рациональное объяснение, не находит поддержки жены, которая не придает ему значения. Муж срывается в раздражении: *Анька! Как меня бесит / что ты постоянно ко мне цепляешься//*. Об эмоциональном состоянии **М.** свидетельствует глагол *бесить* в значении ‘приводить в крайнее раздражение’ [ТСОШ 2011: 43]. Он интерпретирует речевые действия **Ж.** как провокацию, как «цепляние»: *ты постоянно ко мне цепляешься //*. Глагол *цепляться* употребляется в значении ‘приставать, придирается’ [ТСОШ 2011: 1079]. Собственными волевыми усилиями **М.** нейтрализует коммуникативное напряжение. Начавшаяся

ссора не получает дальнейшего развития – этому мешают ситуативные обстоятельства: наблюдатели «прекословного» разговора, чужой дом. Реализуется сценарий «Сдерживание конфликта». Однако реплика М. (*Я с тобой дома поговорю*) свидетельствует о его неисчерпанности. С высокой долей вероятности можно предположить, что в домашней обстановке «выяснение отношений» продолжится.

Драматургические тексты также показывают возможность протекания семейных ссор вне дома. В качестве примера приведем фрагмент диалогического взаимодействия героев пьесы Я. Пулинович «Земля Эльзы». Коммуникативная предыстория: пожилые влюбленные, пенсионеры Эльза и Василий Игнатьевич решают начать новую жизнь: пожениться и продать дом Эльзы, а на вырученные деньги отправиться в путешествие. Дочь Эльзы Ольга, сын Василия Игнатьевича Виктор и его жена Изабелла всеми силами стремятся воспрепятствовать плану престарелых влюбленных. Разговор происходит в доме Эльзы:

ВИКТОР *Я предлагаю следующий вариант. Давайте так. Дело ясное, хотят жениться – пусть женятся. Мы им свадебку сыграем, а потом скажем – вот, молодые-немолодые, мы вам тут прикупили путевку в Турцию. Съездите, отдохните, никакую недвижимость вам продавать не надо. Они, значит, возвращаются, мы у них изымаем загранпаспорта. А пока восстановят, пока то, пока се, глядишь, и одумаются.*

ИЗАБЕЛЛА *То есть ты предлагаешь вместо того, чтобы Сашку с Егором в лагерь отправить, оплатить твоему папаше отдых в Турции?*

ВИКТОР *Сашка с Егором маленькие, у них еще в жизни лагерей этих будет!*

ИЗАБЕЛЛА *То есть вот по этой причине пускай мальчишки все лето в городе угарным газом дышат, потому что у твоего папаши любовь?*

ВИКТОР *Ну, я не говорю, полностью оплатить, мы же можем скинуться как-то по по-родственному?(Виктор смотрит на Ольгу). <...>*

Далее Ольга с Изабеллой начинают ссориться, между ними происходит драка. Их разнимают.

ВИКТОР *Женщины, успокойтесь!*

ИЗАБЕЛЛА *А про Турцию мы с тобой еще дома поговорим! Ты бы с таким напором меня хоть раз куда-нибудь свозил!*

ВИКТОР *Ну, давай, сделай меня как всегда во всем виноватым!*

ИЗАБЕЛЛА *А я тебе все это говорила, что так будет.... Хоть бы раз ты меня послушал....*

Виктор и Изабелла уходят.

Предметом нашего внимания становится коммуникативное поведение супругов, оказавшихся на чужой территории. Предложенный Виктором план наталкивается на речевое сопротивление Изабеллы: *То есть ты предлагаешь вместо того, чтобы Сашку с Егором в лагерь отправить, оплатить твоему папаше отдых в Турции?* Она интерпретирует предложение мужа об оплате путевки *молодым-немолодым* как возможность ущемления материальных интересов семьи и начинает возмущаться. Изабелла выступает как «конфликтный агрессор» (термин К. Ф. Седова), она не может сдерживать себя даже в чужом доме в присутствии людей, которых видит в первый раз. Начавшаяся между мужем и женой ссора усугубляется конфликтом с Ольгой, заканчивающимся дракой. В речевую партию Изабеллы входят угрозы, упреки, обвинения в адрес мужа: *А про Турцию мы с тобой еще дома поговорим! Ты бы с таким напором меня хоть раз куда-нибудь свозил! А я тебе все это говорила, что так будет; Хоть бы раз ты меня послушал.* Реплики Изабеллы наглядно иллюстрируют механизм развития речеповеденческого сценария «Эскалация ссоры». Речевые реакции Виктора подтверждают вывод об установившемся семейном неблагополучии и коммуникативной дисгармонии между супругами: *Ну, давай, сделай меня как всегда во всем виноватым!* Приведенные примеры показывают, что супружеские ссоры случаются не только за закрытыми дверями, но и в публичном пространстве, в присутствии знакомых или даже незнакомых людей. Личность как носитель агрессивного психотипа не может контролировать свое эмоциональное состояние, вербализует свое отношение к ситуации и речевому партнеру в любом пространстве.

Итак, интерпретация терминала **МЕСТО** фиксирует важную роль семейного пространства – физического и психологического. Полифункциональный характер места проявляется в его способности означивать как обстановку, так и разобщение коммуникантов. В целом можно говорить о сохранении запрета на публичную ссору. Нарушение коммуникативного табу объективирует коммуникативную личность как психотип.

2.2.2. Терминал ВРЕМЯ И ПРОТЯЖЕННОСТЬ

Подчеркивая неразрывное единство пространственно-временных отношений, М. М. Бахтин отмечал, что время следует рассматривать в качестве «четвертого измерения пространства». При этом именно времени принадлежит «роль ведущего начала в пространственно-временном континууме» [Бахтин 1975: 236]. Остановимся на характеристике терминала **ВРЕМЯ**.

В сознании человека существуют некоторые общие представления о нормальном суточном цикле, обусловленном социально-биологическим ритмом жизни. Можно предположить, что семейная ссора не имеет своих четко очерченных «хронотопных зон» [Китайгородская, Розанова 1999: 252] и имеет разную протяженность – от нескольких минут до более длительного времени. Протяженность может толковаться через однокоренное слово *протяжение*, подразумевающее ‘расстояние по одному из трех измерений (длине, ширине, высоте)’ [ТСОШ 2011: 770]. Например, в высказывании *Они ссорились на протяжении часа/ дня/ месяца* производный предлог *на протяжении* обозначает «временное отношение (неодномоментную одновременность)» [АГ-80 Т. 2: 708], актуализуется сема ‘расстояние по длине’ во временном пространстве, соответственно равное часу, дню, месяцу.

Наши наблюдения дают возможность утверждать, что семейная ссора может возникать спонтанно (как некая «точка бифуркации») в любое время (хотя логично предположить, что ночью, как правило, люди спят, а не ссорятся) либо вынашиваться и приурочиваться к определенному времени, событию. Ср.: *поссориться накануне отъезда; затеять ссору после гостевания в доме свекрови; найти повод для ссоры во время похорон* и под.

Слоты заполняются языковыми единицами, обозначающими относительное обыденное время, и выражениями, описывающими время жизни. Относительное обыденное время – «определенная мера продолжительности, употребляемая в обыденной жизни вместо истинного математического времени, как-то: час, день,

месяц, год» [Гайденко 2006: 135]. «Для определения положения во временном континууме описываемых событий могут быть необходимы многие способы упорядочения» [Тураева 1979: 211]. Количественные, метрические свойства обыденного времени могут находить непосредственное выражение в языке, в частности, в лексических единицах и грамматических единицах и категориях. Например, наречия *сегодня, вчера, теперь, рано (раньше), поздно, потом, вдруг, постоянно, иногда, недавно* и под. выступают как знак рационального аналитического восприятия времени, времени стечения обстоятельств и сплетения событий. Они определяют временную точку отсчета для предикатов, выраженных глаголами. Выделим также числительные, временные предлоги (*в, на, за, с, до, по, с...до...* и др.) с предложно-падежными формами существительных; частицы (*еще, пока, уже*); существительные с темпоральной семантикой (*время, век, год, весна, осень, месяц, неделя, день, час, утро, ночь*), прилагательные (*вчерашний, давнишний, скорый, кратковременный*). Время как семантическая категория присуще и именной группе. «Временные параметры содержатся в ней не явно, а в виде семантического признака, выявляемого при толковании» [Рябцева 1997: 83].

Особую роль в интерпретации идеи времени играют глаголы, «выражающие мир событий, существующих во времени» [Болдырев 1994: 72]. Грамматическая видо-временная система высказываний говорящих строится на основе точки отсчета – «векторного нуля оси ориентации настоящего времени» [Тураева 1979: 58], т.е. момента речи. Соответственно, выделяется настоящее время, время предшествования по отношению к векторному нулю оси ориентации настоящего времени и будущее время, которые локализуют описываемые события во времени.

Как было отмечено ранее, категория времени объединяется с категорией пространства. Время не может быть представлено само собой, оно воплощается в пространственных координатах, становится «опространствованным» [См: Арутюнова 1982; Гийом 1992; Юрченко 1996]. Так, в русском языке «нет ни одного предлога, который по своему происхождению не был бы

пространственным, и временные значения совмещаются с пространственными и развиваются на их основе» [Мурьянов 1978: 54].

Идея “опространствования” времени наглядно подтверждается и нашими примерами. Так, в уже приводимом высказывании *Я на работе заведушь / а потом домой прихожу и сразу полкана спускаю* [ЖРУГ 2011: 71] коммуникантка фиксирует не только место протекания семейной ссоры, но и время ее начала (после работы – сразу дома), которое обозначается с помощью наречий *потом, сразу*, видо-временной соотнесенности глаголов *прихожу – спускаю*. То же находим и в драматургических текстах, например: *Павел частенько приходил домой пьяным, отчего бесконечные скандалы не покидали стен их квартиры* («Дима любит таблеточки», И. Синило). Ремарка драматурга акцентирует внимание на некоем «завидном» постоянстве, частотности протекания семейных скандалов после прихода мужа с работы домой: *частенько приходил домой пьяным*.

Разумеется, в реальном речевом взаимодействии фазы протекания ссоры, а также точки фиксации времени события не получают языковой экспликации (Ср.: **А сейчас переходим к кульминационному моменту / к концу ссоры; * Мы начали ссориться в 8 часов; * Наша ссора закончилась после ужина* и т.п.). Время как мыслительная форма определяет наше восприятие и понимание мира, но не является объективной характеристикой [См.: Кант 1994].

Обыденное время может измеряться временем жизни как психологическим феноменом. Это время «плана существования, переживаемое и проживаемое время» [Яковлева 1994: 85]. Обычно оно характеризуется атемпоральностью – «ведь осознание этого времени происходит по событиям, его заполняющим, а не по каким-либо физическим параметрам» [Там же: 86]. Понимание человеком психологического времени возможно через переживание как таковое, которое возникает «при обращенности сознания на «время», при интенциональной, психической активности, направленной на переживание времени в тех формах, которые определяются этими интенциональными актами» [Дьячук 2010: 120]. Так, в нижеследующем примере из пьесы И. Синило «Дима любит таблеточки» муж

осуществляет фреймирование коммуникативной ситуации на основании «интенциональных актов» жены, которые он воспринимает как точки, фиксирующие начало и развитие ссоры:

Коммуникативная предыстория: муж **Павел** и жена **Надя** ужинают на кухне.

ПАВЕЛ *Будут у нас деньги, мать, не переживай. На крайний случай, я попрошу сверхурочные. На мели-то не останемся, ну.*

НАДЯ *Ты всё говоришь, говоришь и говоришь...*

ПАВЕЛ *Не начинай, а!*

НАДЯ (усмехнулась) *Я начинаю? Я не начинаю. Нечего начинать. Вон, в прошлом месяце обещал лампочку в коридоре поменять – поменял, спасибо. Сама на днях вкрутила, если ты не заметил. Я уж не говорю про форточку в комнате. Знай, сынулю когда-нибудь обязательно продует. И кто в этом виноватым останется, догадайся? Всё обещаешь меня в ресторан сводить – ну, тот, который недавно открылся, как его там... В общем, только и делаешь, что обещаешь. Одни обещания от тебя! Всё говоришь, говоришь и говоришь...*

ПАВЕЛ *Выговорились?*

НАДЯ *Нет.*

ПАВЕЛ *Давай же, ну, продолжай! Коли пошла такая пьянка, режь последний огурец, давай же, ну! Че уж таить?*

НАДЯ *Тебе лишь бы поглумиться надо мной...*

ПАВЕЛ *Всё, затянула песню. Я ведь терплю-терплю, а потом – сама знаешь – всё выскажу! Не первый год живем.*

НАДЯ *И не последний.<...>*

ПАВЕЛ *Почему ты постоянно бесишь меня, а?! Почему ты каждый раз вынуждаешь меня бить тебя на глазах (Указал на Диму) у этого недоумка?!*

Реплика Нади *Ты все говоришь, говоришь, говоришь* трактуется Павлом как конфликтогенный сигнал. Многократный повтор глагола в настоящем времени, выполняющем функцию “настоящего абстрактного”, выступает как средство образной актуализации прошедших событий. Это значение «выражает повторяющееся, обычное, типичное действие, представленное в широком плане настоящего времени, не связанного с моментом речи», его способны передавать глаголы несовершенного вида, [АГ-80 Т.1 : 629]. Интенции упрека в пустословии и косвенного оскорбления (ты – пустослов, болтун, человек, у которого слова и дела расходятся) воспринимаются Павлом как инициация ссоры. Об этом свидетельствует его ответная речевая реакция-предупреждение: *Не начинай, а?*

По нашим наблюдениям, речевой акт упрека – один из самых частотных актов, инициирующих ссору, воспринимающихся речевым партнером как возможное начало ссоры. Всегдашний интенциональный ”монотон” (*затянула песню*) жены (далее следуют развернуто-аргументативный и резюмирующий упреки), прочитывающийся как вызов, как провокация, вызывает сильное эмоционально-волевое напряжение мужа: *Выговорилась? Давай же, ну, продолжай; Все, затянула песню. Коли пошла такая пьянка, режь последний огурец, давай же, ну! Че уж таить?* Очевидно, у каждой коммуникативной личности есть свой порог накопления «конфликтной массы», преодоление которого чревато ее выплеском: *Я ведь терплю-терплю, а потом – сама знаешь – всё выскажу!* Сигнал, выраженный наречием времени *потом*, обозначает точку реализации ответных речевых действий. Обратим внимание и на глагольные формы настоящего и будущего времени: *терплю-терплю – выскажу*. Посредством глаголов говорящий не только называет действие, но и показывает, как оно протекает во времени. Оно может длиться долго, произойти в один момент, обозначать начало или конец действия.

Наречие *постоянно* в последней реплике диалога (*Почему ты **постоянно бесишь** меня, а?!*) указывает на меру длительности психического напряжения и, следовательно, конфликтного противостояния. Психологи утверждают, что психические процессы, состояния функционируют и развиваются в реальном времени на основе «отраженных в непосредственном переживании и концептуальном осмыслении объективных временных отношений между событиями жизни различного масштаба» [Головаха, Кроник 1984: 24]. Словосочетание *каждый раз*, встроенное в реплику мужа (*Почему ты **каждый раз вынуждаешь** меня **бить тебя** на глазах (о сыне) у этого недоумка?!*), в еще большей степени подчеркивает коммуникативное неблагополучие семьи с помощью указания на циклический характер проявления однотипных событий.

Механизмы психологического времени могут делать давно минувшее близким и недавним, приближать далекое будущее столь близко, что оно становится неотличимым от сегодня и сейчас. Например, в ссоре бывших

родственников – невестки (**Н.**) и свекрови (**А. И.**) – наблюдаем показательный момент: дела давно минувших дней (начало совместной жизни друг с другом) припоминаются коммуникантками как веские аргументы уязвления, опорочивания друг друга:

Н. *Слушай / я вас за людей не считаю //*

А. И. *А я тебя ваще не считаю никак // Я тебя считаю бомжской //*

Н. *А ты кто? Я када пришла к вам / слушай / у вас ни мебели / ни хуя не было //*
Вы бомжи // И пыль / и грязь была //

А. И. *А ты прибралась / такая засранка! Ничё не делала!*

Н. *Да чё ты говоришь! Я на почете была //*

А. И. *Да правда / дорогая / ты пришла и мебель принесла!*

Н. *А скажи / твой-то (о бывшем муже) чё купил? //* *Ни тому / ни другому [о сыновьях от первого и второго браков] //* **Все утащил последнее из дому //**

А. И. *Дак ты чё мне об этом говоришь?!*

Н. *Ничё! //* *Дак ты кого воспитала?*

А. И. *Вот воспитала не воспитала / отвали //* (Уходит из кухни.)

В приведенном диалогическом фрагменте темпоральные сигналы обозначаются придаточным времени с союзом *когда*: *Я када пришла к вам...*; глаголами прошедшего времени *была*, *принесла*, *купил*, *утащил*, *воспитала*. Взаимная неприязнь свекрови и невестки актуализирует механизмы долговременной памяти, «вытаскивая» из ее «закоулков» бытовые детали обустройства дома, чистоты и порядка (*...у вас ни мебели / ни хуя не было; И пыль и грязь была;*), факты поведения (*А ты прибралась / такая засранка! Ничё не делала! Все утащил последнее из дому*). Показательно, что женщины отлично помнят все подробности тогдашней жизни.

На основе категории протяженности времени мы выделяем два слота: «**быстротечная ссора**» и «**застарелая ссора**». Обратимся к их анализу.

Прилагательное *быстротечный* толкуется как ‘скоропреходящий’, ‘непродолжительный’. Быстротечная ссора, по сути, является временной размолвкой, т.е. ‘небольшой ссорой’, поводом для которой могут стать мелкие, повседневные бытовые проблемы, выявляющие какое-либо противоречие между членами семьи, но не приводящие к затяжному конфликту. Представим ниже диалогический фрагмент ссоры мужа **М.** и жены **Ж.** в домашней обстановке.

Ж. *Вова! Ты видел, какое у мамы устройство на кухне? Здорово придумано / чтоб труба не засорялась // Мама сказала / что это Виктор (брат жены) сам сделал... Вообще Виктор молодец / хозяйственный // Давай на кухне также сделаем/ а?*

М. *У нас же на кухне есть типа такого устройство //*

Ж. *Но вечно же засоряется// То будет лучше// Позвони Виктору/ он тебе объяснит / как сделать //*

М. *(раздраженно прерывает жену) Ничего мне не нужно объяснять! Ничего делать не буду! Поняла? Куда мне до Виктора! Он ведь не такой бездельник / как я //*

Ж. *(обиженно) Поняла // Ничего делать не будешь// (Выходит из комнаты.)*

В этом диалоге жена ненамеренно провоцирует мужа. Она использует тактику похвалы своего брата, которая строится на положительной оценке его качеств как хозяина дома (*Вообще Виктор молодец/ хозяйственный//; Здорово придумано/ чтоб труба не засорялась//*). Высказывание жены воспринимается мужем как намек на его бесхозяйственность и леность, как косвенный упрек в неумении обустроить кухню, как сомнение в его компетентности, что видно из его речевой реакции, замаскированной под иронию: *Куда мне до Виктора! Он ведь не такой бездельник/ как я//*. Самоподкалывание мужа создает напряженный эмоциональный фон коммуникации. Оценочный предикат *хозяйственный*, т.е. 'деятельный', 'расчетливый', 'соблюдающий во всем экономию'; 'заботящийся о своем хозяйстве'[ТСОШ 2011: 1068], вступает в оппозицию с существительным *бездельник* ('человек, который бездельничает, лентяй' [ТСОШ 2011: 36]). Чтобы переубедить мужа в необходимости установления кухонного устройства, жена приводит аргументацию (*Но вечно же засоряется // То будет лучше*). Вторая часть реплики жены больно ударяет по мужскому самолюбию (*Позвони Виктору / он тебе объяснит / как сделать//*), поэтому он раздражается, выражает протест и отказ: *Ничего мне не нужно объяснять! Ничего делать не буду!* Тактика сорванного раздражения **М.**, который не может скрыть свою обиду, вызывает, в свою очередь, обиду **Ж.** Наблюдается нарушение психологического баланса общения: некоторое время супруги «дуются» друг на друга и не разговаривают, а потом происходит примирение.

Слот «**застарелая ссора**». Слово *застарелый* толкуется как ‘укоренившийся, такой, что трудно исправить, излечить’ [ТСОШ 2011: 266]; ‘в течение долгого времени остающийся без изменений’ [СУ 2000: 354]). Застарелая ссора приобретает затяжной характер, обнажая глубинные противоречия между членами семьи. Имя прилагательное «застарелый» включает также имплицитные смыслы, указывающие на то, что семейная ссора может повторяться, но эта повторяемость не всегда имеет регулярный характер.

Противоречия застарелой ссоры «могут быть надежно скрыты и психологически защищены в глубине подсознания и могут проявляться на поверхности только в виде приемлемых для ‘Я-концепции’ мотивировок» [Андреева 2005: 194], но могут быть и явлены. «Заискрить» такая ссора может по любому поводу, но часто ссорящиеся «наступают на одни и те же грабли», поэтому такая ссора может развиваться по многократно опробованному сценарию. Важно, что застарелая ссора фиксирует серьезные, порой непримиримые противоречия участников семейного конфликта, характеризуется «эмоциональной усталостью партнеров, не прилагающих реальных усилий для их разрешения» [Карабанова 2005: 99].

Данный слот выявляет темпоральные сигналы, которые включаются в состав аргументов обвиняющей стороны и помогают сформулировать претензии, а также в совокупности с другими языковыми средствами указывают на неодобрение действий домочадца. Например, свекровь **Ф.П.** укоряет зятя: *А он спит до девяти часов; Я ни разу не видела, чтобы вы с женой сели обсудили<...>; Ешь всегда один / никогда жену не ждешь / по три часа за столом высиживаешь* [См.: ЖРУГ 2011: 63-64]. Муж **С.** упрекает жену **О.** (*Ты не поддержишь ить ни разу*), на что она болезненно реагирует: *Я?! Опять не поддержала ты?!* [Там же: 84] и др. Выделенные темпоральные сигналы, отличающиеся количественно-качественным своеобразием, указывают на цикличность, повторяемость действий одного из коммуникантов, отражают темпоральный опыт говорящего, косвенно фиксируют семейные поведенческие нормы и воплощают регламентированность социальной жизни.

Представим несколько развернутых, связанных друг с другом фрагментов застарелой семейной ссоры в динамике. Диалоги для удобства анализа пронумерованы.

Коммуникативная предыстория: (С.) муж – 49 лет, слесарь, образование 9 классов; (О.) жена – 47 лет, уборщица и дворник, образование среднее специальное. Квартира, в которой живут супруги, принадлежит О. Супруги – носители просторечной культуры. О. выгнала С. из дома из-за пьянства и нежелания работать. С. решает вернуться домой в надежде помириться с женой.

(1). Обсуждается возможный ремонт квартиры

О. *У меня квартира антикварная// Я вот так думаю / на мой век уже ниче не надо больше// Мне хватит этого// Вот так токо освежить// Мне ниче не надо //*
С. *Я тя скоко раз просил / давай начнем ремонт в ванной // «Оставь / надо убирать там все» // Да я сам уберу // (передразнивает О.) «Нет» // Давай пластик сделаем / это на всю жись / можно зеркальный сделать / точечные светильники // (передразнивает О.) «О-о / да-а-а» //*

О. *Это все в деньги упирается // У нас ванна в трещинах / на ней коросты можно нашоркать //*

С. *Ну я и нашоркал //*

О. *Нече там ездить //*

С. *До весны накопим да и начнем // Там помазал / там помазал / и виду не будет // У меня задумка с ванны начать // Там же потолок-то все же вот так / все закручивается // <...>И все желтое-желтое // И ниче такого шибко-то низя / там же сырость (сырость) такая // По осени по весне все сыро // В кровати-то / как в луже лежишь //*

О. *Мне ничё не надо //*

Речевые действия О. эксплицируют самоукрупнение, гипертрофирование Я-темы [Рытникова 1996б: 136]. На это указывает цепочка личных и притяжательных местоимений в предложно-падежной форме (*Я, у меня, мне, на мой (век)*). Эгоцентрическая модальность формируется за счет склонности речевого партнера «злоупотреблять правом говорящего, чрезмерно употреблять личные местоимения и ссылаться на собственный опыт, знания, т.е. подчеркивать собственную значимость» [Сухих 2004: 67]. В результате создается сигнал коммуникативного напряжения.

В ответных речевых действиях муж напоминает о неоднократных просьбах начать ремонт квартиры: *Я тя скоко раз просил / давай начнем ремонт в ванной //*. Косвенный укор синтагматически связан с передразниванием жены. Вскрывается застарелая обида мужа: право принимать решение о ремонте принадлежит **О.** как собственнику, конструктивное предложение мужа наталкивается на ее аргументированный отказ: *Это все в деньги упирается//; Мне ничё не надо//*. Семейное сотрудничество и активность на почве наведения квартирного уюта осознаются **С.** как один из способов примирения с супругой. Интенция предложения реализуется императивными конструкциями с глаголами 1-го л. мн. ч. (*давай начнем, давай сделаем, накопим и сделаем*), обозначающими совместное действие [АГ-80 Т.2: 111]. Вместе с тем передразнивание относится к тем имплицитным способам отрицательного эмоционального воздействия на адресата, которые «в неявном виде содержат отрицательную оценку слов или действий собеседника» [Федосюк 1992: 33], поэтому «конфликтная масса» продолжает накапливаться.

Политематичность разговорного диалога [См.: Сибирякова 1997; Матвеева 2003], «соскальзывание» одной темы разговора на другую, еще более конфликтную, способствует динамике ссоры, которая начинает набирать обороты.

(2). Далее обсуждается денежная тема и помощь в трудных жизненных ситуациях

С. Тебе нужны токо одни деньги // Деньги / деньги / деньги !

О. А без них никуда //

С. А никуда! Ты не поддержишь ить ни разу!

О. Я?! Опять не поддержала тя?!

С. Чем?

О. Ничё се! До больницы он ходил десятки у меня снимал / после больницы «Дай опохмелиться» // Нормально?!

С. Давай я те скажу / что такое десятка // Это доехать до больницы и обратно // Када тя выгнали с работы / мы пропили с тобой все моИ деньги //

О. (Смеется)

С. Это смешно / весело / анекдот! Дак я на карточку на свою / на кредитку брал сигарет и поесь (поесть)//

О. Но-о //

С. И я получал // Я пришел / не мог уже идти / давление тоже было / чуть не упал-то / помнишь? Думал / «Опохмелиться? Нет / не буду» // Принес восемьсот рублей //

О. Хорошо / хорошо / Я тебе скажу //

С. (передразнивает) Плохо / плохо //

О. Я тя поддерживала / в «Полуфабрикатах» работала // Я как будто больше не рабатывала нигде! «Будет / все будет / все будет» // Как токо у нас будет / мы начинаем орать / «Мои деньги / давай» //

С. Потому что ты меня гонишь //

О. Все-все / я все поняла / несовместимость полная // Не миримся!

Диалогическое единство являет собой кульминационный момент ссоры, заканчивающийся осознанием невозможности примирения. Тема денег (*Тебе нужны токо одни деньги // Деньги / деньги / деньги! – А без них никуда!*) обнажает застарелые проблемы межличностных отношений супругов. Многократный повтор существительного *деньги* воспринимается как сигнал выплеска негативных эмоций мужа и косвенно указывает на частотность актуализации денежной темы в семейной коммуникации. В рамках темы происходит словесная пикировка, противонаправленные речевые действия формируются вокруг оппозиции *твои деньги ↔ мои деньги*. Укрупнение личного вклада в решение материальных проблем одного из супругов (*болезнь, временное отсутствие работы*), имплицитно умаляет роль другого. Материальная причина ссоры трансформируется в этическую, о чем свидетельствует глагол *поддержать* в значении ‘оказать помощь, содействие’ [ТСОШ 2011: 665]. Речевой акт упрека (*Ты не поддержишь ить ни разу!*) имеет целью «побудить адресата задуматься о своем поведении, пробудить угрызения совести» [Булыгина, Шмелев 1994: 56]. Речевые акты упрека, обвинения, самооправдания типичны в конфликтной ситуации выяснения отношений между близкими людьми. Припоминаемые супругами коммуникативные эпизоды незаслуженного равнодушия друг к другу свидетельствуют об укоренившихся обидах. Финал диалогического единства формирует коммуникативную дисгармонию, звучит как приговор: *несовместимость полная // Не миримся!*

Следующий диалогический фрагмент усиливает коммуникативную позицию С., который напоминает жене, как она обошлась с его подарком – обручальным кольцом:

(3). Обсуждается потеря обручального кольца

С. И обручалку те широкую купил / твою мечту исполнил / во всю фалангу // Ты выклянчила / и куда-то ее выбросила // Пропила или черт его знает //

О. Потеряла нечаянно / ну виновата //

С. Всему бараку дала перемерить //

О. Это я не права // Но теперь не вернешь того времени // Это о чем говорит? Меньше пить надо!

Речевой акт упрека (*И обручалку те широкую купил //*; *Ты выклянчила / и куда-то ее выбросила //*; *Всему бараку дала перемерить //*) показывает, что С. серьезно обижен на О., не дорожащую подарком. Используемые женой ответные речевые акты самооправдания (*Потеряла нечаянно//*), признания вины (*Ну виновата //*; *Это я не права //*), резюмирования (*Теперь не вернешь того времени//*; *Меньше пить надо//*) способствуют временной нейтрализации коммуникативного напряжения.

Последний диалогический фрагмент показывает отсутствие общей платформы для дальнейшего примирения супругов в силу их нежелания идти на уступки.

(4). Супруги обсуждают музыкальные вкусы друг друга

С. Я и не пил // Тут тихонечно музыку /

О. (перебивает) Не надо мне музыку слушать // Я кушать готовлю / я не люблю музыку // Мне на нервы действует // Я люблю музыку / но не ту / которую ты слушаешь // Маккартни твоё / мне это не нравится //

С. А мне Санцев этот [певец] / не надо //

О. А я люблю // И еще / када подпевают по-иностранному / я не понимаю / что там поется // Может / там обзывают меня // Это не люблю // Что же / если мужики приходят с работы / они сразу за музыку хватаются? Я терплю токо на работе / а дома я не могу // Дома я «р-р-р» //

С. Там ты грузишься //

О. Я на работе заведусь / а домой прихожу и сразу полкана спускаю // И все равно это не научивает меня // Потом снова так же делаю / снова я кричу //

Тема музыкальных предпочтений, невзначай инициируемая С., так же, как и тема материальной взаимопомощи супругов, способствует обострению аксиологического напряжения. Речевой акт нападки О. вновь актуализирует Я-тему: *Я не люблю музыку; А я люблю; Мне на нервы действует; Я люблю музыку / но не ту / которую ты слушаешь; Маккартни твоё / мне это не нравится; А мне Санцев этот / не надо; Это не люблю и под.* Музыка как ментально ценностный объект приводит к дезинтеграции коммуникативных партнеров, становится источником возобновляемых ссор.

О. предстает как человек вспыльчивый, эмоционально возбудимый, о чем свидетельствуют использованный ей глагол *заводиться* в значении 'быстро терять самообладание, контроль над собой' [Елистратов 2000: 145], фразеологизм *спускать/спустить полкана* в значении 'выругать, отчитать кого-л.' [Мокиенко, Никитина 2007: 517], звукоподражательное слово *р-р-р*, имитирующее рычание собаки, выступающие как метаязыковые рефлексивы. Осознанная женой установка *Терплю токо на работе / а дома не могу // Дома я «р-р-р»//* показывает, что поводом к семейной ссоре для нее может стать что угодно. Речевое поведение О. подтверждает существование ментального стереотипа «Женщины склонны к ссорам». «В основе такого стереотипа лежит прямая проекция представлений о половом на поведенческое: в силу особой психологической предрасположенности женщины более склонны к ссорам и особому поведению в них» [Кушкова 2016: 212]. Очевидно, что О. вносит деструктивный «вклад» в повседневные семейные ссоры, что сопровождается повышением эмоционального градуса, криком, бранью: *Я на работе заведусь / а домой прихожу и сразу полкана спускаю // И все равно это не научивает меня // Потом снова так же делаю / снова я кричу //*

Причины супружеской ссоры, как показывает анализ, кроются в ценностном противостоянии супругов, в частности в их отношении к друг другу, труду, деньгам, пониманию семейной иерархии. Идеальный муж в представлении носительницы просторечной культуры – работающий, непьющий мужчина. Невозможность достижения идеала провоцирует жену на постоянные упреки, придирки, обвинения. Установка на примирение коммуникантами не реализуется.

Итак, терминал **ВРЕМЯ И ПРОТЯЖЕННОСТЬ** заполняется слотами «кратковременная ссора» и «застарелая ссора». Если первая, как правило, возникает на бытовой почве и не имеет глубинных противоречий, то вторая выявляет ценностное противостояние. Физическое и психологическое время различаются функционально: первое маркирует временные координаты события (когда произошло?), второе, обладая способностью сжиматься в точку или растягиваться, сближает прошлое, настоящее и будущее, актуализируя «дела давно минувших дней» и разжигая ссору.

2.2.3. Терминал УЧАСТНИКИ

Семья – это несколько поколений кровных родственников или породнившихся друг с другом, ставших духовно близкими людей, объединенных общими экономическими интересами. В работах, посвященных описанию семейной концептосферы, выделяется несколько концептуальных полей: «родители – дети», «муж – жена», «семья как единый организм», между которыми существуют разнообразные типы пересечения [См.: Рухленко 2005]. Объектом лингвистического описания становятся сами субъекты – члены семьи – и чувства, их объединяющие. Ролевая ценность семьи как таковой раскрывает содержание и определяет виды отношений: отношения родства; отношения между супругами; отношения между родителями и детьми» [См.: Схалыкова 2008; Железнова 2009].

Логично заключить, что участниками семейной ссоры становятся субъекты, во общении которых проявляются их статусно-ролевые различия [См.: Беликов, Крысин 2016]. Понятие семейной роли сводится к набору норм, применимых к людям, занимающим определенное положение в структуре субъектной организации. За каждой конкретной ролью закреплены права, обязанности и соответствующее нормативное поведение. Кроме того, роли тесно связаны с «комплексом стандартных общепринятых ожиданий» [Там же: 140], которые не зависят от конкретного человека, а формируются вместе с тем типом социальной

системы, в рамках которой эта роль существует. Совокупность ожиданий, присущая той или иной роли, состоит из набора констант, предписывающих индивиду определенное поведение. Таким набором констант можно называть ролевой стереотип.

Семейный статус, наряду с полом, возрастом, профессией и др., конкретизирует социальную роль в определенном характерологическом аспекте личности. Например, большинство важных социальных ролей распределяется в зависимости от пола. В семье люди выражают весьма разнообразные ожидания по отношению к матерям, женам, дочерям и отцам, мужьям, сыновьям соответственно.

Согласно наблюдениям ученых Московской школы функциональной социологии, семейные роли являются условно постоянными и долговременными; симметричными и несимметричными; паритетными и непаритетными [См.: Китайгородская, Розанова 1999; Занадворова 2001]. Симметричность / несимметричность отражает тождество-нетождество социальных признаков людей (равное социальное положение, образование, возраст, пол и т.п.), вступающих в коммуникацию, «вне оценочной их характеристики по шкале «выше-ниже». Для признания ситуации симметричной достаточно совпадения хотя бы по одному, актуализируемому в данном коммуникативном акте социальному параметру (пол, профессия и т.п.)» [Китайгородская, Розанова 1999: 29].

Асимметрия семейных ролей может проявляться в неравенстве на уровне компетенции члена семьи, под которой понимается «определенное поле физической или интеллектуальной деятельности, закрепленное за ним» [Занадворова 2001: 109]. Это может быть разделение на «мужскую» и «женскую» работу: например, мужчины отвечают за ремонт в семье, женщины за хозяйство. Компетенция определяется не только семейной ролью, но и уровнем образования, профессией, личными умениями и др.

Асимметричным в семейном общении могут быть психологические роли, т.е. накладываемое на социальные роли определенное внутреннее состояние.

Подробная разработка типологии психологических ролей принадлежит М. Д. Эрик Берну: каждый человек проявляет три типа состояний «Я»: Я-Родитель, Я-Взрослый и Я-Ребенок. Состояние Я-Родитель ориентировано на родительское поведение. Состояние Я-Ребенок ориентировано на поведение детей. Состояние Я-Взрослый объективно оценивает окружение, рассчитывает свои возможности и вероятности тех или иных событий на основе прошлого опыта [См.: Эрик Берн 2014 Режим доступа: https://books.google.ru/books?hl=zh-CN&lr=&id=mPIPBwAAQBAJ&oi=fnd&pg=PT2&dq=%D1%8D%D1%80%D0%B8%D0%BA+%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%BD&ots=3I7Azar34s&sig=ZojR72FgJFL3-3wCtsXqOCxyXwY&redir_esc=y#v=onepage&q&f=true (дата обращения: 05. 02. 2016)]. Несимметричные психологические роли между родителями и детьми признаны нормой, поэтому они не являются конфликтогенными. Другое дело, если в коммуникации ребенок проигрывает роль Родителя – это может привести к конфликту.

«Соотношение ролей по признаку паритетность / непаритетность строится на принципе равенства-неравенства (оценочная шкала «выше-ниже») в соответствии со стереотипными социальными нормами» [Занадворова 2001: 109]. Главенство того или иного члена семьи проявляется на речевом уровне. Это связано с реализацией определенных речевых стратегий и тактик. Вышесказанное позволяет утверждать, что любое нарушение семейно-ролевой иерархии, несоответствие психологической роли может провоцировать ссоры.

Обратим также внимание на нарушение семейных этикетных норм, которые «представляют собой совокупность правил поведения в семье, в том числе и речевого поведения» [Байкулова 2015: 231]. В семейной коммуникации установлен ряд запретов: на употребление грубых слов и выражений в адрес собеседника, повышение тона, на высказывание необоснованного или слишком резкого осуждения человека или предмета, принадлежащего к его личной сфере. Предписывается обязательное употребление «этикетных формул (приветствия, прощания, извинения, благодарности и т.п.) или их семейных аналогов» [Занадворова 2001: 87]. Впрочем, если от детей требуют в семье вежливости за

счет иерархического неравенства, то в высказываниях родителей часто наблюдается грубое нарушение вежливости [См.: Формановская 1982].

В. И. Беликов и Л. П. Крысин рассматривают разнообразные ролевые конфигурации, ведущие к ролевым конфликтам. Среди них: «1) индивид понимает свою роль одним способом, а носитель связанной с ним роли – по-другому; 2) носители ролей А и Б имеют разных ожидания относительно роли В; 3) в конфликт вступают две плохо совместимые роли одного индивида» [Беликов, Крысин 2016: 143]. Попробуем наложить некоторые социолингвистические идеи на анализ семейных ссор.

Слот «**супруги**» заполняется базовыми лексемами *муж, жена, супруг, супруга, отец* и *мать* (две последние используются в настоящее время как апеллятивы преимущественно в коммуникации между мужем и женой. Ср.: (муж – жене) *Не переживай / **мать** / будут у нас деньги*). Активно также употребление антропонимов, например: *Пашусик, Надя, Сашка*. Муж является мужчиной «по отношению к женщине, с которой состоит в браке»; соответственно, жена – это «женщина по отношению к мужчине, с которым состоит в браке» [Моисеев, Крыгина 2010: 123].

Основные семейные функции мужа и жены: «ведение хозяйства, организация досуга, психологическая поддержка» [Байкулова 2015: 133]. Муж (отец) возглавляет семью, за ним «традиционно закрепляются функции производителя и продолжателя рода, добытчика, кормильца, транслятора гендерных речеповеденческих стереотипов» [Шалина 2010: 152]. Жена (мать) – «хранительница семейного очага, воспитательница; она заботится о питании и физическом комфорте всех членов семьи, духовном воспитании, обеспечивает трансляцию гендерных стереотипов» [Там же]. Мужу и жене предписывается не уклоняться от исполнения супружеских обязанностей.

Проанализируем фрагмент диалога между мужем (Муж – 38 л.) и женой (Жена – 35 л.) из пьесы А. Яблонской «Свидетель». Коммуникативная предыстория: Муж сидит на кухне, уставившись в тарелку с пюре. Жена хлопчет у плиты.

МУЖ (грустно) *Что-то не так.*

ЖЕНА (на взводе) *Конечно, не так... Трубы текут, сантехнику менять надо... Коля в следующем году школу заканчивает...*

МУЖ *Да нет. Я не об этом.*

ЖЕНА *Ты про бабу Лиду? Вот увидишь – помрет она, а дом твоему братцу оставит, который за всю жизнь палец о палец не ударил... А как почувял, что бабка одной ногой в могиле, так ездить начал, гостинцы возить, а сам к дому присматривается... А ты как был тряпкой... Сколько мы бабу Лиду по больницам возили, все лекарства за наши деньги, костыль ей купили... Почти новый! И что?! Появился неизвестно откуда этот... а ты даже ухом не ведешь... Пусть забирает! И дом бабы Лиды, и огород, и пристройку... Нам ничего не надо.. Колька третий год в одних ботинках...*

МУЖ *Что-то не так.*

ЖЕНА (распаляясь) *Да что не так?! Все не так! Все у нас не так!! Назавтра холода обещали, я шкаф открыла, а мое пальто зеленое... моль пожрала!... вот такая дырища посередине... в чем ходить?...*

МУЖ (серьезно и искренне) *Прости меня.*

Инициатором семейной ссоры является жена. Ее речевая партия активна и насыщена эмоциями раздражения, злости, усталости. Авторские ремарки *на взводе* (разг. ‘в состоянии нервного возбуждения’ [ТСОШ 2011: 88]), *распаляясь* (распаляться, т.е. ‘приходить в сильное возбуждение’ [ТСОШ 2011: 809]) указывают на возрастающее психическое напряжение, вызванное домашними проблемами и пассивным поведением мужа. Асимметрия семейных ролей (жена выше – муж ниже) проявляется в использовании соответствующих стратегий и тактик речевого поведения: жена «пилит», обвиняет мужа – муж в конце концов просит прощение.

Семейная ссора обусловлена сдвигом статусно-ролевой позиции мужа, устранившегося от активного выполнения мужской работы по дому: *Трубы текут, сантехнику менять надо*. Муж не оправдывает ролевых ожиданий жены как исполнитель гендерной роли: он отказывается бороться за наследство (*бабка одной ногой в могиле*), проявляет отсутствие мужской хватки, стратегической дальновидности. Диалогическое взаимодействие выявляет ценность мужской активности в хозяйственных делах. Тактики упрека и оскорбления вербализуются с помощью существительного с отрицательной оценкой *тряпка* (‘бесхарактерный, слабовольный человек’ [ТСОШ 2011: 1005]); фразеологизма *Ухом не ведешь*

(разг. экспрес. ‘не обращаешь внимания на происходящее’ [Федоров 2008: 60]). Модальность недовольства поведением мужа передается воспроизведением его ценностной установки по отношению к наследству: *Нам не надо*; констатацией ненормативного положения дел: *Колька третий год в одних ботинках; В чем ходить? Все не так*. Асимметрия проявляется и на психологическом уровне: роль Родителя (жена) и роль Ребенка (муж). Жена исходит из презумпции заботы мужчины-мужа о физическом выживании и благосостоянии членов семьи.

Подавленное психическое состояние мужа проявляется в немногословности и отсутствии ярких эмоциональных защитных реакций. Тактика извинения (*Прости меня*) подтверждает факт признания нарушения ролевых обязанностей. Своим речевым поведением он гасит ссору.

Если «предназначение мужчины – мир (понимаемый как окружающий социум), а предназначение женщины – дом» [Здравомыслова 2003: 209], то данный пример показывает неспособность мужчины выйти вон и завоевывать мир активными действиями.

Рассмотрим еще одно супружеское взаимодействие между мужем **М.** и женой **Ж.** (Миша – их сын).

Ж. *На какой день гостей приглашать, Вася? На субботу тебя устроит?*

М. *В субботу открытие соревнований в шахматном клубе// Миша будет участвовать//*

Ж. *Ну давай позовем в воскресенье / хотя я хотела в воскресенье в сад съездить/ теперь придется отложить на целую неделю//*

М. *Не надо/ зови в субботу//*

Ж. *А ты не хочешь пойти на открытие?*

М. (раздраженно) *Ну а когда тогда в сад ехать? Я же сказал / зови на субботу/ я же не против//*

Ж. (с укором) *Да ведь я хотела/ чтобы как лучше// Чтобы тебе пойти на открытие//*

М. *Да я и так схожу// Открытие в десять утра / а гости придут ведь не раньше обеда?*

Ж. (обиженно) *Не раньше// Почему же ты мне раньше не сказал / что открытие утром?*

М. (раздраженно) *Ну почему я должен все объяснять? Мне надоели твои постоянные вопросы //*

Ж. (обиженно) *Я же хотела согласовать с тобой / чтоб тебе удобней было// И я же еще надоела с вопросами// (Уходит.)*

Ссора между супругами происходит из-за недосказанности и непроясненности ситуации. В расспросах и предложениях жены (4 речевых хода в речевой партии **Ж.**), муж видит попытку контролировать свою личную жизнь и посягательство на мужскую свободу. Роль мужчины-лидера проявляется в решении выбирать, что стоит сообщать жене, а что нет. С другой стороны, отказ поделиться своими планами на выходные воспринимается женой как доказательство нежелания коммуникативной близости. О коммуникативном эгоизме и саботаже мужа, который ведет себя то как Ребенок, то как Родитель, свидетельствуют тактики сорванного раздражения, выражения недовольства и скрытой угрозы мужа: *Ну почему я должен все объяснять? Мне надоели твои постоянные вопросы//.*

Желание жены урегулировать возникшую проблему реализуется с помощью тактик вопроса, оправдания. Отказ мужа от кооперации приводит ее к выбору тактик упрека, выражения обиды, разъяснения, сорванного раздражения: *Почему же ты мне раньше не сказал/ что открытие утром? Я же хотела согласовать с тобой, чтоб тебе удобней было// И я же еще надоела с вопросами//*

В семье с относительно равноправной диспозицией супружеских ролей ущемление права на кооперацию способствует коммуникативному напряжению. Кооперативное семейное общение выступает как важнейшая ценность. Диалогическое взаимодействие становится потенциально конфликтным и заканчивается временным размыканием коммуникативного контакта, блокирующим конфликтную стадию ссоры.

Слот **«родители – дети»**. Главными субъектами этого сценария ссоры являются родители (отец, мать) и дети, что отражают номинации: *мать, мама, мамочка, отец, папа, сын, дочь, дети*. В числе номинаций также антропонимы. Согласно культурным предписаниям, родители должны выполнять свой ролевой долг по отношению к детям: содержать и воспитывать их, заботиться, ухаживать за ними. Дети должны подчиняться родителям и слушаться их. Родительские роли ориентируют на демонстрацию родительского авторитета: «Отец и мать

совместно представляют единый властвующий и организующий авторитет в семейной жизни ... Ребенок учится в семье верному восприятию авторитета родителей» [Ильин 2012: 136]. Нарушение ролевых обязанностей и неисполнение ролевых прав ведет к ссорам.

Исследователи семейной коммуникации отстаивают тезис о неоднородности речевого общения даже в пределах одной семьи: общение родителей между собой, родителей с детьми, детей с родителями, детей между собой. В наибольшей степени «маркированным является общение с детьми, что проявляется преимущественно в конфликтных ситуациях» [Занадворова 2001: 11]. Представим два текстовых фрагмента, в которых происходит общение родителей и детей (подростков и взрослых).

Рассмотрим фрагмент диалога между матерью и дочерью из пьесы Л. Ансельм «Мать и дочь». Коммуникативная предыстория: Мать (35 л.) и дочь (14 л.) разговаривают.

ДОЧЬ *Мама, расскажи мне о твоём отце...*

МАТЬ *Позже...*

ДОЧЬ *Почему позже, я хочу сейчас... Кто был твой отец?*

МАТЬ *Я родилась и выросла в селе... Мой отец был в этом селе учителем...*

ДОЧЬ *Это неправда! Он не был учителем!*

МАТЬ *Замолчи! Он был учитель!*

ДОЧЬ *Ты сама никогда мне не говорила правду! Ты спрашивала, кто меня научил лгать? Ты! Ты меня научила!*

МАТЬ *Молчи! Грубиянка! (Мать бьет дочь по щеке) Не смей так со мной разговаривать! Я твоя мать! Ты ничего не понимаешь!*

Поскольку семейное общение между родителями и детьми иерархически организовано, эта иерархия не может не накладывать ограничения на речевое поведение членов семьи. В русской национальной культуре табуируется грубость детей по отношению к родителям. Родители могут регламентировать поведение ребенка с помощью замечаний, запретов, проработки, морального унижения. В семейной коммуникации практикуется и рукоприкладство.

Дочь хочет знать семейную биографию, ее вопрос вызван естественным интересом к истории рода: *Мама, расскажи мне о твоём отце*. Мать не хочет

рассказывать об отце правду, используя тактику отложенного обещания (*Позже*), однако настойчивая просьба дочери вынуждает ее начать семейный нарратив: *Я родилась и выросла...* Несовершеннолетняя дочь проигрывает не соответствующую ее статусу психологическую роль Взрослого: прерывает рассказ и обвиняет мать во лжи (*Это неправда! Ты сама никогда мне не говорила правду! Ты спрашивала, кто меня научил лгать? Ты! Ты меня научила!*). Мать воспринимает это как нарушение этической нормы. Доверительного кооперативного общения между речевыми партнерами не получается. Обличительная тональность высказываний дочери, отстаивающей ценность правды, передается с помощью экспрессивного синтаксиса, “рубленной” интонации, оценки. Разрушение границы дозволенного заставляет мать прибегнуть к стратегии подавления: в ход идут тактики оскорбления (*грубиянка – жен. форма от грубиян: ‘тот, кто грубит, ведет себя грубо’ [ТСОШ 2011:173]*); категорического запрета (*Молчи! Не смей так со мной разговаривать!*), означивания статуса (*Я твоя мать!*), уничижения дочери (*Ты ничего не понимаешь!*), наконец, рукоприкладства (*бьет дочь по щеке*). Авторитет матери поддерживается речевой и неречевой агрессией.

Обнажается незыблемость вертикальной иерархической структуры диспозиции: мать в грубой форме регламентирует поведение дочери, требуя от нее соблюдения этических норм. Диалог укрупняет ценности родительского авторитета, уважения старших и послушания.

Рассмотрим фрагмент диалогического взаимодействия из пьесы И. Васьковской «Уроки сердца». Коммуникативная предыстория: дочь Лариса (25 л.) приходит на кухню с тортом. Ее мать (58 л.) на кухне перебирает коробки, что-то записывает в блокнот. Они садятся к столу и едят торт.

МАТЬ *Надевай завтра две кофты и колготки – обещают минус десять. И не глотай такими кусками, ты же подавишься!*

Лариса не слушает, жадно ест.

МАТЬ *Когда ты чавкать отучишься?!*

ЛАРИСА *Заткнись, дура старая.*

Мать замахивается на Ларису. Лариса втягивает голову в плечи.

ЛАРИСА *Мамочка, прости меня.*

МАТЬ *Не слышу.*

ЛАРИСА *Мамочка, пожалуйста, прости меня.*

МАТЬ *Мамочка оглохла! На оба уха!*

ЛАРИСА (плачет, вытирает лицо рукавом) *Мамочка, прости, мамочка, прости меня, я не буду, пожалуйста, прости, мамочка.*

МАТЬ *Для этого есть носовой платок!* (достаёт из рукава платок, бросает Ларисе; она сморкается, вытирает глаза) *Возьми самую верхнюю коробку и листочек с ручкой* (Лариса берёт, смотрит на мать) *Что смотришь? Проверяешь и отмечаешь. Если таблетки, проверяешь срок годности. Если истёк – таблетки в ведро* (Лариса не двигается) *Что?*

ЛАРИСА *Ничего, мамочка.*

Статус старшего и авторитетного диктует матери выбор стратегии власти и подавления: взрослой дочери диктуется, что надеть, как вести себя за столом, какое поручение выполнить. «В большинстве русских семей принято опекать детей всю жизнь» [Байкулова 2015: 142-143]. Одна из главных функций семьи – воспитание детей, их социализация. Императивная тональность создается глаголами повелительного наклонения (*надевай, не глотай*), глаголами 2-го л. ед. ч. в функции императива (*проверяешь, отмечаешь*); прямыми и косвенными замечаниями: *Когда ты чавкать отучишься? Для этого есть носовой платок и др.* Гиперопека матери направлена на подавление свободы поведения взрослой дочери, поэтому вызывает ответную агрессию: *Заткнись, дура старая!*

Как и в предыдущем семейном диалоге, “конфликтная масса” перерастает в невербальную агрессию: *Мать замахивается на Ларису. Лариса втягивает голову в плечи.* Нарушаются этические нормы общения.

Признание деликта требует раскаяния, которое выражается в извинении. Очевидно, в данной семье практиковались формы морального (садистского) унижения, на что указывает требование матери повторить извинение несколько раз: *Не слышу. Мамочка оглохла! На оба уха!* Многократное воспроизведение тактики извинения, синтагматически связанной с тактикой ласкового обращения (*прости, мамочка, прости меня, пожалуйста, прости, мамочка*) ведет к временному прекращению конфликта, но грубая тональность матери показывает, что ссора не исчерпана.

Слот «**кровные и некровные родственники**» наполняется лексемами *брат, братец, сестра, бабушка (ба), баба + имя собственное, дед, дедушка, внучка, свекровь, невестка, теща, зять* и др. Например: *Ты про бабу Лиду? Вот увидишь – помрет она, а дом твоему братцу оставит.*

Установка на любовь, уважение и доброжелательное отношение к членам «своего круга» – близким и дальним – транслируется народной культурой. Ср.: «Доброта и любовь к родственникам кровным становится обязательным условием если не любви, то хотя бы глубокого уважения к родственникам некровным» [Белов 2013: 153]. Положительно оценивается также ответственность родственников друг за друга, готовность прийти на помощь, жалость, сострадание, взаимопонимание и др.

Рассмотрим диалогический фрагмент, демонстрирующий начало ссоры между бабушкой и внучкой из пьесы Ю. Тупикиной «БА». Коммуникативная предыстория: в Москву к внучке Оле (30 л.) – успешному продюсеру, приезжает из сибирского провинциального города Ба (бабушка).

ОЛЯ *Так, я не поняла... Ты зачем сюда приехала-то?*

БА *Чтобы ты мемуар написала... ты ж у нас умеешь. Ты ж еще в детстве сказки придумывала. Вот и напиши про меня мемуар. А то сдохну – и забудете меня все. Всё забудут <...>.*

ОЛЯ *Какие же идиоты!*

БА *Кто идиоты?*

ОЛЯ *Да вы все идиоты в вашем Сагайске! Дебилы! Помню я прекрасно ваш Сагайск!...*

БА *Да что ты говоришь? Батюшки свет! Ты когда помнишь-то? Ты там и не была сроду! Ты жила у меня в Березовке, а это почти город уже!*

ОЛЯ *Была я там, ты забыла, ты поехала туда летом к родне на месяц, и меня с собой взяла. Я помню, как там развлекались <...>. Как я ненавижу это! Как я тебя ненавидела, когда ты меня так воспитала! “Оленька, девочка должна быть скромной, тихой, молчи и улыбайся!” Да я просто деревенела, я в бревно превращалась от этого! Меня в школе считали чокнутой, идиоткой от такого воспитания твоего!*

БА *Да я тебя по житиям воспитывала...*

ОЛЯ (перебивая) *Ты же меня еще и одевала, как Агафью Лыкову – какие-то свои старые платья, какой-то пояс из собачьей шерсти...*

БА (перебивая) *Оля! Так у тебя же почки болели!*

ОЛЯ *Это у тебя почки болели, Ба, у меня ничего не болело! Ты себе всё придумала! Зачем ты мне мыла голову хозяйственным мылом?*

БА *Да это самое лучшее, натуральное...*

ОЛЯ (перебивая) *Нет! Это не лучшее! От него волосы у меня в мочало превратились, а ты всё равно мыла, а от меня хозяйственным мылом воняло, никто не хотел со мной за одной партией сидеть! Ты мне всё детство испортила!*

БА *Вот она, твоя благодарность! (Уходит.)*

Ссору между бабушкой и внучкой можно отнести к типу межпоколенной, в основе которой лежит противостояние: «неприятие жизненного опыта одного возрастного поколения другим порождает различные мнения» [Салихова, Нилова 2016: 36]. Возраст выступает важным фактором, дифференцирующим ментально-ценностные различия. Из текста пьесы мы узнаем, что внучка сбежала в столицу из-за матери и постаралась забыть о своих родных. Сверхзадача Ба – помирить мать с дочерью, восстановить прервавшуюся межпоколенную связь. Однако их общение обнажает застарелый конфликт, воспоминание о котором провоцирует ссору.

Меморатная тональность инициирована бабушкой: «указатель референции обращается внутрь», ее «вокабуляр основан на личных воспоминаниях» [Там же: 47], например: *Ты ж еще в детстве сказки придумывала*. Традиционно роль бабушки заключена в помощи своим детям в воспитании внуков. Бабушка транслировала и проецировала на внучку те ментально-поведенческие стереотипы, которые были впитаны ей от своих родителей: *Да я тебя по житиям воспитывала...; девочка должна быть скромной, тихой, молчи и улыбайся! Да это самое лучшее, натуральное*.

Ролевые ожидания Ба не оправдались: Оля, как представительница другого поколения обвиняет ее в причинении психологического и морального вреда: *Ты же меня еще и одевала, как Агафью Лыкову; Ты мне мыла голову хозяйственным мылом; Ты мне все детство испортила*. Воспитательная стратегия бабушки заставляет внучку сильно страдать: *Меня в школе считали чокнутой, идиоткой от такого воспитания твоего!* Воспоминания побуждают внучку реагировать эмоционально: *идиоты, дебилы, говно, чокнутый*. Межпоколенная ссора подразумевает «не только противоречия в морально-ценностных ориентирах, но и разногласия в использовании языковых форм, способах выражения мыслей, чувств

и эмоций разновозрастными их представлениями» [Там же: 86]. Ср.: *идиот, дебил* – ‘человек, психически недоразвитый, с примитивными суждениями, с недостаточностью эмоции, со сниженной социальной адаптацией’ [ТСОШ 2011: 184]; *чокнутый* – ‘не совсем нормальный, тронутый’ [ТСОШ 2011: 1095].

Упреки внуки заставляют бабушку оправдываться. Тактика сарказма скрывает глубокую обиду: *Вот она, твоя благодарность!* Коммуникация разрывается.

Вопросы межпоколенного общения опосредованно связаны не только с возрастными характеристиками участников общения, но и с ценностными и социально-ролевыми критериями. «Отсутствие у современной молодежи ясного представления о жизни старшего поколения рождает предрассудки и создает стереотипы, которые проецируются на межпоколенные взаимоотношения» [Салихова, Нилова 2016: 113]. Застарелый межличностный конфликт проявляет себя как конфликт межпоколенный.

Таким образом, терминал **УЧАСТНИКИ** позволяет описать субъектную организацию семейных ссор, взглянуть на участников аспекте их статусно-ролевых прав и обязанностей, межличностных психологических отношений. Нарушение коммуникативных, ролевых прав (например, на аксиологическую свободу, неприкосновенность личного пространства близкого человека), несоблюдение ролевых обязанностей провоцирует семейный конфликт. Межпоколенная ссора (между родителями и детьми) демонстрирует ментально-ценностные разрывы сознания, находящие поведенческие корреляты.

2.2.4. Терминал АГРЕССИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ (НЕРЕЧЕВЫЕ) ДЕЙСТВИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ

Собственно ссора конституируется взаимными агрессивными речевыми и неречевыми действиями коммуникантов. Именно агрессивные действия и противодействие им выступают движущей силой развития ссоры, поэтому в

данном терминале мы выделяем одноименный слот **«агрессивные речевые (неречевые) действия и противодействие»**.

Очертим сущность феномена агрессии. Основными теоретическими подходами в изучении агрессии традиционно считаются психологический, этологический, фрустрационный, бихевиористский и некоторые другие. Среди них особую значимость получает психологический подход [См.: Бэрон, Ричардсон 1999; Кох 1997; Козырев 2001 и др.]. Именно психологические исследования оказали заметное влияние на выработку методики лингвистического анализа речевой агрессии. «Психологическое понимание агрессии в значительной степени экстраполируется на речевое поведение» [Воронцова 2006: 17].

Прежде всего, агрессия связывается с определенным психологическим состоянием человека. Агрессивное поведение обычно вызывается гневом – внутренним агрессивным чувством, источником которого становится фрустрация, т.е. «возникновение препятствий или блокирование возможностей на пути к цели» [Тейлор и др.2004: 589]. Агрессия в таком случае выполняет функцию «выплескивания эмоций и снятия эмоциональной напряженности» [Михальская 1996: 165]. Поведение агрессора (социальное, коммуникативное и др.) «противоречит общественным нормам и вызывает у человека отрицательные эмоции» [Кошкарлова 2015:15].

Агрессию следует рассматривать как «модель поведения», а не просто как «эмоцию, мотив или установку» [Бэрон, Ричардсон 1999: 27]. В психологической трактовке агрессивной модели поведения акцентируется внимание на намеренном причинении человеком вреда – физического или вербального. В противном случае, каждое ненамеренное оскорбление или нанесение повреждения можно было бы классифицировать как агрессию. Таким образом, агрессия рассматривается как «поведение, причиняющее вред или ущерб другим, и как любые действия, имеющие целью достижение подобных негативных последствий» [Там же: 29].

Психологическая наука трактует речевую агрессию как проявление негативных эмоций по отношению к кому-чему-л., выраженное в речи. Т.е. акцент делается на то, как сказано. С позиций коммуникативной лингвистики важно и для чего сказано. Так, К. Ф. Седов определяет речевую агрессию как «целенаправленное коммуникативное действие, ориентированное на то, чтобы вызывать негативное эмоционально-психологическое состояние у объекта речевого воздействия» [Седов 2005: 33]. По мнению Т. В. Матвеевой, речевая агрессия – это «эгоистическое, этически невыдержанное поведение личности, направленное на снижение социального статуса собеседника и его подчинение, на отрицательное эмоциональное воздействие (запугивание), обеспечивающее превосходство агрессора и дискриминацию жертвы (адресата агрессии)» [Матвеева 2010: 381]. В основе агрессивного общения «независимо от типа коммуникации лежит установка адресанта на коммуникативное доминирование» [Воронцова 2017: 29].

В лингвистических определениях подчеркивается намерение речевого агрессора: установление или поддержание социального и психологического неравноправия коммуникантов, обеспечение собственного превосходства при дискриминации адресата агрессии. Намерение обычно понимается как коммуникативная цель высказывания [См.: Стросон 1986]. Возникает побуждающий мотив, на основе которого строится весь «агрессивный сценарий». Агрессивные действия могут характеризоваться осознанностью и неосознанностью. Последние соотносятся с психологической, ценностно-личностной ориентацией коммуниканта.

Наряду с понятием «речевая агрессия» существует и понятие «речевая агрессивность». Агрессивность – это семантически нагруженная комплексная характеристика человека, которая выражается и в речевом, и в невербальном поведении. Среди признаков агрессивности – внутренние качества данного лица, его отношение к поставленным и решаемым коммуникативным задачам, а также к партнеру по коммуникации» [Крейдлин 2005: 145–146]. Л. П. Крысин определяет агрессивность в речевом поведении людей с аксиологических позиций:

«жесткость в оценке поведения собеседников (обуславливающая выбор соответствующих оценочных средств), крайняя негативная экспрессивность при обсуждении того, с чем не согласен говорящий, возбужденный, нередко враждебный тон речи и т.п.» [Крысин 2000: 386].

По мысли Т. А. Воронцовой, речевая агрессивность и речевая агрессия находятся в причинно-следственных отношениях. Первая – это этическая / этикетная оценка речевого поведения, вторая – «результат сознательной установки адресанта на определенный тип речевого поведения» [Воронцова 2006: 51].

Речевая агрессия тесно связана с конфликтом. Так, по мысли Н. Н. Кошкаровой, «любой конфликт как столкновение интересов коммуникантов порождает речевую агрессию, которая затем воплощается в коммуникативном конфликте» [Кошкарлова 2009: 49]. Как видим, агрессия может замыкать конфликт на себе: является и следствием конфликта, и его порождением. А. С. Рубцова также, рассматривая соотношение конфликта и речевой агрессии, выделяет две схемы: «агрессия → конфликт» и «конфликт → агрессия». Первая схема предполагает, что «агрессивное речевое поведение становится причиной конфликта», а вторая исходит из того, что «враждебные отношения являются внешним стимулом для агрессивного речевого поведения» [Рубцова 2012: 65]. Обе схемы могут вплетаться друг в друга в процессе разворачивания семейной ссоры.

В семейной ссоре объект речевой агрессии обычно совпадает с адресатом и связанными с ним жизненными сферами, «определяет механизмы и способы формирования речевой агрессии» [Воронцова 2006: 43]. Невозможно осуществить негативный эмоциональный посыл на адресата, имея предметом речи совершенно другой объект. В случае, если объект речевой агрессии находится вне сферы жизненных интересов адресата, возможность ссоры минимизируется.

Важным является и осмысление того, какое высказывание следует считать агрессивным. Традиционно считается, что основным показателем речевой агрессии выступают стилистически маркированные языковые и речевые средства

(экспрессивно-окрашенная лексика, инвектива, грубо-просторечные слова и словосочетания, избыточное употребление иноязычной лексики, использование жаргонных языковых единиц и т.д.) с точки зрения этичности или неэтичности их употребления в том или ином диалоге [См.: Иванова 1997].

На самом деле, слова и выражения могут быть восприняты и как оскорбительные, и как не оскорбительные: инвектива может быть употреблена неинвективно, нейтральное же слово в определенном контексте может восприниматься как обидное, как словесный выпад, если говорящий употребляет его с намеком. Бывает, что у говорящего нет намерения обидеть слушающего, однако последний оценивает высказывание именно как неприемлемое, обидное. Квалифицировать высказывание как агрессивное или неагрессивное представляется важным только в конкретной ситуации, в реальных обстоятельствах общения. При этом одним из решающих факторов оценивания слова или выражения как оскорбительного / неоскорбительного становится «реакция адресата, которая показывает, удалось ли причинить коммуникативный вред, нанести моральный урон» [Щербинина 2012: 54].

Сложность повседневной семейной коммуникации позволяет рассматривать и другой тип агрессии – «псевдоагрессию» [См.: Фромм 1994]. Речевое поведение псевдоагрессивного характера (например, оборонительные речевые действия) может нанести ущерб, но при этом не быть злонамеренным. Однако для объекта речевой агрессии намерение адресанта не имеет принципиального значения, поскольку переживание психологического ущерба не обязательно связано с тем, чем именно было вызвано речевое нападение. Таким образом, следует фиксировать агрессивность и отдельных языковых и речевых единиц, и речевых актов в целом с позиций их роли и функции в конкретном коммуникативном акте или в конкретном тексте-разговоре.

Проявления агрессии у людей бесконечны и многообразны. О. Н. Быкова рассматривает следующие виды речевой агрессии: активная прямая / непрямая речевая агрессия, пассивная прямая / непрямая речевая агрессия. Первая предполагает «словесное поношение кого-л. или чего-л., оскорбление или

унижение кого-л.; высказывание угроз, деструктивные пожелания в чей-либо адрес (смерти, увечий, разрушений); призывы к агрессивным действиям, насилию» [Быкова 1999: 96–97]. Пассивная прямая речевая подразумевает «отказ разговаривать с другим человеком, отвечать на его вопросы и т.д.», пассивная непрямая речевая агрессия – «<...> нежелание вмешаться и пресечь словесные оскорбления в чей-либо адрес, расцениваемое как молчаливое согласие с агрессором, одобрение его поведения» [Там же: 96–98].

Формами выражения агрессии признаются «угроза, инвектива (оскорбление), возмущение, обвинение, упрек, колкость, насмешка, демонстрация обиды, угрожающее молчание, проклятье, злопожелание, отсыл, грубое прекращение коммуникативного контакта и констатация некомпетентности» [Седов 2003: 202]; некоторые разновидности «иронии, издевка, розыгрыш» [Дементьев 2010: 218–219]; «грубое требование, грубый отказ, возражение (протест), порицание (обвинение, упрек), жалоба-донос, жалоба-литания (развернутое описание разнообразных проявлений психологического дискомфорта), клевета, сплетня» [Щербинина 2012: 217–251]; «брань, ругань, оскорбительный ярлык, нотация, выговор, окрик, и резкое замечание» [Матвеева 2010: 381]. Сама ругательная номинация «определяет ту иллокутивную силу, которую выражает высказывание, содержащее данную номинацию... последняя, как свернутая пружина, распрямляется в высказывании, вызывая его перлокутивный эффект» [Телия 1996: 120].

О проявлениях агрессивного поведения мы можем судить и по данным толковых словарей, опираясь на толкования лексем *ссора*, *ссориться*. Репертуар речевых действий ссорящихся достаточно разнообразен [См. выше: с. 54].

Прокомментируем некоторые типичные агрессивные речевые действия. Тактику *оскорбления (инвективы)* «можно считать самым распространенным типом агрессивных высказываний» [Щербинина 2012: 218]. В общем виде оскорбление – любое слово или выражение, содержащее обидную характеристику адресата. Иллокутивной функцией оскорбления является понижение социального статуса адресата, умышленное взламывание табу т.п. Формула оскорбления

может быть предельно простой: «Ты – Х». При этом местоимение может опускаться. З. К. Темиргазина дифференцирует оскорбление прямой и косвенной формы выражения. «Прямое оскорбление репрезентируется в инвективных номинациях, сравнениях, а косвенная форма выражения оскорбления характеризуется отсутствием подобных прямых языковых индикаторов, «вычисляется» адресатом в имплицатурах, выводимых из «неоскорбительного» высказывания» [Темиргазина 2017: 53]. Мы принимаем определение инвективы как «вербальное (словесное) нарушение этического табу, осуществленное некодифицированными (запрещенными) средствами» [Жельвис 2001: 13].

Иллокутивная функция речевой тактики *угрозы* связана с изменением поведения адресата путем вызова у него чувства страха и косвенной экспликацией негативной оценки совершенного факта или события. Адресант посредством тактики угрозы заставляет адресата подчиниться своей воле и выполнить действие, идущее в разрез с интересами адресата. Т. Г. Рабенко, считая угрозу разновидностью обещания, определяет ее функцию как переопределение «границ конфликтного взаимодействия: говорящий посредством сообщения о намерении совершить в будущем действие, нежелательное для адресата, изменяет социально-психологическую дистанцию между ними» [Рабенко 2013: 86]. Успешность реализации тактики угрозы обусловлена специфическими условиями, к которым относятся «принятие говорящим на себя обязательства совершить предсказуемое действие; направленность предсказуемого действия на будущее» [Жучков 2010: 7–8].

Речевая тактика *обвинения* подробно описана в работе Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева «Оценочные речевые акты извне и изнутри». Обвинение – высказывание, направленное непосредственно на адресата, совершившего порицаемое действие. В намерения обвинителя «входит сообщение о том, что некто совершил некий поступок, а предосудительность этого поступка подается как нечто само собой разумеющегося» для говорящего [Булыгина, Шмелева 1994: 51].

Тесно связана с тактикой обвинения тактика *осуждения*. Для осуждения «важно то, что поступки являются плохими, и то, что отрицательная оценка дается автором исходя из собственных представлений о плохом и хорошем, жизненного опыта, морально-этических установок» [Дубровская 2003: 7]. В сравнении с тактикой обвинения, тактика осуждения в большей степени связана с представлением о моральных полномочиях субъекта. «Обвиняющий квалифицирует конкретный поступок в соответствии с принятой шкалой оценок, тогда как осуждающий, вынося вердикт о предосудительности поступка, претендует на установление самой шкалы оценок» [Булыгина, Шмелев 1994: 53]. Чтобы осуждение превратилось в обвинение, необходимо «связать плохие действия с совершившим их лицом, объектом обвинения, предъявить факты» [Дубровская 2003: 7].

Упрек рассматривается как «смягченная разновидность обвинения» [Щербинина 2012: 234]. Цель обвинения и упрёка – добиться чувства стыда у адресата, просьбы о прощении, раскаяния и недопущения порицаемых действий впоследствии. Упрекающий не утверждает ничего нового, лишь напоминает о благодеяниях, которые он или третье лицо оказывал или оказывает адресату речи, о проявленной некогда снисходительности, недостаточно оцениваемой адресатом [См.: Булыгина, Шмелев 1994].

Однако обвинение, осуждение, упрек не могут быть столь агрессивными, как оскорбление, потому что с ними можно согласиться хотя бы частично, а с оскорблением согласиться нельзя.

Главная интенция тактики *насмешки* заключается в желании приписать адресату несвойственные ему характеристики, высмеять личные качества человека, его поступки, поведение, систему ценностей. «Путем осмеяния говорящий не только принижает статус собеседника, но и выражает свое превосходство над ним» [Темиргазина 2017: 55]. Возможность выражения превосходства над адресатом посредством осмеяния «основывается на редуцирующей функции смеха: высмеивание умаляет значимость, делает важное ничтожным, страшное безобидным, содержательное бессмысленным» [Доронина

2009: 207]. Основные способы проявления агрессии в насмешке – ирония (‘тонкая, скрытая насмешка’ [ТСОШ 2011: 305]) и сарказм (‘язвительная насмешка, злая ирония’ [ТСОШ 2011: 856]). Первое характеризуется «неявной враждебностью», второе «выражает открытую и сильную агрессию» [Щербинина 2012: 258].

Наряду с агрессивными речевыми действиями существуют и агрессивные неречевые действия. «Критерием разграничения выступает природа знаковых средств выражения речевой агрессии» [Седов 2003: 198]. Агрессией в невербальной форме является «поведение, которое направлено на доминацию в коммуникативном акте» [Крейдлин 2005: 133]. Она осуществляется определенными жестами, нарушающими личное пространство человека. Это жесты головы и ног, отдельные взгляды и т.п. С их помощью один человек незаконно вторгается в личную сферу другого. Г. Е. Крейдлин обозначает некоторые подклассы агрессивных жестов условными содержательными ярлыками: «1) жесты неодобрения, например *воротить нос* и др.; 2) оскорбительные жесты, например *покрутить пальцем у виска; постукивать пальцем по лбу* и др.; 3) жесты угрозы, например *погрозить пальцем / кулаком* и др.; 4) жесты враждебного отношения, например *стоять руки в боки, сжав кулаки*; 5) жесты ослабления или подавления чужой воли, например *с силой сжать руку при рукопожатии* и др. 6) жесты презрения, например *отвернуться; отшатнуться; презрительно смотреть на адресата, наклонив голову вперед чуть вниз* и др.» [Там же: 135–136]. К числу агрессивных неречевых действий также можно отнести и молчание. Агрессивные неречевые действия играют не менее важную роль в коммуникативном акте, чем речевые действия. Использование различных видов неречевой агрессии тесно связано с ролевыми статусами коммуникантов в определенной ситуации и их личными характеристиками.

Выше мы отмечали, что речевую агрессию нельзя рассматривать в отдельном виде, ее следует учитывать во взаимодействии, в интеракции. Интеракция – «обмен репликами, акт речевого взаимодействия коммуникантов» [Матвеева 2010: 130], «взаимное влияние людей или групп друг на друга» [ПОЭС

2011: 169]. По позиции в интеракции принято различать два типа реплик: реплика-стимул и реплика-реакция. Чтобы зафиксировать агрессивный характер речевых тактик в репликах-стимулах, их нужно рассматривать учитывая реплики-реакции. Реплика-реакция может и выступает репликой-стимулом следующей интеракции. И. Н. Борисова полагает, что реплики-реакции агрессивного характера могут быть вызваны не только инициальной репликой, но и «экстракоммуникативным контекстом диалога, с перлокутивным фокусированием на предметно-практической деятельности участников общения» [Борисова 1996: 43]. То есть причиной возникновения конфликтной ситуации может быть как определенное речевое поведение, провоцирующее собеседника на открытый конфликтный коммуникативный акт, так и конкретный поступок/действие человека.

Таким образом, слот **«агрессивные речевые (неречевые) действия и противодействие»** наполняется различными языковыми средствами, объективирующимися в речевых стратегиях и тактиках. Для наполнения слота также необходим учет факторов, связанных с особенностями взаимодействия коммуникантов в диалоге, которые предопределяют выбор речевых стратегий и тактик в каждом конкретном акте коммуникации.

2.2.4.1. Предконфликтная ситуация

Надо отметить, что противоречия между речевыми партнерами осознаются постепенно, эмоциональное напряжение, раздражение, злость накапливаются в течение некоторого времени. Период накопления предпосылок для перехода к открытому конфликту можно назвать предконфликтной ситуацией. Допустимость выделения предконфликтной ситуации обосновывается в научных трудах по психологической и речевой конфликтологии. Так, В. С. Третьякова определяет конфликт как «протекающее во времени коммуникативное событие, которое

может быть представлено в динамике» [Третьякова 2003а: 7], и выделяет в нем, опираясь на труды психологов, следующие стадии: назревание, созревание, пик, спад, разрешение, которые формируют докоммуникативную и коммуникативную фазы. [Там же: 10]. По мнению исследователя, в докоммуникативной фазе выясняются мотивы, потребности, интересы коммуникантов, оба участника взаимодействия начинают осознавать конфликтность ситуации и готовы предпринять друг против друга речевые действия.

Психолог Г. И. Козырев определяет предконфликтную ситуацию как рост напряженности в отношении между потенциальными субъектами конфликта, вызванный определенными противоречиями [Козырев 2001: 12]. Это еще не конфликт в буквальном смысле. Это «инкубационная» стадия, которая характеризуется наличием непосредственной угрозы нарастания в собственную конфликтную ситуацию: имеются основные элементы, образующие структуру конфликта, его причины и главные коммуниканты. Этой стадии «присуща неорганизованная, главным образом вербальная, форма выражения неудовлетворенности, рост обеспокоенности в связи с множющимися нарушениями привычного хода жизни без сколько-нибудь ясного осознания причин и масштабов происходящих изменений» [Залысин 2014а: 50].

Тезис о том, что открытому конфликту практически всегда предшествует предконфликтная фаза, поддерживается многими лингвистами [См.: Шалина 1998; Третьякова 2003а; Борисова 2008; Ланских 2008; Александров 2009; Комалова 2010; Усачева 2013; «Конфликтология: учебное пособие для бакалавров» 2013; Залысин 2014а, 2014б; Байкулова 2015 и др.]. Вместе с тем утверждается, что в этой фазе присутствие языковых и речевых показателей конфликтности не является обязательным, не всегда можно лингвистическими процедурами измерить фазы назревания, созревания конфликта, но их «результаты рано или поздно манифестируются в формах речевого диалогического взаимодействия [Борисова 2008: 36].

Предконфликтная ситуация может существовать долго, не получая экспликации. Формальным поводом для перехода от предконфликтной ситуации

к конфликтной является инцидент – «ситуативная провокация конфликтной ситуации, возникающая в результате стечения обстоятельств и явившаяся поводом для конфликта» [Вишнякова 2002: 12]. Инцидент может быть вызван по инициативе одной из сторон или появиться независимо от воли и желания коммуникантов вследствие объективных обстоятельств либо случайности. Собственно конфликт имеет место тогда, когда начинается открытое противоборство сторон, т.е. действия, направленные на противостоящую сторону с целью захвата, удержания спорного объекта или принуждения партнера к отказу от своих целей, или к их изменению.

Перейдем к анализу семейных ссор. Рассмотрим диалогический фрагмент из пьесы И. Синило «Дима любит таблеточки». Участники супружеской ссоры – Павел (муж, 40 л.) и Надя (жена, 38 л.) балансируют на грани конфликта.

В целях объективного анализа мы учитываем авторские ремарки. Как указывалось выше, в реальной жизни мотивы, желания потребности участников ссоры могут быть не прояснены. Ср.: *«Павел не любит Надю и никогда ее не любил, даже когда говорил, что любит. Надя обо всем знает, но приучила себя закрывать глаза – она без ума от своего мужа даже спустя долгие годы совместного проживания... Павел частенько приходил домой пьяным, отчего бесконечные скандалы не покидали стен их квартиры. Супруги не любили ссориться, но, казалось, жить без этого было невозможно – всегда найдется причина, даже маленькая и неприметная, и никто не пытался удержаться от такого соблазна, чтобы лишний раз не выяснить отношения...»*. Таким образом, неприязнь мужа к жене, его пьянство и измены выступают как возможные поводы реализации «боевой готовности» к конфликту. Докажем это.

Коммуникативная предыстория: муж приходит домой с работы. Разговор с женой происходит на кухне.

(1.)

НАДЯ Как на работе?

ПАВЕЛ Да нормально.

НАДЯ И всё?

ПАВЕЛ *Че тебе конкретно надо, ну? Тебя интересует, как у нас толчок закрыт уже две недели и мы всем цехом за угол бегаем? Че ты хочешь от меня, ну?*

НАДЯ (села за стол) *Раньше ты всегда мне что-нибудь рассказывал.*

ПАВЕЛ *Раньше... Дорогая моя, ты живешь в прошедшем времени.*

НАДЯ *Дорогой ты мой, а что изменилось-то?!*

ПАВЕЛ *У нас формат поменялся. И об этом больше незачем знать. Никому. Оно тебе надо, а?! <... >*

Жена пытается наладить общение с мужем, используя тактику выражения внимания и интереса к делам мужа (*Как на работе?*), приглашающую к контакту. Речевые действия в рамках выбранной кооперативной стратегии не приносят коммуникативный эффект: ответная провокация мужа создает коммуникативное напряжение и служит косвенным отказом поддерживать общение в русле коммуникативной гармонии. Издевка (*Тебя интересует, как у нас толчок закрыт уже две недели и мы всем цехом за угол бегаем?*) в соединении с провокативным вопросом (*Че ты хочешь от меня, ну?*), подкрепляемым частицей *ну*, выражающей ‘побуждение, негодование’ [ТСОШ 2011: 529], служат прагматическим средством выражения имплицитной агрессии. «“Агрессивные” вопросы используются, когда, по мнению говорящего, адресат недостаточно наблюдателен или не сообразителен, не замечает очевидного или же не делает того, что от него требует ситуация. Их цель – упрекнуть или задеть адресата» [Апресян 2003: 32–33].

Коммуникативный саботаж мужа проявляется и в использовании тактики *констатации негативного факта*. Она должна «прочитываться» женой именно как намек на отказ от прежних форм кооперации. Парцеллирование сегментов высказывания (*У нас формат поменялся. И об этом больше незачем знать. Никому. Оно тебе надо, а?! <... >*) формирует недоброжелательную тональность. “Рубленая” интонация сигнализирует о скрытой угрозе и доминирующей статусно-ролевой позиции. Жена вынуждена поддерживать выбранный мужем «формат» общения (**ПАВЕЛ** *Дорогая моя, ты живешь в прошедшем времени – НАДЯ* *Дорогой ты мой, а что изменилось-то?*). Любые попытки «перемформатировать» семейную коммуникацию могут привести к сценарию

«Эскалация ссоры». Мы склонны считать представленное взаимодействие находящимся на грани ссоры, но пока в нее не переходящим.

Приведем следующий фрагмент взаимодействия супругов:

(2.)

ПАВЕЛ *Слушай, а у нас вообще остались еще эти-то... тити-мити?*

НАДЯ *Деньги, в смысле? Зачем тебе? Что ты опять выдумал?*

ПАВЕЛ *Да друг с работы позвал на День рождения. Сама посуди, ведь не с пустыми же руками я к нему пойду, ну.*

НАДЯ *У твоих так называемых друзей каждую неделю дни рождения, и на всех мы тратим как минимум по тысяче. Мрак, везде деньги. Там заплати, тут заплати, здесь заплати. Деньги, деньги, деньги. Фантики, а не деньги. Ты же сам знаешь, Пахусик, мы много тратим Диме на таблетки.*

ПАВЕЛ *Будут у нас деньги, мать, не переживай. На крайний случай, я попрошу сверхурочные. На мели-то не останемся, ну.*

НАДЯ *Ты всё говоришь, говоришь и говоришь...*

ПАВЕЛ *Не начинай, а!*

НАДЯ *(усмехнулась) Я начинаю? Я не начинаю. Нечего начинать. Вон, в прошлом месяце обещал лампочку в коридоре поменять – поменял, спасибо. Сама на днях вкрутила, если ты не заметил. Я уж не говорю про форточку в комнате... Всё обещаешь меня в ресторан сводить – ну, тот, который недавно открылся, как его там... В общем, только и делаешь, что обещаешь. Одни обещания от тебя! Всё говоришь, говоришь и говоришь...*

ПАВЕЛ *Выговорилась?*

НАДЯ *Нет.*

ПАВЕЛ *Давай же, ну, продолжай! Коли пошла такая пьянка, режь последний огурец, давай же, ну! Че уж таить?*

НАДЯ *Тебе лишь бы поглумиться надо мной...*

ПАВЕЛ *Всё, затянула песню. Я ведь терплю-терплю, а потом — сама знаешь — всё выскажу! Не первый год живем.*

НАДЯ *И не последний.*

ПАВЕЛ *Ты так считаешь, да?*

НАДЯ *Не знаю... Я начинаю сомневаться.<...>*

Павел выбирает типично мужской вариант просьбы (он просит деньги, которые обычно отдает жене): *Слушай, а у нас вообще остались еще эти-то... тити-мити?* Мужчины «требуют от собеседника обходиться без подробностей и многочисленных деталей» [Стернин 2002: 135]. Кроме того, ему свойственна грубоватая, просторечно-жаргонизированная манера речи (*тити-мити* – ‘деньги’ [Елистратов 2000: 467]; *Коли пошла такая пьянка, режь последний огурец* и под.).

Выбранная тема задана рамками семейной коммуникации. Супруги проигрывают традиционные гендерные роли – кормильца, главы семьи (*Будут у нас деньги, мать, не переживай. На крайний случай, я попрошу сверхурочные. На мели-то не останемся, ну*) и жены-заботницы, хозяйки (*Мрак, везде деньги. Там заплати, тут заплати, здесь заплати... Ты же сам знаешь, Пашусик, мы много тратим Диме на таблетки*).

Тема денег (*Друг с работы позвал на День рождения <...> не с пустыми же руками я к нему пойду*) является конфликтогенной практически в любой неблагополучной семье. ИмPLICITный отказ жены дать деньги создает фрустрирующую ситуацию. Интенция отказа формируется с помощью тактик вопроса и уточнения (*Деньги, в смысле? Зачем тебе? Что ты опять выдумал?*), косвенного выражения недовольства (*У твоих так называемых друзей каждую неделю дни рождения*) и рациональной аргументации (*Ты же сам знаешь, Пашусик, мы много тратим Диме на таблетки*). Выражение *так называемый* употребляется для обозначения ‘иронического или презрительного отношения к кому-либо или к чему-либо, имеющему какое-нибудь название’ [Федоров 2008:392] и характеризуется косвенной агрессией, которая смягчается рациональной аргументацией.

Тактика обещания (*Будут у нас деньги, мать, не переживай*) провоцирует жену на упрек: *Ты все говоришь, говоришь и говоришь*. «Типичная ситуация, когда высказываются упреки, – семейные сцены, выяснения отношений между близкими людьми, чаще всего они высказываются непосредственно тому, кого упрекают» [Булыгина, Шмелев 1994: 56]. Речевой маркер (*Не начинай!*) обозначает тактику предупреждения и содержит скрытую угрозу: псевдо-императив грамматически выражает имPLICITную агрессию [См.: Апресян 2003]. Павел фреймирует речевые действия жены как типичное начало ссоры. Сцепление тактик упрека и предупреждения в данной коммуникативной ситуации демонстрирует скрытую агрессию обоих супругов.

Далее речевое взаимодействие происходит по опробованному сценарию: «первичная тема в начале разговора фактически исчезает после того, как

запускается цепочка взаимных обвинений совершенного другого характера» [Кушкова 2016: 108]. Речевая партия Нади «разрастается» за счет упреков и обвинений мужа в пустословии (*Вон, в прошлом месяце обещал лампочку в коридоре поменять... Я уж не говорю про форточку... Всё обещаешь меня в ресторан сводить... В общем, только и делаешь, что обещаешь. Одни обещания от тебя!*).

Павел дает жене выговориться, «подначивая» ее: *Давай же, ну, продолжай... давай же, ну. Раз пошла такая пьянка, режь последний огурец!* Его речевые действия воспринимаются как издевательство, глумление: *Тебе лишь бы поглумиться надо мной...* Глагол *глумиться* имеет значение ‘зло насмехаться, злобно и оскорбительно издеваться’ [ТСОШ 2011: 154]. Поскольку последующие речевые действия жены предсказуемы (*Все, затянула песню*), муж использует тактику предупреждения: *Я ведь терплю-терплю, а потом – сама знаешь – всё выскажу!* Пресуппозиция, выявляемая из пьесы, позволяет понять, что семейные ссоры всегда заканчиваются для жены физической агрессией.

Проанализированные фрагменты (1.) и (2.) иллюстрируют зарождение ссоры. Жене удастся на некоторое время «приглушить» ее с помощью тактики *подхвата*, создающей оптимистическую тональность (**ПАВЕЛ** *Не первый год живем – НАДЯ И не последний*) и тактики *сомнения* (*Я начинаю сомневаться*). К инициальным речевым тактикам выражения скрытой агрессии можно отнести тактики упрека и обвинения. Они блокируются речевыми тактиками предупреждения, скрытой и открытой угрозы. Агрессивный характер тактик формируется парцелляцией, рубленой интонацией, используемой речевым партнером, занимающим более высокий статус. Женская речевая манера поведения в предконфликтной ситуации формируется на базе использования эмоционально-оценочной лексики, интенсификаторов, повтора: *мрак; Там заплати, тут заплати, здесь заплати; Все говоришь, говоришь, говоришь; Деньги, деньги, деньги.*

Рассмотрим предконфликтную ситуацию, участниками которой становятся кровные родственники – бабушка и внучка (пьеса Ю. Тупикиной «БА»).

Коммуникативная предыстория: бабушка (Ба) приезжает в гости к внучке Оле (30 лет, продюсер), которая живет в московской квартире со своим парнем Лешей.

БА Смотрела я у Кати сегодня телевизер. И шоу твоё. <...>ТЬфу, срамота.

ОЛЯ Так, Ба, давай расставим все точки над и. Я тебя сюда не звала. Ты свалилась как снег на голову и отвратительно себя ведёшь! Почему Леша ушел?

БА А от наших ворот есть поворот.

ОЛЯ Боже мой!

БА Оля, детка, мне кажется, он чем-то болеет.

ОЛЯ Ну что за глупости, Ба? Он здоров как бык!

БА Помяни моё слово.

ОЛЯ Так, ну что, ты везде тут потопталась, всё раскритиковала!

БА Почему цветов нет? Люди посмотрят с улицы – голые подоконники. Как у алкашей. И гардины грязные!

ОЛЯ (звонит кому-то по телефону) Маш, привет! Как дела? Маш, а поехали с тобой куда-нить, а? Ну не знаю, в бар. Да ничего не случилось, просто. Ну потом расскажу <...>

Предконфликтная ситуация задается наступательными речевыми действиями бабушки. Из пьесы мы узнаем, что бабушка всегда подавляла личность внучки, командовала ей, поэтому та уехала из дома, стала жить самостоятельно. В рамках стратегии власти бабушка снова пытается доминировать за счет подавления речевого партнера. Коррекция самостоятельной жизни взрослой девушки осуществляется с помощью тактик отрицательной оценки, предупреждения, намека. Объектом отрицательного оценивания становятся профессиональная деятельность внучки (*И шоу твоё. Тьфу, срамота*), ее парень, который не нравится бабушке (*он чем-то болеет; А от наших ворот есть поворот*), отсутствие уюта в квартире (*...голые подоконники. Как у алкашей. И гардины грязные!*). Отрицательные этические, эстетические оценки создаются оценочными словами: *срамота* (прост.), т.е. ‘постыдный поступок, срам’ [ТСОШ 2011: 932]; *грязный*, т.е. ‘запачканный, нечистый’ [ТСОШ 2011: 175]; сравнительным оборотом *как у алкашей*. Ба является носителем просторечной культуры, представителям которой свойственна прямооценочность [См.: Шалина 2010]. У нее нет намерения нанести психологический ущерб Оле, но ее речевые действия ущемляют личное пространство (физическое, интеллектуальное,

душевное) внушки, поэтому вызывают противодействие. Внучка действует в рамках стратегии защиты, а лучшая защита, как известно, это нападение. Ответные речевые тактики сорванного раздражения, отрицательной оценки (*Я тебя сюда не звала. Ты свалилась как снег на голову и отвратительно себя ведёшь!*), вопроса «в лоб» (*Почему Леша ушел?*) призваны блокировать речевую агрессию бабушки, ограничить ее право на вторжение в чужое личное пространство. Восклицательные конструкции показывают, что Оля испытывает крайне отрицательные эмоции. «Восклицание – производительный вариант предложения или его части, в котором содержится возглас, выражающий сильное чувство: волнение, радость, гнев и т.д.» [Матвеева 2003: 39]. В репликах-высказываниях реализуются эмоции негодования и гнева, требующие выхода. Тактика констатации негативного факта (*Так, ну что, ты везде тут потопталась, всё раскритиковала*) несет в себе недовольство действиями речевого партнера. Этот смысл создается «кванторами всеобщности» *везде* и *все*, глаголом *потоптаться* (неодобр.), употребленным в переносном значении: ‘быть, находиться, присутствовать’, ‘совать свой нос во все дела’ [ТСОШ 2011: 990], и глаголом *раскритиковать* в значении ‘осудить, выявить недостатки’ [ТСОШ 2011:808]. Оля решает прервать конфликтное общение, не доводя его на данном этапе до кульминации.

Реализуется сценарий «Избегание конфликта»: нейтрализация ссоры происходит за счет волевых усилий одного из коммуникантов. Для этого используется тактика игнорирования речевого партнера. Однако ментально-когнитивное напряжение лишь затушевывается, противоречия между Ба и Олей остаются.

2.2.4.2. Конфликтная ситуация

Семейные ссоры ярко воплощаются и в собственно конфликтных ситуациях. Формальное отличие предконфликтной ситуации от собственно конфликтной

заключается в следующем: «Если в интеракции одна сторона диалога продуцирует конфликтные коммуникативные ходы (ККХ), но при этом отсутствуют иллюкутивно зависимые от них ККХ с другой стороны, то налицо не речекоммуникативный конфликт (РКК), а предконфликтная ситуация. РКК невозможен, так сказать, в одностороннем порядке <...> РКК представляет собой обмен, который конституируется по меньшей мере двумя интеракционными единицами – иллюкутивно связанными ККХ – (инициирующим и реагирующим)» [Усачева 2005 Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/media/2466/usachevao.pdf> (дата обращения: 27.11. 2016)]. Представим целостный диалогический фрагмент из пьесы Я. Пулинович «Земля Эльзы», на примере которого можно показать динамику развития ссоры. Коммуникативная предыстория: мать Эльза (76 л.), которая недавно стала вдовой, дочь Ольга (52 г.). Эльза неожиданно для всех первый раз в жизни влюбляется в пожилого учителя.

В дом Эльзы заходит Ольга.

предконфликтная ситуация

ЭЛЬЗА Оля? Вот решила провести ревизию, давно не разобрала шкаф....

ОЛЬГА Мама? Ну и с кем это ты вчера в палисаднике у нас целовалась, мне соседи доложили?

Эльза уходит на кухню. Ольга идет за ней.

ЭЛЬЗА Чаю хочешь?

ОЛЬГА Ты мне на вопрос ответь.

ЭЛЬЗА Да с кем, с кем.... Я не знаю. Люди тебе всякое скажут....

ОЛЬГА Приехали! Я чего угодно от тебя могла ожидать! Мама, ты дату рождения в своем паспорте видела? Тебе уж помирать пора, прости господи, а ты на гульки побежала!

ЭЛЬЗА Не надо разговаривать со мной в таком тоне!

ОЛЬГА А в каком, в каком еще тоне с тобою разговаривать? Ты – девочка малолетняя? Или совсем в старческий маразм впала? На всю деревню позор! Не успела мужа схоронить, побежала на гулянки!

ЭЛЬЗА Ну, допустим, мужа я схоронить все-таки успела....

ОЛЬГА Сорок дней не прошло. Ты – предательница, понимаешь? Самая настоящая! Отец для тебя все, все сделал – дом построил, сад, все своими руками! А ты....

собственно конфликт

ЭЛЬЗА А что я от отца-то твоего за все эти годы видела? Слова доброго не сказал! Только и слышала – голодранка, стерва, фашистка! Ни цветочка, ни конфетки за всю жизнь не принес!

ОЛЬГА А тебе дома мало?

ЭЛЬЗА Дом, дом! Всю жизнь только на этот дом и горбались! На этот огород! С утра до ночи не разогнуться! Ни семьей собраться, ни чаю выпить посидеть, а только – работай, работай, давай, не сиди, впахивай, не сахарная поди!

ОЛЬГА Ну уж извините, сударыня, не дал вам бог богатеньких родственников! Если бы не отец, где бы ты сейчас была?

ЭЛЬЗА Тебя не спросила!

ОЛЬГА Да сдохли бы вы с бабкой в своей теплушке от голода! Отец тебя из грязи в князи вытащил, всю жизнь на дом, на семью горбатился. И вот, дожили! Побежала в палисадник целоваться! В палисадник, который, между прочим, твой муж построил!<...>

ЭЛЬЗА Вот что он мне оставил, вот! Сломанную руку, и тряпье из сельмага! Богато уже ведь жили, а он все на рынках торговался, за каждую копейку, думала, удавится. Попросила помаду однажды, - не для вашего рыла, было мне сказано, не про вашу честь.

ОЛЬГА Значит, ты ему, мертвому отомстить теперь решила, так сказать?

ЭЛЬЗА Нет! Не хочу я никому мстить! А если я по правде в первый раз в жизни? А если он человек хороший, если он разговаривает со мной, если мне с ним дышать по-другому сразу....

ОЛЬГА Мам, ты совсем? <...>Мам, еще раз такое скажешь, я тебе дурку вызову, я серьезно.

ЭЛЬЗА (вдруг замирает, загнанно смотрит на дочь) Уходи!

ОЛЬГА Ты меня выгоняешь?

ЭЛЬЗА Да. Это мой дом.

ОЛЬГА Такой же твой, как и мой. Отец его строил для нас.

ЭЛЬЗА Я здесь пока еще хозяйка. Уходи.

ОЛЬГА Кто он?

ЭЛЬЗА Этого я тебе уж точно не скажу.

ОЛЬГА Кто он? Говори!

ЭЛЬЗА Пошла вон!

ОЛЬГА Ты дождешься у меня, я тебя точно дурку....

Ольга уходит. Эльза топчет брошенные на пол вещи.

Диалогическое взаимодействие между матерью и дочерью развивается стремительно. Дочь узнает, что мать, не успев оплакать мужа, начала встречаться с пожилым мужчиной. Несмотря на то, что статусно-ролевые позиции коммуникантов несимметричны (мать – дочь), Ольга избирает стратегию конфронтации и стратегию власти, ведет себя как Родитель (по М. Д. Эрик Берну). Ей важно не допустить развития серьезных отношений между пожилыми людьми,

пристыдить мать, сохранить status quo и косвенно свой статус (она наследница богатого дома).

Тактика вопроса «в лоб» (*Ну и с кем это ты вчера в палисаднике у нас целовалась, мне соседи доложили?*) создает предконфликтную ситуацию: нормы русской лингвокультуры не позволяют детям допытываться о любовных связях родителей. Замешательство Эльзы проявляется в тактике молчания, выполняющей функцию «не сообщения какой-то ожидаемой адресатом информации» [Гулакова 2004: 84] и тактике перехода на другую тему (*Чаю хочешь?*). Молчание в данном случае может быть интерпретировано как форма пассивной неречевой агрессии, это «принудительное молчание, к которому принуждает адресанта агрессивное поведение адресата» [Воронцова 2017: 31], оно может выступать «методом прекращения контакта или демонстрация нежелания в него вступать» [Седов 2003: 203]. Переход на другую тему призван снять возникшее между коммуникантами напряжение. Обе тактики прочитываются как отказ обсуждать интимную тему, скрытый протест против вмешательства в личное пространство. Тактика настойчивого призыва к ответу формирует агрессивно-императивную тональность за счет повелительного наклонения глагола и лаконичности речевой структуры (*Ты мне на вопрос ответь*). В реплике-реакции Эльзы манифестируется тактика уклонения от ответа: *Да с кем, с кем.... Я не знаю. Люди тебе всякое скажут. Агрессивная линия поведения дочери достигается с помощью тактик проработки (Приехали! Я чего угодно от тебя могла ожидать!), осуждения (Не успела мужа схоронить, побежала на гулянки!), оскорбления (... совсем в старческий маразм впала?), апелляции к общественному мнению (На всю деревню позор!).*

Речения *побежать на гульки / гулянки* (прост.), *впасть в старческий маразм, помирать пора* и под. прямо выражают возмущение поступком матери, ведущей себя, по мнению дочери, неадекватно. Фразеологизм *впасть в маразм* умаляет интеллектуальную характеристику человека. Высказывание *На всю деревню позор!* является оценкой общественного мнения, т.е. «совокупности лиц, образующих некий социум с общими стереотипами» [Вольф 2002: 69].

Осуждение выражается словесными характеристиками *позор* в значении ‘бесчестье, постыдное, унижительное положение’ [ТСОШ 2011: 680], *настоящая предательница*, т.е. такая, ‘которая предала, предает кого-что-н.’, ‘изменница’ [ТСОШ 2011: 717], представляющими типизированную этическую оценку. Наглядно проявляется сущность речевого акта осуждения: осуждающий дает отрицательную оценку кому-чему-либо, исходя из собственного жизненного опыта, который формируется под влиянием общепринятых морально-этических установок. Ольга судит исходя из этических норм народной культуры, прямо осуждающей факты предательства.

Агрессивность дочери толкает Эльзу к самозащите. Тактика возражения (*Ну, допустим, мужа я схоронить все-таки успела*) воспринимается Ольгой как самооправдание матери. Ее можно отнести к проявлениям псевдоагрессивного речевого поведения.

Отдельно следует сказать о тактике попрека (*Отец для тебя все, все сделал – дом построил, сад, все своими руками! А ты...*). В отличие от упрека (*Сорок дней не прошло*) семантика попрека обнажает иерархический статус коммуникантов. Попреки делаются как бы «сверху вниз». В терминах транзакционного анализа М. Д. Эрик Берна осуществляется транзакция «Родитель – Взрослый», не совпадающая с реальными социальными ролями: дочь играет роль Родителя, мать – Взрослого. Такая диспозиция обнажает мировоззренческий конфликт, реализующийся на следующем этапе семейной ссоры. Дочь попрекает мать теми благодеяниями, которые она получила от мужа, обвиняет ее в неблагодарности и забвении памяти отца.

Истинность референтной ситуации может оспариваться объектом обвинения [См.: Орлова 1997]. «Попречный кус» [Левонтина, Шмелев 2005: 358] становится тем «катализатором», который заставляет Эльзу «вывернуть душу наизнанку». Далее ссора близких людей начинает набирать обороты, переходя в открытое противостояние. Тактика откровенности [См.: Верещагин, Костомаров 2005] помогает раскрыть трагедию всей жизни Эльзы: *А что я от отца-то твоего за все эти годы видела? Слова доброго не сказал! Только и слышала –*

голодранка, стерва, фашистка! Ни цветочка, ни конфетки за всю жизнь не принес! Оценочные характеризаторы *голодранка* – (прост.) ‘оборванка, беднячка’ [ТСОШ 2011: 159]; *стерва* – (прост., бран.) ‘подлый человек’ [ТСОШ 2011: 159]; *фашистка* – (перен. разг.-сниж.) ‘крайне злобный человек’ [НСРЯ 2000 Т.2: 896] помогают воспроизвести коммуникативное поведение тирана, агрессора, оскорбляющего и унижающего свою жену. Эксплицированная ссорой оппозиция «материальное ↔ душевное» выявляет семейное неблагополучие: *Дом, дом! Всю жизнь только на этот дом и горбатились! На этот огород! Ни семьей собраться, ни чаю выпить посидеть, а только – работай, работай, давай, не сиди, впахивай, не сахарная поди!* Тема материального представлена существительными *дом, огород*, глаголами, выражающими интенсивность и тяжесть труда: *горбатиться* – ‘(прост.) работать тяжело и много’ [ТСОШ 2011: 162], *не разгибаться, впахивать* – ‘много работать, интенсивно заниматься чем-л.’ [Елистратов 2000: 72]; темпоральной конструкцией со значением цикличности: *с утра до ночи*. Тема душевного эксплицируется номинированием кооперативных семейных практик (*семьей собраться, чаю выпить, посидеть*), основанных на удовольствии и радости от общения, осознании причастности к семейной общности. Глагол *общаться*, «цементирующий» коммуникацию членов семьи, означает «разговаривать с кем-то в течение некоторого времени ради поддержания душевного контакта» [Зализняк и др. 2005: 281].

«Для традиционной русской культуры откровенность, т.е. отсутствие тайн между коммуникантами, – это конститутивный признак близких» [Верещагин, Костомаров 2005: 620]. Речевая тактика откровенности становится движущей силой развития противостояния близких людей. Обнажение душевной раны не находит понимания и сострадания дочери. Ее реплика манифестирует агрессивную тактику насмешки: *Ну уж извините, сударыня, не дал вам бог богатеньких родственников!* Апеллятив *сударыня* (устар.) как типичная форма вежливого, учтвого обращения, принятого среди дворянства, поддерживающий оскорбительную оценку фразеологизм *не сахарная* (о неженке) демонстрируют стереотипное представление патриархальной культуры о женщине: она должна

заниматься не внешним видом, а домом и хозяйством, скрывать свои душевные переживания.

В речевой партии Ольги, включающей попреки Эльзы, как бы слышится голос отца: *Да сдохли бы вы с бабкой в своей теплушке от голода! Отец тебя из грязи в князи вытащил, всю жизнь на дом, на семью горбатился. Если бы не отец, где бы ты сейчас была?* «Нарочитое использование грубых, вульгарных, стилистически сниженных (иногда нецензурных) слов и выражений с целью выражения резко отрицательной оценки или создания экспрессии в случаях, где возможно стилистически и эмоционально нейтральное употребление» [Россова 1999: 103], служит знаком намеренной дискредитации адресата, задает агрессивность высказываний. Яркий пример дисфеминизации – глагол *сдохнуть* вместо *умереть*.

Ссора эксплицирует еще одну оппозицию: эстетически приземленное ↔ эстетически привлекательное, романтическое. Эльза в молодости была красивой женщиной, она не потеряла привлекательности и в старости. В ее душе живет нереализованная мечта привыкшей к унижениям девочки, девушки, женщины быть любимой и красивой. Внутренний конфликт обнажается с помощью образа замотанной, непривлекательной деревенской женщины: *Всю жизнь в галошах, черти в чем, с культей на голове; Вот что он мне оставил, вот! Сломанную руку и тряпье из сельмага!* Женское достоинство и свойственная женщине тяга к красоте поддерживаются тактикой положительной телесной самооценки (*А я красивая была, красивей профурсеток ваших в телевизоре, у меня талия была пятьдесят шесть сантиметров, ноги длинные, волосы до попы*), тактикой гендерной самоидентификации (*туфли, помада, платье, сумка, перчатки*).

Эльза чувствует себя счастливой и обновленной любовным чувством, поэтому слова о *гульках, позоре, предательстве* отца больно ее ранят. Тактики признания и откровенности Эльзы вступают в противостояние с тактиками оскорбления и угрозы Ольги: *Мам, ты совсем? Я тебе дурку вызову*. Происходит кульминационный момент ссоры, после наступает последняя стадия. Семиотически значимый взгляд матери (*вдруг замирает, загнанно смотрит на*

дочь), речевая тактика отсыла, выраженная императивами (*Уходи! Пошла вон!*), свидетельствуют о желании прекратить коммуникативный контакт. Тактика обозначения идентификации (*Это мой дом; Я здесь пока еще хозяйка*) призвана подтвердить сложившийся status quo. Ссора матери и дочери сигнализирует о нарушении психологического баланса общения и временном разрыве.

Каркас коммуникативного сценария любой ссоры как инвариант был обозначен исследователями в общих чертах [См.: Федосюк 1992; Третьякова 2003а, 2003б; Борисова 2008 и др.]. Ссора может иметь разные варианты развития, но чаще всего происходит так: «Непременно явится сначала разногласие, потом пикировка, а там и настоящая брань» [Федосюк 1992: 33]. Если следовать нашему выделению этапов ссоры, то экспликация разногласий, укоры, обвинения, констатация негативных фактов одной из сторон соответствуют предконфликтной ситуации, а пикировка как собственно перепалка, спор, перекоры, перебранка маркируют конфликтную ситуацию. Вместе с тем, как показывает собранный материал, демаркационная линия между этими ситуациями может быть едва различимой, а переход от одной ситуации к другой – мгновенным. В некоторых случаях можно говорить о наложении обозначенных ситуаций. Ссора между Эльзой и Ольгой обнажает внутриличностный и мировоззренческий конфликты. Ольга транслирует типизированную коллективную установку носителя деревенской культуры быть верной покойному мужу, смириться со своей участью и в неявном виде свои эгоистические интересы – сохранить за собой единоличное право на дом, который перейдет к ней после смерти матери. Реализации этих мотивов служат конфронтационная стратегия и стратегия демонстрации власти. Речевое поведение Эльзы эксплицирует протест против постоянного семейного унижения, пробуждение достоинства и желание женского счастья. Своими агрессивными действиями дочь наносит матери психологический ущерб: унижает, оскорбляет ее. Мать прибегает в основном к стратегии защиты.

Представим речеповеденческий сценарий «Эскалация конфликта»

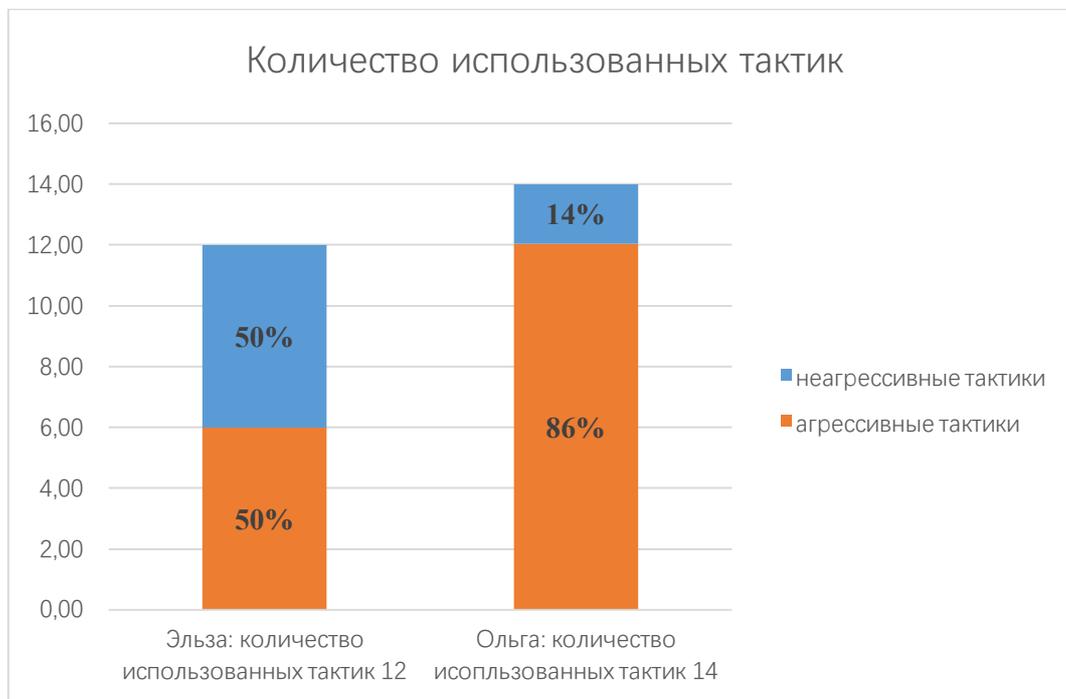
Таблица 1.

Речевая партия Эльзы		Речевая партия Ольги	
<i>Оля? Вот решила провести ревизию, давно не разбирала шкаф....</i>	Т. вступления в контакт	<i>Ну и с кем это ты вчера в палисаднике у нас целовалась, мне соседи доложили?</i>	Т. «вопроса в лоб»
Эльза уходит на кухню. Ольга идет за ней.	Т. молчания	<i>Ты мне на вопрос ответь.</i>	Т. настойчивого призыва к ответу
<i>Чаю хочешь?</i>	Т. перехода на другую тему		
<i>Да с кем, с кем.... Я не знаю. Люди тебе всякое скажут....</i>	Т. уклонения от ответа	<i>Приехали! Я чего угодно от тебя могла ожидать! Мама, ты дату рождения в своем паспорте видела? Тебе уж помирать пора, прости господи, а ты на гульки побежала!</i>	Т. проработки, оскорбления
<i>Не надо разговаривать со мной в таком тоне!</i>	Т. запрета	<i>А в каком, в каком еще тоне с тобою разговаривать? Ты — девочка малолетняя? Или совсем в старческий маразм впала? На всю деревню позор! Не успела мужа схоронить, побежала на гулянки!</i>	Т. оскорбления, апелляции к общественному мнению, осуждения
<i>Ну, допустим, мужа я схоронить все-таки успела....</i>	Т. возражения	<i>Сорок дней не прошло. Ты — предательница, понимаешь? Самая настоящая! Отец для тебя все, все сделал — дом построил, сад, все своими руками! А ты....</i>	Т. оскорбления, попрека
<i>А что я от отца-то твоего за все эти годы видела? Слова доброго не сказал! Только и слышала — голодранка, стерва, фашистка! Ни цветочка, ни конфетки за всю жизнь не принес!</i>	Т. откровенности	<i>А тебе дома мало?</i>	Т. попрека
<i>Дом, дом! Всю жизнь только на этот дом и горбатились! На этот огород! С утра до ночи не разогнуться! Ни семьей собраться, ни</i>	Т. откровенности	<i>Ну уж извините, сударыня, не дал вам бог богатеньких родственников! Если бы не отец, где бы ты сейчас была?</i>	Т. насмешки, попрека

<i>чаю выпить посидеть, а только — работай, работай, давай<...></i>			
<i>Тебя не спросила!</i>	Т. опровержения	<i>Да сдохли бы вы с бабкой в своей теплушке от голода! Отец тебя из грязи в князи вытащил, всю жизнь на дом, на семью горбатился. И вот, дожили! Побежала в палисадник целоваться! В палисадник, который, между прочим, твой муж построил!<...></i>	Т. попрека, оскорбления
<i>Вот что он мне оставил, вот! Сломанную руку, и тряпье из сельмага! Богато уже ведь жили, а он все на рынках торговался, за каждую копейку, думала, удавится. Попросила помаду однажды, - не для вашего рыла, было мне сказано, не по вашей честь</i>	Т. откровенности, возмущения	<i>Значит, ты ему, мертвому отомстить теперь решила, так сказать?</i>	Т. провокационного вопроса
<i>Нет! Не хочу я никому мстить! А если я по правде в первый раз в жизни? А если он человек хороший, если он разговаривает со мной, если мне с ним дышать по-другому сразу....</i>	Т. возражения, признания	<i>Мам, ты совсем? <...>Мам, еще раз такое скажешь, я тебе дурку вызову, я серьезно.</i>	Т. оскорбления, угрозы
<i>(вдруг замирает, загнанно смотрит на дочь) Уходи!</i>	Т. отсыла	<i>Ты меня выгоняешь?</i>	Т. вопроса
<i>Да. Это мой дом.</i>	Т. обозначения идентификации	<i>Такой же твой, как и мой. Отец его строил для нас.</i>	Тактика аргументации
<i>Я здесь пока еще хозяйка. Уходи.</i>	Т. отсыла	<i>Кто он?</i>	Т. вопроса
<i>Этого я тебе уж точно не скажу.</i>	Т. отказа от ответа	<i>Кто он? Говори!</i>	Т. настойчивого призыва к ответу
<i>Пошла вон!</i>	Т. отсыла	<i>Ты дождешься у меня, я тебя точно дурку....</i>	Т. угрозы

В речевой партии Эльзы выделяется 6 агрессивных тактик, в речевой партии Ольги – 12 агрессивных (см. схему 1.).

Схема 1.

Ольга занимает агрессивную тактико-стратегическую линию поведения – Эльза защищает себя. В предконфликтной ситуации Ольга реализует агрессивные речевые тактики проработки, оскорбления, осуждения, попрека и др.; Эльза – неречевую тактику молчания, псевдоагрессивную речевую тактику возражения. Тактика апелляции к общественному мнению в синтагматическом развороте с агрессивной тактикой “пропитывается” агрессией. Собственно конфликт эксплицирует усиление агрессии Ольги: тактики насмешки, попрека, оскорбления, угрозы, провокативного вопроса и др. Эльза использует псевдоагрессивную речевую тактику откровенности, агрессивные речевые тактики отсыла, самоидентификации, отказа от ответа и др.

Рассмотрим диалогический фрагмент из пьесы И. Синило «Дима любит таблеточки». Коммуникативная предыстория: Павел (муж, 40 л.) пригласил в дом

своего знакомого Романа, который предлагал наркотику умственно отсталому 18-летнему сыну Павла. Жена Павла Надя (жена, 38 л.) выгоняет Романа из квартиры.

НАДЯ (зло) *Ты что ему предлагаешь?!*

РОМАН (обернулся) *Да так, ничего... Сидим просто, общаемся, ага...*

<...>

НАДЯ *Вали отсюда!*

РОМАН *Брось, Надюха... Я же прикалываюсь, ага...*

НАДЯ *Вали отсюда!*

РОМАН (открыл дверь, выходит) *Короче, братишка, ты как знаешь, а я сваливаю из этого дурдома, ага. (Уходит) Чао-какао, ага!*

ПАВЕЛ (вдогонку) *Роман! Не обижайся! С ней такое бывает. Ты ни в чем не виноват! Роман... Роман Батькович! Дружбан, я завтра перезвоню тебе!*

НАДЯ (закрывает дверь на все замки) *Вали, вали!*

Павел уходит в комнату.

Надя посмотрела в глазок, проверила замок и тоже ушла в комнату.

НАДЯ (Павлу) *Паша! Ты хоть осознаешь...*

Павел размахивается и бьет ее по лицу.

Надя падает на пол.

ПАВЕЛ (громко) *Сука! Сколько раз я тебе говорил уважать моих друзей, а?! (Пинает ее) Сколько (Левой ногой) раз (Правой ногой) я (Левой) тебе (Правой) говорил (Левой) уважать (Правой) моих (Левой) друзей?! (Правой) Сколько тебе надо это повторять, а?! Ты опять за свое?! Ты опять, падла, за свое, да?!*

Бьет ее.

Надя пытается защищаться, выставляет вперед руки.

НАДЯ *Хватит, Паша! Прошу тебя, хватит! Я всё поняла! Я всё поняла...*

ПАВЕЛ *Че?! Не слышу!*

НАДЯ (громко) *Я всё поняла, Паша! Прости! Я всё поняла...*

Павел выпрямился, тяжело дышит. Сел в кресло.

Надя, свернувшись, лежит на полу, тихо плачет.

Взаимодействие супругов можно обозначить как скандал ('шумная ссора с криками, бранью, упреками' [ТСОШ 2011: 885]) с рукоприкладством. Фрустрирующая ситуация (уход друга, поведение жены) способствует мгновенному достижению пика напряженности. Инициальная речевая тактика жены, со всей очевидностью содержащая упрек, вызывает ответную биологическую реакцию мужа. В речевую партию Павла включаются тактики инвективы (*сука, падла*) и выговаривания (*Сколько раз я тебе говорил уважать моих друзей, а?!; Сколько тебе надо это повторять, а?! Ты опять за свое?!*),

ритмично перемежающиеся неречевыми действиями (*размахивается и бьет ее по лицу; пинает ее левой ногой, правой ногой*).

Инвектива – некодифицированные словесные средства, нарушающие этические нормы. «Ругатель прибегает к этим средствам чаще всего тогда, когда у него появляется необходимость в основательной разрядке эмоционального напряжения» [Жельвис 2001: 34]. Значительная часть бранных слов имеет скрытый или явный сексуальный подтекст. Их употребление нарушает настолько сильные запреты, что сам факт употребления заслуживает презрения, так как, произнося их, говорящий унижает самого себя. Слово *падла* – ‘блядь, опустившаяся женщина’ [Русский мат 2000: 277] относится к таким бранным словам. Следует отметить, что в русской лингвокультуре инвективная лексика не всегда табуируется, оставаясь относительно приемлемой в большинстве ситуаций и социальных групп, например инвектива *сука* (‘потаскуха, блядь’ [Русский мат 2000: 433]), чаще применяемая к женщине, функционирующая в основном как вульгарное восклицание.

Рукоприкладство становится в семейной ссоре способом «восстановить утраченное ощущение превосходства, стремлением унижить обидчика, самоутвердиться за его счет» [Седов 2003: 197]. Пинкам сопутствуют жестовые движения, злобное выражение лица. Избивающий намеревается причинить адресату боль, сильно обидеть его и показать ему свою власть над ним, считая, что адресат не способен причинить ему ответное зло [См.: Крейдлин 2005]. Очевидно, глубинные причины непристойного поведения мужа кроются в его нездоровой психике. Адекватный и уважающий себя человек никогда не позволит себе причинять боль родному человеку.

Не выдерживая насилия мужа, Надя применяет тактику просьбы и выражает покорность мужу: *Хватит, Паша! Прошу тебя, хватит! Я всё поняла! Я всё поняла*. Авторские ремарки, описывающие позы коммуникантов (*Павел выпрямился, тяжело дышит. Сел в кресло – Надя, свернувшись, лежит на полу, тихо плачет*) эксплицируют промежуточный результат ссоры. Далее супруги продолжают ссориться.

ПАВЕЛ Почему ты постоянно бесишь меня, а?! Почему ты каждый раз вынуждаешь меня бить тебя на глазах (Указал на Диму) у этого недоумка?!

НАДЯ (тихо) Не говори так...

ПАВЕЛ Че, не нравится, да?! Бездарны дети гениев, да?!

НАДЯ Ты что ли гений-то?

ПАВЕЛ Я!

НАДЯ Да глупый ты... (Шмыгает носом) Совсем не знаешь своего сынулю.

ПАВЕЛ Конечнo! Куда мне до тебя-то, ну. Ты обосралась что ли, а?! Че тебя не устраивает?

НАДЯ Всё не устраивает...

ПАВЕЛ Знаешь, почему тебе нечего сказать, а? Знаешь?! Потому что он – биомусор! Недоразвитое существо. Балласт. Дурачок, одним словом...

НАДЯ Как же ты надоел...

ПАВЕЛ Знаешь, почему надоел, а? Знаешь?! Потому что я правду говорю!

НАДЯ Да кому она здесь нужна-то, твоя правда? Кому-у?!

ПАВЕЛ Не на-адо защищать своих детей. Не надо, дорогая, не надо! Думаешь, я тебя жалеть буду?! Иди ты, куда подальше, понятно, да?! Можешь бежать к своему кобелю, в жилетку ему поплакать.

НАДЯ К кому?!

ПАВЕЛ Кому – «кому»?! Кобелю своему, ну. Мужик в Тверь, баба в дверь – так, что ли, да?! Че, думала, я не узнаю, да?! Думала, не узнаю?!

НАДЯ Что ты опять выдумал? Бред какой-то...

ПАВЕЛ Я клоун что ли, а?! Рога на голове видишь?! Мне сын дорогой всё рассказал, как тебя трахал – ну, этот... как его... – тот, со второго этажа-то, который к нам за солью постоянно ходит.

НАДЯ Наглая и грязная ложь. Он врет!

ПАВЕЛ Ему-то зачем это надо?! Ты подумай, ну. Зачем?!

НАДЯ Это неправда...

ПАВЕЛ Правда – неправда. Ложь – не ложь. Вранье – не вранье... Без разницы! Факт остается фактом. Ошиблась, оступилась – с кем не бывает, ну?! Я могу забыть. В крайнем случае, буду стараться. Все ошибаются. Рано или поздно. Абсолютно все! Даже президенты. Теперь ты видишь эти грабли, ты знаешь, где они лежат и как сильно бьют, но если ты еще раз на них наступишь, если это еще хоть раз повторится, хоть один маленький раз, знай – я тебе матку с корнями вырву, понятно, да?! Подумай об этом на досуге, у тебя же много свободного времени, ну... Давай в монополию сыграем что ли?

НАДЯ Ты дурак?

ПАВЕЛ Пора бы уже привыкнуть, ну.

Разрядка психического напряжения способствует саморефлексии Павла. Он оправдывает свое рукоприкладство речевым поведением жены, которая *бесит*, т.е. 'приводит в крайнее раздражение' [ТСОШ 2011: 41] и *вынуждает* его применять

физическую силу: *Почему ты постоянно бесишь меня, а?! Почему ты каждый раз вынуждаешь меня бить тебя на глазах у этого недоумка?!* Включенное в состав высказывания словосочетание *каждый раз* показывает, что, сценарий общения супругов многократно опробован.

Упреки перемежаются оскорблениями в адрес сына, для чего используется обесцененная лексика и лексика, включающая отрицательную оценку: *недоумок, биомусор, балласт, дурачок, бездарный, недоразвитый*. Рассмотрим значения некоторых слов. *Недоумок* – ‘глуповатый человек’ [ТСОШ 2011: 508]; *дурачок* – ‘глупый человек, глупец’ [ТСОШ 2011: 220]; *биомусор* – ‘ничтожный человек, который засоряет своим существованием генофонд’ [СМС Режим доступа: <http://teenslang.su/content/Биомусор> (дата обращения: 12. 04. 2017)]; *балласт* – ‘то, что излишне отягощает, обременяет кого-что-н.’ [ТСОШ 2011: 28]; *бездарный* – ‘лишенный таланта, дара, неталантливый’ [ТСОШ 2011: 36]; *недоразвитый* – ‘не достигший полного развития, недостаточный по развитию’ [ТСОШ 2011: 507]. Павел воспринимает сына как ничтожество с ограниченными умственными и креативными способностями. Инвективная тактика в адрес сына, больно бьет и по матери ребенка: агрессия косвенно направляется на жену как реальную жертву, «на конкретные предметы, личные вещи, принадлежащие реальной жертве, или на связанные с ней общие представления и понятия» [Щербинина 2012: 211]. Такая агрессия считается одной из наиболее сильных и деструктивных.

Павел демонстрирует так называемую неинструментальную агрессию, «агрессию в чистом виде, которая служит задачам катартического разрядки за счет коммуникативного партнера и обычно имеет аффективный характер» [Седов 2003: 198]. Профанная функция неинструментальной агрессии реализуется, в основном, с помощью инвективы. В узком смысле инвективу можно определить как способ существования словесной агрессии, «средство отталкивания и демонстрации отчуждения, декларирования вражды» [Жельвис 2001: 155]. Прагматическая функция инвективной лексики в качестве средства материализации негативной эмоциональной стороны общения состоит в том, чтобы нанести моральный ущерб человеку, который чем-то не угодил. Павел стремится обидеть, оскорбить жену и

сына, активно ищет выход из эмоционального напряжения через обращение к низшему, вульгарному началу.

В рамках инвективной стратегии, кроме оскорбления, Павел использует также тактики насмешки (*Куда мне до тебя-то, ну;*), глумления (*Че, не нравится, да?! Бездарны дети гениев, да?! Ты обосралась что ли, а?! Че тебя не устраивает?*), отсыла (*Иди ты, куда подальше, понятно, да?!*).

Один из типичных поводов для бурных семейных ссор – факт измены одного из супругов. Диалогическое взаимодействие дает понять, что Павел подозревает Надю в измене. Отсылкой к референтной ситуации выступает прецедентный текст *Мужик в Тверь, баба в дверь*, фразеологизм *рога на голове* (ср.: *рога наставить мужу – (ирон.) ‘обмануть мужа, нарушив супружескую верность’* [ТСОШ 2011: 835]), словосочетание *твой кобель*. Оскорбительным словом, обозначающим акт измены, можно посчитать глагол *трахать*, который «обладает неизлечимым врожденным дефектом. В его основе – злая и циничная метафора. В слове *трахать* неминуемо слышится отзвук первичного значения (ударять, разрушать, наносить ущерб)» [Новиков 2008: 156]. В рамках стратегии обвинения Павел использует тактики констатации негативного факта (*Мне сын дорогой всё рассказал, как тебя трахал...; Факт остается фактом*), косвенного обвинения в измене (*Можешь бежать к своему кобелю, в жилетку ему поплакать; Мужик в Тверь, баба в дверь – так, что ли, да?!*), самоагрессии (*Я клоун что ли, а?! Рога на голове видишь?!*), демонстрации превосходства и великодушия (*... я правду говорю! Я могу забыть. В крайнем случае, буду стараться*), непрямой и прямой угрозы (*Че, думала, я не узнаю, да?! Думала, не узнаю?!*), предупреждения (*если это еще хоть раз повторится, хоть один маленький раз, знай – я тебе матку с корнями вырву, понятно, да?!*).

Павел предстает как конфликтный агрессор и активный эгоцентрик. В известной классификации типов конфликтных личностей К. Ф. Седова «конфликтный агрессор будет проявлять себя в тактиках инвективы, насмешки, упрека, колкости, обвинения и т.д.» [Седов 2004: 79]. «Активный эгоцентрик обнаружит тенденцию навязывания собственных тактик в виде перебивов,

вопросов, на которые сам же дает ответы и т. п.» [Там же]. Наблюдения ученого подтверждается и нашим материалом. Особо отметим обращенный к жене и матери агрессивный посыл выражения *вырвать матку с корнями*.

Ведущая речевая стратегия Нади – стратегия защиты себя и сына. Она использует тактики запрета на грубое слово (*Не говори так*), отрицательной оценки (*Да глупый ты*), опровержения (*Это не правда; наглая и грязная ложь*), защиты (*Как же ты надоел; Да кому она нужна. Твоя правда-то? Кому?!*).

Проанализированные диалогические фрагменты показывают семейную трагедию. Прежде всего, она кроется в отсутствии любви к близким, что подтверждает правильность традиционной народной мудрости: *Где любовь да совет, там и рай, там и свет; а где ссоры да споры, там только лишь вздоры*.

Представим речеповеденческий сценарий «Эскалация конфликта»

Таблица 2.

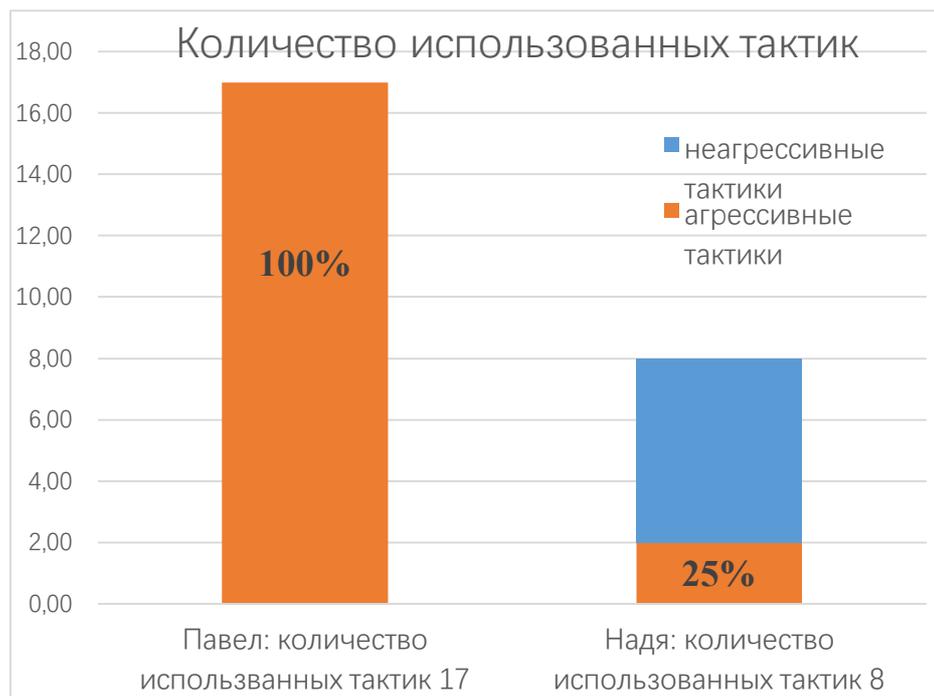
Речевая партия Павла		Речевая партия Нади	
(громко) <i>Сука! Сколько раз я тебе говорил уважать моих друзей, а?! (Пинает ее) Сколько (левой ногой) раз (правой ногой) я (левой) тебе (правой) говорил (левой) уважать (правой) моих (левой) друзей?! (правой) Сколько тебе надо это повторять, а?! Ты опять за свое?! Ты опять, падла, за свое, да?!</i>	Т. инвективы, выговаривания, Т. рукоприкладства	<i>Хватит, Паша! Прошу тебя, хватит! Я всё поняла! Я всё поняла...</i>	Т. просьбы
<i>Че?! Не слышу!</i>	Т. глумления	<i>Я всё поняла, Паша! Прости! Я всё поняла...</i>	Т. выражения покорности
<i>Почему ты постоянно бесишь меня, а?! Почему ты каждый раз вынуждаешь меня бить тебя на глазах у этого недоумка?!</i>	Т. упрека	(тихо) <i>Не говори так...</i>	Т. запрета на грубое слово
<i>Че, не нравится, да?! Бездарны дети гениев, да?!</i>	Т. глумления	<i>Ты что ли гений-то?</i>	Т. защиты
<i>Я!</i>	Т. демонстрации превосходства	<i>Да глупый ты... Совсем не знаешь своего</i>	Т. отрицательной оценки

		<i>сынулю</i>	
<i>Коне-ечно! Куда мне до тебя-то, ну. Ты обосралась что ли, а?! Че тебя не устраивает?</i>	Т. насмешки, глумления, вопроса	<i>Всё не устраивает...</i>	Т. ответа
<i>Знаешь, почему тебе нечего сказать, а? Знаешь?! Потому что он – биомусор! Недоразвитое существо. Балласт. Дурачок, одним словом...</i>	Т. инвективы	<i>Как же ты надоел...</i>	Т. констатации негативного факта
<i>Знаешь, почему надоел, а? Знаешь?! Потому что я правду говорю!</i>	Т. демонстрации превосходства	<i>Да кому она здесь нужна-то, твоя правда? Кому-у?!</i>	Т. защиты
<i>Не на-адо защищать своих детей. Не надо, дорогая, не надо! Думаешь, я тебя жалеть буду?! Иди ты, куда подальше, понятно, да?! Можешь бежать к своему кобелю, в жилетку ему поплакать.</i>	Т. запрета, отсылы, косвенного обвинения в измене	<i>К кому?!</i>	Т. вопроса
<i>Кому – «кому»?! Кобелю своему, ну. Мужик в Тверь, баба в дверь – так, что ли, да?! Че, думала, я не узнаю, да?! Думала, не узнаю?!</i>	Т. обвинения в измене, не прямой угрозы	<i>Что ты опять выдумал? Бред какой-то...</i>	Т. опровержения
<i>Я клоун что ли, а?! Рога на голове видишь?! Мне сын дорогой всё рассказал, как тебя трахал – ну, этот... как его... – тот, со второго этажа-то, который к нам за солью постоянно ходит.</i>	Т. косвенного обвинения в измене, констатации негативного факта, самоагрессии	<i>Наглая и грязная ложь. Он врет!</i>	Т. опровержения
<i>Ему-то зачем это надо?!. Зачем?!</i>	Т. риторического вопроса	<i>Это неправда...</i>	Т. опровержения

<p><i>Правда – неправда. Ложь – не ложь. Вранье – не вранье... Без разницы! Факт остается фактом. Ошиблась, оступилась – с кем не бывает, ну?! Я могу забыть. В крайнем случае, буду стараться. Все ошибаются. Рано или поздно... Теперь ты видишь эти грабли, ты знаешь, где они лежат и как сильно бьют, но если ты еще раз на них наступишь, если это еще хоть раз повторится, хоть один маленький раз, знай – я тебе матку с корнями вырву, понятно, да?! Подумай об этом на досуге, у тебя же много свободного времени, ну...</i></p>	<p>Т. рассуждения, демонстрации великодушия, предупреждения, перехода на другую тему</p>		
--	--	--	--

В речевой партии Павла наблюдается агрессивных 17 речевых тактик, В речевой партии Нади выделяется 5 агрессивных тактик. Приведем гистограмму (см. схема 2) для иллюстрации диалога. Лево́й столбик обозначает количество использованных Павлом тактик и пропорцию агрессивных тактик и неагрессивных.

Схема 2.

Павел занимает абсолютную доминирующую позицию, что находит отражение в использованных им агрессивных тактиках. Инвективная стратегия реализуется речевыми тактиками оскорбления (инвективы), выговаривания, насмешки, глумления, отсыла и неречевыми тактиками рукоприкладства. Стратегия обвинения строится с помощью тактик косвенного обвинения в измене, скрытой угрозы, констатации негативного факта, демонстрации превосходства, предупреждения и др. Надя занимает пассивную позицию. Ее высказывания характеризуются низкой степенью агрессивности. Доминирует стратегия защиты.

Разнообразие форм проявления агрессии отражает многообразие мотивов и побуждений. В предконфликтной ситуации частотны инициальные агрессивные тактики *провокационного вопроса, вопроса «в лоб», сорванного раздражения, призыва к ответу, насмешки, констатации негативного факта, отрицательной оценки, упрёка, попрека, обвинения, оскорбления.*

В конфликтной ситуации частотны агрессивные речевые тактики *отказа от ответа, констатации негативного факта, демонстрации превосходства, предупреждения, издевки, глумления, выговаривания, попрека, косвенного обвинения, осуждения, прямой / непрямой угрозы, отсыла, оскорбления (инвективы), неречевая тактика рукоприкладства, молчания.*

В семейном конфликте агрессия “умножается” за счет столкновения деструктивных тактик, например: упрек ↔ оскорбление; отсыл ↔ угроза; обвинение ↔ глумление. Асимметрия ролевых позиций ведет к взаимодействию агрессивной и псевдоагрессивной тактик, например: оскорбление ↔ запрет; попрек ↔ откровенность; осуждение ↔ опровержение.

2.2.5. Терминал РЕЗУЛЬТАТ

Семейная ссора, как всякое коммуникативное событие, протекающее в соответствии со стадиями развития, конечно, она ведет к определенному финалу, в котором «разделяется исход, т.е. предполагаемый и непредвиденный

коммуникативный результат» [Хаймс 1975: 42–70]. Коммуникативный результат определяется относительной исчерпанностью партнерами общения речевых действий и достижением ими определенных эмоциональных состояний, баланса отношений. Таким образом, исход конфликтной ситуации может быть речевым и психологическим.

Реакция коммуниканта на агрессивные речевые действия может быть разной. Ощущение угрозы, исходящей от агрессора, может заставить действовать «зеркально», что способствует эскалации конфликта и ведет к коммуникативной дисгармонии. Сознательное подавление агрессии, напротив, способствует избеганию конфронтации, выбору иных, не агрессивных, модусов поведения, нейтрализующих напряжение или временно вуалирующих его. Разрешение конфликта может развиваться в двух направлениях – «доминирование разрушительных процессов и доминирование созидательных процессов» [Белоус 2008: 16]. Таким образом, результат ссоры начинает вызревать в коммуникативной фазе и оформляется, когда «конфликтующие стороны приходят к какому-то решению и завершают контакт» [Третьякова 2004: 113]. Он окончательно проясняется в посткоммуникативной фазе «в виде негативных или неадекватных эмоциональных реакций, отрицательного психологического состояния, отложенной реакции, фиксации каких-либо нарушений условий коммуникации и т. п.» [Там же]. Добавим также, что в случае мирного разрешения ссоры и правильно сделанных выводов, коммуниканты получают ощутимую пользу, хороший жизненный опыт поведения в ссоре. В большинстве случаев состояние раздражения, злости, всплески возникающих и угасающих эмоций сопровождают семейную жизнь, ведь для окончательного примирения, восстановления взаимного доверия, уважения и любви требуется время.

Опишем слот **«дисгармонический коммуникативный результат»**. В психологии подробно описан деструктивный конфликт с доминантой на разрушительные процессы, «негативные последствия которого после завершения борьбы сторон в целом заметно превосходят его позитивные результаты» [Анцупов, Шипилов 2006: 163]. Деструктивный конфликт ведет к дисгармоническому

коммуникативному результату: разрыву контакта, психологической травме, физическому насилию и т.п.

Проанализируем завершающий этап супружеской ссоры на материале пьесы А. Богачёвой, А. Яблонской «Я много ем, или “манящая сладость любви”». Конфликт супругов не имеет ярко выраженной агрессивной доминанты, однако перед нами не просто ситуация выяснения отношений: полный чувства безысходности и отчаяния, муж пытается «достучаться» до жены, которая его не хочет слышать.

Коммуникативная предыстория: супруги – поэтесса-графоманка Алена и ее муж Олег. Поскольку Алена увлечена сочинительством стихов, она не замечает собственного мужа. В комнату, где на диване лежит Алена, входит грустный Олег с сумками продуктов, спрашивает у жены, где его тапочки, но не получает ответа. Подходит к письменному столу, пытается как-то прибраться и вдруг одним движением сметает все со стола на пол. Алена, наконец, отрывается от своего занятия, смотрит на него, как будто в первый раз видит.

АЛЕНА *Что ты?*

ОЛЕГ *Я пришел.*

АЛЕНА *Вижу.*

ОЛЕГ *Алё, а у нас поесть что-нибудь есть? Есть поесть? Еда? Пицца?*

АЛЕНА (как о чем-то неважном) *Там...на кухне...чипсы...*

ОЛЕГ *Чипсы? (вздыхает) А суп?*

АЛЕНА *Тот, что мама твоя сварила, я сегодня сама доела.*

ОЛЕГ *Хоть что-то сама.*

АЛЕНА (нервно курит) *Из редакции пришел отказ.*

ОЛЕГ *Опять...*

Он идет на кухню, гремит посудой, включает воду.

АЛЕНА *Они не взяли поэ-э-э-эму...*

ОЛЕГ *Вода шумит! Я не слышу!*

АЛЕНА (раздувает тлеющий огонек) *Не слышит! Меня никто никогда не слышит! В редакциях говорят: графоманка, соседи за спиной смеются: сумасшедшая... Стишки пишет. А что делать, если бог дал мне этот дар?! Дар или проклятие?!*

ОЛЕГ *Я не могу так! Не могу больше! Не могу!*

АЛЕНА *Ты с самого начала знал, что я поэт. Тебе это нравилось!*

ОЛЕГ *Я есть хочу. Я работал. Я имею право на тарелку супа. Горячего наваристого супа. Знаешь, как пахнет настоящий красный борщ? На весь подъезд! Бывает, идешь с работы, а в подъезде пахнет так вкусно-вкусно. И ты идешь и думаешь, это борщ! И ты идешь и надеешься, может, это от нас?*

Может, из моей квартиры? И еще, думаешь, какие счастливые эти люди, из чьей квартиры такой запах. А вдруг это от нас? Хотя вряд ли... Но... Но ведь могло бы быть от нас...

АЛЕНА *Хочешь, чтобы я превратилась в домохозяйку, супы тебе варила, думала только о швабре и тряпке? Он, видите ли, был на работе. А то, чем я занимаюсь – не работа? А знаешь ли ты, сколько душевных сил, сколько словесной руды единой строчки ради... Ты никогда меня не понимал!*

Олег опускается на стул, поднимает на Алену совершенно пустой, неласковый взгляд.

ОЛЕГ *Не понимал? Ты так считаешь? Ну, хорошо. Не понимал. Но я, по крайней мере, старался. Только это все игра в одни ворота. О каком понимании идет речь, если у тебя за целый год, что мы живем вместе, не возникло желания приготовить мне ужин? Ни разу! Ни разу! Ты же вообще ничего, кроме своих стихов, не видишь. Между прочим, на меня обращают внимание женщины. Да. Другие женщины, Алё. Ты не обращаешь. Я даже хотел, чтобы ты ревновала. Специально задерживался на работе, ждал, что ты станешь звонить, волноваться... Какое там! Приходил я в семь или в двенадцать – ты ничего не замечала, у тебя была очередная трагедия с журналом, я шел на кухню, делал себе бутерброды... На прошлой неделе у меня нашли гастрит.*

АЛЕНА *Гастрит? Ты ничего не говорил!*

ОЛЕГ *Говорил.*

АЛЕНА *Я не слышала.*

ОЛЕГ *Да. Ты не слышала.*

АЛЕНА *Но ты же знаешь, когда я пишу...*

ОЛЕГ *Ты не беспокойся. Я все тебе оставляю. Квартиру, машину...*

АЛЕНА *О, Боже! И все из-за супа?! Значит, тебе мало, что я просто тебя люблю? Для полного счастья я должна тебя еще и обслуживать? Стоять у плиты, стирать носки, мыть кастрюли!*

Олег достает из ящика стола папку с документами, бросает ее в чемодан.

ОЛЕГ *Ну, вот и все.*

АЛЕНА *Ты...ты серьезно? Олег?*

ОЛЕГ *Там...на кухне, овощи... Есть захочешь – сварить. Вот кастрюля.*

АЛЕНА *Поэт должен быть голодным!*

ОЛЕГ *Картошку почисти, есть морковь, лук в холодильнике.*

АЛЕНА *Положил ключи мне на ладошку. И оставил тихо умирать.*

ОЛЕГ *Ключи я тебе пока не могу оставить. Мне может что-нибудь понадобится...*

Она хватает листок из его папки, лежащей в незакрытом чемодане. Пишет, зачеркивает, снова пишет.

АЛЕНА *Я ему сквозь слезы улыбалась*

Вот и все, и умерла любовь

Что же от нее теперь осталось?

Только лук, картофель и морковь.

ОЛЕГ *Дай сюда! Дай сюда! Ты с ума сошла это же отчет! Я ж над ним целый месяц!.. Почему я не ушел?! Гадство. Что я завтра начальству скажу?*

АЛЕНА *Как думаешь, это напечатают в альманахе? Сейчас появился новый альманах. Для женщин. Поэтесс. «Одинокая медуза» называется.*

ОЛЕГ *Ты меня не слышишь! Я для тебя пустое место! Ты можешь еще о чем-нибудь вообще думать, кроме напечатают-не напечатают? Небо на землю упадет, землетрясение начнется, война, а ты будешь стоять, и рифмы к этому подбирать!*

АЛЕНА *Землетрясение, воскресение, спасение, осеннее...*

ОЛЕГ *Не повезло мне. У всех бабы как бабы. Любят своих мужиков, детей им рождают...*

АЛЕНА *Ты опять?! Не начинай, прошу. Я же тебе объясняла! Поэтесса и мать – понятия несовместимые. Если я рожу ребенка, то не смогу полностью отдаваться творчеству, а мне нужен простор, мне нужен воздух... Простор и воздух нужен мне...в окне...в стене...в вине...в спине...Иначе дух мой на века... уйдет парить за облака...виска...песка...куска...носка...*

ОЛЕГ *Тоска (Пауза) Пока.*

Олег закрывает чемодан. Уходит.

Реальное настоящее обнажает полную безнадежности и тоски ретроспективу жизни: дом, в который приходит после работы муж, пуст и неуютен; женщина, забывшая об обязанностях жены, матери, хозяйки; коммуникативное одиночество: ... у тебя за целый год, что мы живем вместе, не возникло желания приготовить мне ужин... Ни разу!; У всех бабы, как бабы. Любят своих мужиков, детей им рождают...; Между прочим, на меня обращают внимание женщины...Ты не обращаешь...

Тарелка настоящего красного борща, которую мечтает съесть муж, символизирует идею заботы и внимания жены-хозяйки. Суррогат семейного счастья воплощается в номинации чипсы – вредный продукт общепита, сделанный из картофельной муки с добавлением соли, красителей и заменителей разных вкусов. Оппозиция номинаций пищи борщ, (горячий, наваристый) суп ↔ чипсы обнажает семейное неблагополучие. Речевую тактику вопроса (Алё, а у нас поесть что-нибудь есть? Есть поесть? Еда? Пицца? А суп?) можно интерпретировать как косвенное выражение деструктивного эмоционального состояния мужа, испытывающего дефицит не только нормальной домашней еды, но и общения. Душевная глухота и безразличие жены, затверживающей, как мантры, рифмованные строчки (Простор и воздух нужен мне...в окне...в стене...в

вине...в спине ...), приводят его к эмоциональному взрыву: *Я не могу так! Не могу больше! Не могу!* Модальность бессмысленности сосуществования передается модальным словом с отрицанием *не могу*, троекратным повтором, словами-интенсификаторами, эмоциональными конструкциями, экзистенциальным словом *тоска*. Стратегия обвинения конструируется тактиками выражения недовольства, обиды (*Я работал. Я имею право на тарелку супа; Ты меня не замечала;* авторская ремарка *пустой, неласковый взгляд*); упрека (*Ты же вообще ничего, кроме своих стихов, не видишь*); констатации негативного факта (*На прошлой неделе у меня нашли гастрит. Да. Ты не слышала*); сарказма (*Небо на землю упадет, землетрясение начнется, война, а ты будешь стоять и рифмы к этому подбирать!*), саможаления (*Не повезло мне. У всех бабы, как бабы. Любят своих мужиков, детей им рожают...*).

Стратегия защиты, которую использует жена, конструируется тактиками упрека (*Не слышит! Меня никто никогда не слышит!*); напоминания (*Ты с самого начала знал, что я поэт. Тебе это нравилось!*); выражения косвенного недовольства, упрека (*Хочешь, чтобы я превратилась в домохозяйку, супы тебе варила, думала только о швабре и тряпке?*); нападения (*Он, видите ли, был на работе. А то, чем я занимаюсь – не работа? А знаешь ли ты, сколько душевных сил, сколько словесной руды единой строчки ради... Ты никогда меня не понимал!*); возмущения (*О, Боже! И все из-за супа?! Значит, тебе мало, что я просто тебя люблю? Для полного счастья я должна тебя еще и обслуживать? Стоять у плиты, стирать носки, мыть кастрюли!*); рациональной аргументации (*Поэтесса и мать – понятия несовместимые. Если я рожаю ребенка, то не смогу полностью отдаваться творчеству...*).

Представим речевые стратегии и тактики мужа и жены.

Таблица 3.

Речевая партия мужа	Речевая партия жены
Стратегия обвинения	Стратегия защиты
Т. выражения недовольства	Т. упрека

Т. упрека	Т. напоминания
Т. констатации негативного факта	Т. выражения косвенного недовольства
Т. сарказма	Т. нападения
Т. саможаления	т. возмущения
Т. выражения обиды	Т. рациональной аргументации
Коммуникативный результат: разрыв отношений, расставание	

Разрыв отношений не инициируется мужем решительно как результат ценностного противостояния супругов, разного понимания ими кодекса семейных отношений. Согласно традиционным взглядам, которых придерживается муж, жена должна создавать и поддерживать уют в доме, быть хорошей хозяйкой, хранительницей домашнего очага, рожать и воспитывать детей, любить мужа. Эти обязанности (*стоять у плиты, стирать носки, мыть кастрюли, варить супы, готовить ужин, думать о швабре и тряпке, рожать, любить мужиков, детей*), в свою очередь, жена воспринимает как семейное рабство. Названные семейные роли совокупно интерпретируются ей как *обслуживание мужа*. Она против роли *обслуги*, т.е. работницы, действия которой направлены на удовлетворение текущих нужд мужа. Наблюдается конфликт семейно-гендерных и профессиональных ролей: *мать, жена, домохозяйка ↔ поэтесса*.

Обратим внимание на коммуникативный разлад супругов. Не случайно текстовый фрагмент насыщен глаголами аудиального восприятия с частицей *не* (*не слышу, не слышишь, не слышит*) и глаголами речи (*говорить, не говорить*), вступающими в оппозитивные отношения: *говорил – не слышала*, что свидетельствует об отсутствии подлинного общения супругов. Таким образом, сценарий «Выяснение отношений» приводит к дисгармоническому коммуникативному результату – полному разрыву отношений.

Проанализируем финал семейной ссоры на материале пьесы В. С. Красногорова «Сегодня или никогда». Коммуникативная предыстория: супруги, чей брак «трещит по швам», устраивают ужин с друзьями в честь годовщины

своей свадьбы. Муж «борется» с двумя интенциями: объявить жене о разводе / наладить с ней отношения.

Кухня. Муж и жена.

МУЖ *Я хочу тебе сказать...* (Умолкает, ходит по комнате, потом включает проигрыватель. Звучит тихая музыка.)

ЖЕНА (Устало) *Ну?*

МУЖ (Неожиданно для себя) *Чего мы все делим? Зачем друг друга мучим? Неужели мы не можем жить дружно и весело? Как когда-то?*

ЖЕНА (Она поражена.) *Ты что это вдруг?*

МУЖ *Почему "вдруг"? Я думаю об этом все время, просто сил больше нет. Разве ты не хочешь, чтобы у нас было все по-другому?*

ЖЕНА *Это зависит не только от меня.*

МУЖ *Я готов ради этого на что угодно. Так хочется нормальной жизни!*

ЖЕНА *Если ты серьезно...* (Задумывается, встает, подходит к Мужу.) *Может, действительно попытаться?*

МУЖ (Обнимая Жену) *Мир?*

ЖЕНА *Мир.*

МУЖ *Навсегда?*

ЖЕНА *Навсегда.*

МУЖ целует Жену, при этом опрокидывает кактус.

ЖЕНА (Расстроенная) *Ну вот...*

МУЖ (Бодро) *Ничего страшного. Купим новый, еще больше этого.*

ЖЕНА *Я растила его столько лет, а ты – «ничего страшного».*

МУЖ *Стоит ли огорчаться из-за пустяка? Ведь мы решили начать новую жизнь.*

ЖЕНА *Пока мои огорчения ты считаешь пустяком, жизни у нас не будет.*

МУЖ *Зачем нам этот бестолковый, уродливый кактус? Он же заслонял нас друг от друга.*

ЖЕНА *Ты просто ненавидишь все, что связано со мной.*

МУЖ *А ты ненавидишь самого меня.*

ЖЕНА *Значит, есть за что.* (Порывисто уходит.)

Жена плачет в спальне, уткнувшись лицом в подушку. Входит на кухню друг мужа.

ДРУГ (Поднимая кактус) *Ты что, опять не в себе? Снова сцепились?*

МУЖ *Ведь жить с нею совершенно невозможно. Во-первых, она никудышная хозяйка. Все забывает, ничего не успевает, дома не прибрано, обед не сварен, белье не стирано... Суется без толку и при этом еще изображает себя загнанной лошадью. Во-вторых... Что во-вторых? Ах да – деньги. Вечно ей их недостает. Что мне, воровать их, что ли? <...>*

Интенция примирения с супругой запускает коммуникативный сценарий «Примирение». Муж идет на определенный коммуникативный риск, поскольку до описываемой ситуации они находились в ссоре. Стратегия гармонизации

взаимоотношений, инициируемая мужем, реализуется с помощью речевых тактик прямого (*Мир? Навсегда?*) и риторического вопроса (*Чего мы все делим? Зачем друг друга мучим? Неужели мы не можем жить дружно и весело?*); откровенности (*Так хочется нормальной жизни!*), обещания (*Я готов ради этого на что угодно*). Налаживание кооперации поддерживается женой с помощью тактик выражения удивления (*Ты что это вдруг?*); намека (*Это зависит не только от меня*); риторического вопроса (*Может, действительно попытаться?* и др.); поддержки (*Мир? – Мир. Навсегда? – Навсегда*). Модальность оптимизма формируется словами с положительной оценкой (*дружно, весело, нормальная жизнь*)), экспрессивной синтаксической конструкцией (*Так хочется нормальной жизни!*), речевым тактикой поддержки. Скрепляет примирение невербальная тактика телесного контакта (*обнимает; целует*).

Сценарий примирения неожиданно разрушается неловким движением мужа (*опрокидывает кактус*). Ситуация фрустрации оказывается для жены непреодолимой, о чем свидетельствует авторская ремарка (*расстроенная*) и ее реплика: *Ну вот.... Речевые тактики утешения, рациональной аргументации (Ничего страшного. Купим новый, еще больше этого. Стоит ли огорчаться из-за пустяка? Ведь мы решили начать новую жизнь)* в рамках стратегии сглаживания деликта оказываются неэффективными. «В большинстве случаев язык представляет коммуникантам парадигму средств выражения мыслей и эмоций, но говорящий намеренно или случайно использует в диалоге языковое средство, обладающее отрицательной коннотацией и поэтому выступающее в функции конфликтогенного» [Купина, Шалина 2008: 21]. Такими языковыми средствами являются оценочное существительное слова *пустяк* ('незначительный, нестоящий предмет' [ТСОШ 2011:779]), оценочные прилагательные *бестолковый, уродливый*, служащие признаком невольной провокации.

Вербальный раздражитель, на который болезненно реагирует жена, трансформирует потенциально конфликтную ситуацию в собственно конфликт, а сценарий «Примирение» в сценарий «Разрыв отношений». Иницирует агрессию жена. Стратегия провокации конфликта структурируется тактиками угрозы,

предупреждения (*Пока мои огорчения ты считаешь пустяком, жизни у нас не будет*), негативной генерализации (*Ты просто ненавидишь все, что связано со мной*), намека (*Значит, есть за что (ненавидеть)*). Речевое взаимодействие подтверждает мысль о том, что «в разговорных диалогах с дисгармонизирующей стратегией тактики зеркально взаимообусловлены в значительно большей степени, чем в диалогах с гармонизирующей стратегией речевого поведения» [Борисова 2008: 46]. Ср.: **ЖЕНА** *Ты просто ненавидишь все, что связано со мной* – **МУЖ** *А ты ненавидишь самого меня.*

Представим речевые партии коммуникантов.

Таблица 4.

Речевая партия МУЖА	Речевая партия ЖЕНЫ
Стратегия примирения	Стратегия примирения
Т. прямого вопроса	Т. выражения удивления
Т. риторического вопроса	Т. намека
Т. откровенности	Т. риторического вопроса
Т. обещания	Т. согласия
Т. поддержки	Т. поддержки
Т. телесного контакта	Т. телесного контакта
Коммуникативный результат: временное примирение	
Смена стратегии: стратегия примирения → стратегия сглаживания деликта	Смена стратегии: стратегия примирения → стратегия провокации конфликта
Т. утешения	Т. выражения недовольства
Т. рациональной аргументации	Т. угрозы, предупреждения
Т. провокации	Т. негативной генерализации
Т. напоминания	Т. намека
Коммуникативный результат: разрыв отношений	
Смена стратегии: стратегия сглаживания деликта → стратегия	

отрицательного оценивания	
Т. отрицательной оценки	
Коммуникативный результат: укрепление мнения о необходимости полного разрыва отношений	

Слот «гармонический коммуникативный результат». В психологии выделяется другой тип конфликта – конструктивный, т.е. «позитивно влияющий на структуру, динамику и результативность социально-психологического процесса и служащий источником самосовершенствования и саморазвития личности; конфликт, в котором конструктивные функции преобладают над деструктивными» [Анцупов, Шипилов 2006: 166]. К числу позитивных функций конфликта относятся: «1) диагностическая (выявление противоречий); 2) нормообразующая (указание на границы допустимых вариаций в поведении и уточнение этих границ); 3) креативная (стимулирование развития, изменения отношений, поиск общих и нестандартных решений)» [Щербинина 2012: 94]. Конструктивная линия поведения партнеров общения способствует преодолению разлада, гармонизации их отношений, в целом характеризуется позитивным коммуникативным результатом: достигнута цель общения, сохранен баланс отношений, участники коммуникации сохранили (или приумножили) свои положительные личностные качества, достигли психологического комфорта.

Стоит отметить, что гармонизация конфликтной ситуации предполагает элиминацию или минимизацию проблем, разделяющих речевых партнеров. К числу стратегий, направленных на гармонизацию общения обычно относят такие стратегии, как поиск компромисса, избегание конфликта, примирение, прощение деликта, рационального сдерживания [Борисова 2008: 67]. Для коммуникантов важен и психологический результат – «восстановление и нормализация отношений» [Гришина 2008: 337]. О разрешении конфликта и восстановлении прежнего баланса отношений свидетельствует возвращение к характерной для говорящего речевой манере, отсутствие лексических конфликтогенных средств.

Подчеркнем, что без специальных усилий напряженность разрешается чаще всего в агрессивный речевой акт – прямой или косвенный.

Проанализируем фрагмент диалога из пьесы Я. Пулинович «Земля Эльзы» (выше нами была рассмотрена ссора между матерью Эльзой и дочерью Ольгой).

Коммуникативная предыстория: После бурной ссоры в дом Эльзы приходят ее дочь Ольга и внучка Даша.

ОЛЬГА *Мам?*

ЭЛЬЗА *Да, Оля?*

ОЛЬГА *Сядь, поговорим.*

ЭЛЬЗА *Мне в моем доме приглашения сесть не требуется, доченька.*

ОЛЬГА *Мам, послушай.... Прости меня, что я так себя вела. Это просто как обухом по голове было. Я все понимаю. Да ты сядь....*

ЭЛЬЗА *Я постою.*

ОЛЬГА *Я все понимаю. Ну, всякое в жизни бывает. Ты у меня женщина еще ничего себе. Мам, скажи – ну оно тебе надо? Ну, ходите друг к другу в гости, с правнучкой нянчитесь, а жениться-то зачем?*

ЭЛЬЗА *Мы с Василием Игнатьевичем так решили.*

ОЛЬГА *Я понимаю, решили. Но зачем сразу в ЗАГС? Можно ведь и без ЗАГСА и без свадьбы....*

ЭЛЬЗА *Мы решили, что хотим со свадьбой.*

ОЛЬГА *Папа когда в гробу лежал, я не могла поверить. Я, взрослая баба, не могла поверить, что его больше нет. Что папы моего больше нет. Мы – семья, мамочка, мы – одна семья, нам нужно держаться друг за друга, а не бежать с корабля. <...>. Я думала, что мы все ради одного стараемся, ради Дашки, ради ее детей. А тут – здрасьте-приехали. Папа умер, мама нашла себе нового мужа, они уезжают жить к папуасам, дом продают. Ты мне раньше-то почему не сказала, что так можно жить? Я бы, может, тоже вон Дашку бросила, нашла себе кого и поскакала по Европам. Пауза. Эльза подходит к дочери.*

ЭЛЬЗА *Прости меня, доченька. Прости.*

ОЛЬГА *А что прости?*

Пауза.

ОЛЬГА *Мамочка, не уезжай, пожалуйста, как я тут одна без тебя? Вот мы как с тобой живем хорошо, баньку затопим, чай заварим, скоро малина начнется. Ну а это все пройдет. Придет пора варенья, и все пройдет.*

ЭЛЬЗА *Хорошо, Оля, я не буду продавать дом.*

ОЛЬГА *Не уедешь от меня? И замуж не выйдешь?*

ЭЛЬЗА *(Гладит дочь по мокрым волосам) Замуж выйду, а дом продавать не стану.*

ОЛЬГА *Мама, нет! Это не то! Не то! Мама, ну подумай сама, он чужой нам, и ты с ним станешь чужая. Мама, я же только тем и живу, что ты у меня есть, что ты у меня одинокая и я у тебя одинокая. У Дашки своя семья, у тебя сейчас*

появится своя, а я с кем останусь? Я кому буду нужна? Мамочка, не уходи. Ты же меня всегда, ото всех, всю жизнь.... Как я без твоей защиты?

ЭЛЬЗА *Оля, ну кто говорит, что я тебя бросаю? Ты мне дочь, ты всегда мой ребенок...*

ОЛЬГА *Не бросай меня! Не нужен нам никто! Если ты замуж выйдешь, ты уже другая станешь, другая, совсем другая! Ты уже не моя мама станешь, а чужая женщина. Оставайся моей мамой. Мы с тобой Кравчуки, Кравчуками были, Кравчуками и помрем, не уходи никуда, пожалуйста. Папа меня так любил....*

Пауза.

ЭЛЬЗА *Оля моя...*

ОЛЬГА *Твоя. А чья же еще? Никого у меня, кроме тебя нет.*

ЭЛЬЗА *И ты у меня одна-единственная доченька.*

ОЛЬГА *Одни мы друг у друга. Самые родные, самые-самые!*

Пауза.

ЭЛЬЗА *Ладно. Завтра ему скажу.*

ОЛЬГА (Обнимает и целует мать) *Ну вот, мамочка! Ну вот! Вот же как хорошо!*

Между матерью и дочерью сохраняется ментально-коммуникативное напряжение, вызванное скандалом, устроенным дочерью. Речевая партия Ольги активна: она содержит 14 речевых ходов, включающих разнообразные тактики. Эльза действует в рамках стратегии кооперации, однако, в отличие от Ольги, она сдержанна и немногословна, ее речевая партия включает 12 ходов. Иницируемый дочерью речеповеденческий сценарий «Примирение» реализуется с помощью стратегии признания вины. Далее он трансформируется в сценарий «Поиск компромисса», выстроенный на стратегии уговоров. Сверхзадача Ольги – восстановить пошатнувшийся status quo (*Если ты замуж выйдешь, ты уже другая станешь!..*).

Налаживание кооперации осуществляется с помощью тактики признания вины: *Прости меня, что я так себя вела.* Это дает Ольге шанс уговорить мать не продавать дом и не выходить замуж. Тактика самооправдания (*Это просто как обухом по голове было*) предстает как частичное снятие с себя вины и поддерживается «ссылкой на ненамеренность деликата» [Верещагин, Костомаров 1999: 30]. Тактики оправдания матери (*Я все понимаю; Ну, всякое в жизни бывает*) и комплимента ей (*Ты у меня женщина еще ничего себе*) используются для продвижения идеи компромисса, выгодного Ольге (*Ну, ходите друг к другу в*

гости, с правнучкой нянчитесь, а жениться-то зачем? Но зачем сразу в ЗАГС? Можно ведь и без ЗАГСА и без свадьбы...). Ольга добивается нейтрализации конфликта.

Эльза упрямо отстаивает свое право на любовь посредством тактики констатации принятого решения (*Мы с Василием Игнатьевичем так решили; Мы решили, что хотим со свадьбой*). Чувство проснувшегося достоинства заставляет ее действовать решительно и бескомпромиссно.

Далее Ольга использует стратегию мягкой силы, направленную на осознание матерью вины: она пытается повлиять на мать, манипулируя ее сознанием. В ход идут тактики напоминания об отце (*Папа когда в гробу лежал, я не могла поверить. Я, взрослая баба, не могла поверить, что его больше нет.*); призыва к семейному единению (*Мы – семья, мамочка, мы – одна семья, нам нужно держаться друг за друга, а не бежать с корабля*); откровенности (*Я думала, что мы все ради одного стараемся, ради Дашки, ради ее детей.*); упрека (*Ты мне раньше-то почему не сказала, что так можно жить? Я бы, может, тоже вон Дашку бросила, нашла себе кого и поскакала по Европам*). Манипулятивные тактики достигают коммуникативного эффекта: сначала мать просит прощение (*Прости меня, доченька. Прости*), а потом обещает не продавать дом (*Замуж выйду, а дом продавать не стану*). Это первый шаг победы Ольги.

Далее Ольга попеременно проигрывает роли то Ребенка, то Взрослого с помощью тактик просьбы (*Мамочка, не уезжай, пожалуйста, как я тут одна без тебя?; Не уходи от меня*); экспликации жалости (*У Дашки своя семья, у тебя сейчас появится своя, а я с кем останусь? Я кому буду нужна? Как я без твоей защиты?*); мы-тактики (*Вот мы как с тобой живем хорошо, баньку затопим, чай заварим, скоро малина начнется; Не нужен нам никто! Мы с тобой Кравчуки, Кравчуками были, Кравчуками и помрем*).

Эгоистическое чувство собственности, объектом которой выступают мать (*Мама, я же только тем и живу, что ты у меня есть*) и дом, толкают дочь на манипулятивное поведение. В ход идет тактика апелляции к статусу матери и ее

жениха. Оппозиция *свой (наш) ↔ чужой (другой)* эксплицирует потаенные страхи Ольги: *Мама, ну подумай сама, он чужой нам, и ты с ним станешь чужая; Если ты замуж выйдешь, ты уже другая станешь, другая, совсем другая! Ты уже не моя мама станешь, а чужая женщина.*

Ольге удастся добиться своей цели. Комплекс вины, внушенный дочерью, заставляет Эльзу смириться: *Хорошо, Оля, я не буду продавать дом; Ладно. Завтра ему скажу.* Тактика единения с дочерью (*Ты мне дочь, ты всегда мой ребенок....; И ты у меня одна-единственная доченька*) демонстрирует решение матери отказаться от личного счастья.

Исход коммуникации кажется благоприятным: он выражается невербальной тактикой телесного контакта (*Ольга обнимает и целует мать*), символизирующей примирение матери и дочери, и тактикой выражения положительной оценки коммуникативного результата: *Ну вот! Вот же как хорошо!* Вместе с тем психологическое состояние Эльзы даже после примирения с дочерью остается тяжелым: она теряет надежду на личное счастье.

Представим речевые партии коммуникантов.

Таблица 5.

Речевая партия Ольги	Речевая партия Эльзы
Стратегия признания вины	Стратегия кооперации
Т. признания вины	Т. констатации принятого решения
Т. самооправдания,	
Т. оправдания матери, комплимента	
Смена стратегии: стратегия признания вины → стратегия манипуляции с помощью уговоров	Стратегия кооперации
Т. напоминания	Т. просьбы о прощении
Т. призыва к семейному единению	
Т. откровенности	
Т. упрека	

Т. просьбы	
Т. эскалации жалости	
Т. мы-тактика	
Т. апелляции к статусу матери и ее жениха	Т. обещания
	Т. единения с дочерью
Т. телесного контакта	Т. телесного контакта
Т. выражения положительной оценки коммуникативного результата	
Коммуникативный результат: примирение	
Психологический результат: состояние утраты счастья	

Терминал **РЕЗУЛЬТАТ** заполняется слотами «**Гармонический коммуникативный результат**» и «**Дисгармонический коммуникативный результат**». Первый слот иллюстрирует речеповеденческие сценарии «Примирение», «Признание деликта», второй слот – речеповеденческий сценарий «Разрыв отношений» (временный или окончательный) и др. Предсказуемость коммуникативного исхода определяется механизмом умножения агрессивных речевых действий коммуникантов, прогнозируемостью реакций коммуникативной личности как психотипа (эгоцентрик, конфликтный агрессор, манипулятор), количеством накопленной «конфликтной массы», глубиной и яркостью проявления отрицательных эмоций. Психологический результат определяется достижением баланса отношений, существовавших до ссоры.

2.2.6. Терминал ОЦЕНКА

Известно, что «высказаться нейтрально – невозможно» [Блакар 1987: 90]. В непринужденном диалогическом взаимодействии огромное место занимает обмен мнениями, суждениями относительно внешнего мира. В результате таких

разговоров происходит формирование оценок, трансформация, подтверждение убеждений, взглядов, представлений, ценностных установок, складывается образ мира и параллельно закрепляются различные способы поведения во внешнем мире, «поведенческие реакции» [См.: Карасик 1996], формируется социальный и индивидуальный стили поведения. И живые разговоры, и фольклорные тексты выявляют ориентации носителей культуры по отношению к различным ценностям и антиценностям, дают представления о нормах. Невозможно понять эти тексты вне системы ценностных координат. «Аксиологические категории становятся основой для формирования социальных норм, принятых в том или ином национально-культурном сообществе» [Кошкарлова 2015: 14].

Система ценностей объективируется в актах оценки человеком действительности. Оценка, будучи формой существования ценностей, выявляет ценностные смыслы [См. труды М. В. Ляпон 1971; Н. А. Лукьяновой 1976; Е. Ф. Петрищевой 1984; Е. М. Вольф 1985; Н. Д. Арутюновой 1988; А. А. Ивина 1988; А. Н. Шрамма 1992; Т. В. Маркеловой 1993; Г.Ф. Гибатовой 1996; В. Н. Телия 1996; Н. Ф. Алефиренко 2010 и др.]. Оценка трактуется как квалификация, как суждение познающего субъекта о предмете, опирающееся на сравнение данного предмета с избранным эталоном. В более узком смысле оценка связывается с установлением ценностного отношения между субъектом и объектом, определяется как положительная или отрицательная характеристика предмета, обусловленная признанием или непризнанием его ценности с точки зрения соответствия или несоответствия его качеств каким-либо ценностным критериям. Оценочное суждение есть свернутое суждение о ценности объекта в каком-либо отношении [См.: Арутюнова 1988; Е.М. Вольф 1985 и др.].

Под ценностями понимаются объекты и явления, выступающие как значимые, «социально желанные» [Kluckhohn 1962: 289] в жизни общества, больших и малых социальных коллективов, отдельных людей и рассматривающиеся «в их целевой предназначенности, в их функции управления выбором или оценкой поведения» [Schwartz 1992: 4]. Ценности отвечают определенным потребностям, интересам, намерениям, планам человека. В векторе

потребностей (витальных, социальных, нравственно-эстетических, духовно-созидательных и др.) ценности рассматриваются в аспекте способности человека осознавать необходимость и целесообразность чего-либо, а также способов достижения данного необходимого и желаемого, определяющего интересы, установки и средства их достижения. В ценности соединяются три смысловых составляющих, подчеркивающих ее объектно-субъектную природу: вещи (феномены), выступающие «как объект ценностного отношения»; человек, являющийся «субъектом этого отношения»; «отношения между людьми, их общение, благодаря которому ценности обретают общую значимость» [Лингвистика и аксиология...2011: 28].

Субъект оценки представляет собой лицо или социум, которые оценивают (в первой главе, как мы уже отмечали, субъектом оценки становится деревенский социум). В роли объекта выступают лицо, предмет, событие, которые оцениваются [См.: Вольф 1985].

Когнитивной структурой для хранения оценок является установка. Ценностные установки говорящих могут быть эксплицированными, или представлены косвенными сигналами и реконструированы.

Нам встретились лишь единичные примеры, в которых коммуниканты прямо или косвенно высказываются о ссоре. Будучи непосредственными участниками ссоры, они, очевидно, предпочитают действовать, добиваясь перлокутивного эффекта, а не рефлексировать по поводу ситуации. Тем не менее, приведем примеры диалогического взаимодействия родственников, прямо или косвенно оценивающих семейную ссору.

Дочь Ольга и мать Эльза разговаривают в доме Эльзы через неделю после похорон мужа и отца (общение происходит за несколько дней до крупной ссоры – см. выше).

ОЛЬГА (Смочит на стол) *Мам.... А где папин портрет?*

ЭЛЬЗА *Да я убрала в шкаф подальше....*

ОЛЬГА *Это, значит, ты уже через неделю папу в шкаф жить отправила? Как будто и не было его? Как будто не он этот дом построил? Где он?*

Ольга открывает шкаф, роется в нем.

ЭЛЬЗА *Не устраивай мне бардака, Оля. На средней полке, под полотенцами.*
Ольга вытаскивает фотографию отца.

ОЛЬГА *Вот он, мой папочка.... (Целует фотографию) Я его к себе жить заберу, раз тебе он не нужен. Пойдешь ко мне жить, папа?*

ЭЛЬЗА (не своим писклявым голосом) *Пойду.*

ОЛЬГА (Оборачивается) *Мам, ты совсем из ума выжила?*

ЭЛЬЗА *Ну а что ты тут устраиваешь?*

ОЛЬГА *Я устраиваю? Это, значит, я устраиваю? Все, мам, не хочу с тобой ссориться. Ты просто сама не понимаешь, как это сейчас выглядит со стороны!*

Ольга достает из шкафа полотенце, заворачивает портрет отца в него и уходит.

Ситуация с поиском Ольгой спрятанного матерью портрета отца становится сигналом коммуникативного напряжения между матерью и дочерью (впоследствии сформируется коммуникативный очаг напряжения). Речевые партнеры балансируют на грани ссоры, формируется «ситуация риска». Ольга фреймирует эту ситуацию как возможное начало ссоры и выражает свое отрицательное отношение к ней с помощью модального суждения со значением нежелательности, выраженного глаголом *хотеть* с отрицательной частицей *не*: *не хочу с тобой ссориться*, т.е. ‘не хочу вступать в противостояние, враждовать, испытывать отрицательные эмоции’. Усилием воли она заставляет себя и мать прекратить ссору: *Все, мам...* Имплицитная отрицательная оценка ситуации выявляется из синтагматически связанного с предыдущим последующего высказывания: *Ты просто сама не понимаешь, как это сейчас выглядит со стороны!* Интерпретация ситуативного контекста позволяет предположить, что Ольгой отрицательно оценивается эстетическое поведение ссорящихся: некрасиво передразнивание матерью дочери, некрасивы поиски в шкафу портрета отца и т.д. Эстетическая оценка “перетекает” в этическую: стыдно взрослым людям вести себя как дети. В вербализованной установке *не хочу ссориться* содержатся «правила поведения, которыми руководствуются участники диалогического взаимодействия, а также <... > то, что является для них ценностью или антиценностью» [Шалина, Пикулева 2016: 123]. В данном примере коммуникант предпочитает ссоре мир и спокойствие.

Приведем фрагмент диалогического взаимодействия матери и дочери из пьесы Л. Ансельм «Мать и дочь»:

ДОЧЬ *Я давно хотела тебя спросить... Это ведь ты первая захотела развестись с моим отцом? Почему?*

МАТЬ *Твой отец обманывал меня... Много пил... Приходил поздно... Иногда совсем не приходил домой... Я так с ним измучилась, устала его ждать, нервничать... Мы часто ссорились...*

В реплике матери вербализуется психологическое состояние женщины, измученной поведением мужа, которое оценивается в аспекте нормативной оценки: контекстные сочетания с глаголами *обманывать, пить, не приходит домой, приходит поздно* указывают на антинормы семейной жизни. Жить, как жили супруги, – значит жить плохо. Закономерно, что отклонения от норм семейной жизни приводят женщину к фрустрации (*Я так с ним измучилась, устала его ждать, нервничать...*) и заканчиваются ссорами: *Мы часто ссорились*. Таким образом, ссоры наносят психологический ущерб близким людям, поэтому женщина предпочитает сохранить душевное спокойствие и телесное здоровье.

Взгляд со стороны фиксирует неблагополучие семейной коммуникации. Так, в следующем диалогическом фрагменте из пьесы А. Богачевой «Китайская бабушка» приехавшая в дом родственница Мила и соседка Аннушка отрицательно оценивают речевое поведение Паши, который постоянно ссорился со своей женой и довел ее до смерти.

МИЛА *Знала бы, как ты издеваешься над ней, так я бы раньше приехала. Тебе, похоже, удовольствие доставляло жизнь ей отравлять. Так ей осточертело с тобой, что она уже и жить не хотела, все о смерти думала.*

Стук в дверь, Павел Иванович открывает, входит Аннушка.

ПАША *Да, да, да, да, надо же свалить на кого-то. Вот Аннушка пришла, она, скажи, еще виновата.*

МИЛА *Я одна в этом доме ее понимала, как сестра, как родной человек. Все соки вы из нее высосали, выжали, как лимон.*

ПАША *Не выводите меня лучше!*

АННУШКА *Лааетесь, как дети малые. Довели, угробили, чего теперь делить... Чего надо вам? Квартира есть, дача есть. Мне бы ваши заботы: дачу бы, да телевизор чтоб было с кем поглядеть, не одной чтоб. Был бы хоть муж жив, хоть сестра, или хоть бы Сашка из тюрьмы вышел. А вас вона сколько, радуйтесь, радуйтесь, чего не жить-то.*

Постоянные ссоры между мужем и женой приводят к деформации семейной жизни и психическому истощению жены: *Все соки вы из нее высосали, выжали, как лимон.* Фразеологизмы *высосать сок, выжать как лимон* указывают на состояние объекта воздействия: жена доведена до предела, крайнего состояния ссорами, которые устраивает муж (*жить не хотела, все о смерти думала*). Павел является тираном, действует как «конфликтный агрессор», что следует из контекста: *Тебе, похоже, удовольствие доставляло жизнь ей отравлять.* *Отравлять* (жизнь) – перен., т.е. ‘лишать радости, делать жизнь неприятной, невыносимой’ [ТСОШ 2011: 595]. Оценка может «содержаться в <...> пропозициональных структурах глаголов. Высказывания воспринимаются как оценочные и при отсутствии оценочных слов, если описывается ситуация, имеющая соответствующий смысл в «картине мира»» [Вежбицкая 1999: 5–6]. Глаголы воздействия на объекта, употребленные в переносном значении иллюстрируют тот ущерб, который несет ссора.

Ссора противопоставляется состоянию не-ссоры, т.е. мира и покоя, доставляющих радость. Ценностная установка на оптимистическое, радостное мироощущение передается с помощью повелительной формы глагола *радоваться*: *радуйтесь, радуйтесь, чего не жить-то!*

Нам не встретились контексты, в которых ссора характеризуется как явление положительное или неизбежное. Очевидно, положительное или нейтральное отношение к какому-либо объекту выступает на аксиологической шкале как норма, поэтому интерес вызывает скорее отклонение от нормы, чем соответствие ей.

Выводы по второй главе

1. Терминалы событийного фрейма МЕСТО, ВРЕМЯ и УЧАСТНИКИ, рассматриваемые в динамической проекции, “запускают” возникновение и

развитие ситуации семейной ссоры.

2. Интерпретация терминала МЕСТО фиксирует важную роль семейного пространства и заполняющих его предметов, которые выполняют либо функцию обстановочного контекста, локализирующего ссору, либо символическую функцию – выступают знаками разобщения членов «своего круга». Психологическое пространство выступает как индикатор отчуждения речевых партнеров. Речевой материал также показывает, что коммуникативное табу на семейные ссоры в публичном внесемейном пространстве (*Дома поговорим*), действующее в традиционной культуре, преимущественно по отношению к современной русской лингвокультуре.
3. Важную роль в развитии семейной ссоры играет категория времени и его протяженности. Физическое время обычно выступает “ограниителем” события, неосознаваемым / не актуальным для коммуникантов. Психологическое время, актуализирующее механизмы долговременной памяти, может выполнять меморатную функцию, актуализируя “незалеченные” противоречия.
4. Причины застарелой ссоры имеют ментально-ценностный характер. В основе такой ссоры лежит не доведенное до естественного гармонического разрешения противостояние членов семейного круга. Она, как застарелая заноза, саднит, заставляя разгораться «тлеющий» очаг коммуникативного напряжения. Стратегия демонстрации непрощенной обиды структурируется тактиками упрека, попрека, осуждения, передразнивания / припоминания слов оппонента, выговаривания и др. Застарелая ссора подтачивает механизмы семейной коммуникации.
5. Терминал УЧАСТНИКИ выявляет субъектную и виды организацию семейных ссор. Функционально-ролевые характеристики членов «своего круга» обнажают коммуникативно-ценностные основы семейных ролевых конфликтов. Межпоколенная ссора (между родителями и детьми) демонстрирует ментально-ценностные разрывы сознания, находящие корреляты в речевом поведении родственников.

6. Динамика семейной ссоры воплощается в существовании ее этапов. Выделение предконфликтного и собственно конфликтного этапов позволяет проследить механизмы развертывания речеповеденческих сценариев эскалации конфликта, поиска компромисса, разрыва отношений. Каждый этап характеризуется набором наиболее типичных стратегий и тактик. Предконфликтная ситуация приводится в действие как с помощью осознанных, так и с помощью неосознанных стратегий и тактик. Типичными иницирующими ссору тактиками становятся: упрек / попрек ($\approx 15\%$ от общего количества выявленных тактик); оскорбление ($\approx 13\%$); издевка ($\approx 11\%$); сорванное раздражение ($\approx 10\%$); обвинение ($\approx 10\%$); угроза ($\approx 5\%$). Агрессия “умножается” за счет столкновения речевых тактик, например: упрек \leftrightarrow оскорбление; отсыл \leftrightarrow угроза; обвинение \leftrightarrow глумление. Асимметрия ролевых позиций ведет к взаимодействию агрессивной и псевдоагрессивной тактик, например: оскорбление \leftrightarrow запрет на оскорбление; попрек \leftrightarrow откровенность; осуждение \leftrightarrow опровержение. Это провоцирует развитие речеповеденческого сценария «Эскалация конфликта».
7. Речевой материал подтверждает тезис о том, что причины семейной ссоры нередко кроются в глубинах подсознания ее участников и не всегда эксплицируются. Внешним поводом к ссоре может стать любой факт жизни (деньги, грязная посуда, случайно сказанное слово), который становится своеобразным триггером, “спусковым крючком”, иницирующим ссору. Причина может иметь ментально-ценностные основания: желание первенствовать, показать, “кто в доме хозяин”, стремление унижить, отомстить и др. В таком случае каузальные маркеры предстают в диалогах точно или имплицитно.
8. Закономерным завершением ссоры является достижение определенного коммуникативного и психологического результата – временного или окончательного. Терминал РЕЗУЛЬТАТ заполняется слотами «Гармонический коммуникативный результат» и «Дисгармонический

коммуникативный результат». Механизмы развития ссоры определяют тот или иной вид результата. Факторами, влияющими на результат, становятся степень агрессивности речевых действий и противостояние им, психотип личности, выбор и реализация тактико-стратегической линии поведения коммуниканта.

9. В живом диалогическом взаимодействии оценке подвергается речевой партнер, его поведение, сама ситуация в целом. Отношение к семейным ссорам отрицательное. Прямая или косвенная оценка, высказывания с модальностью необходимости, желательности, долженствования эксплицируют ценности и антиценности семейного бытия. Мир, уважение, коммуникативный лад и гармония остаются ценностными константами не только на уровне рефлексивного сознания – они имеют поведенческие корреляты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Речевая конфликтология – одно из перспективных научных направлений современной русистики. Семейная ссора как разновидность речевого конфликта представляет собой серьезную размолвку между членами «своего круга», проявляющуюся в открытом выражении обид, недовольства друг другом и иной ценностно значимой для коммуникантов вербальной и невербальной информацией и обычно заканчивающуюся резким охлаждением, временным прекращением отношений, состоянием разлада. Феномен семейной ссоры как яркой приметы семейной коммуникации рассмотрен нами на материале паремий 19 в., а также на материале живых и репродуцированных драматургами текстов-разговоров современных русских людей. Мы предполагали, что разный временной срез конфликтного общения позволит выявить, изменились или сохранились тактико-стратегические линии поведения речевых партнеров в ситуации ссоры. Интерес к любым формам деструктивного семейного речевого взаимодействия как неизбежному явлению семейной жизни, а также как следствию кризиса семейных ценностей в наше время позволяет говорить об актуальности предпринятого исследования.

В поисках модели описания семейной ссоры как лингвокультурного феномена мы обратились к осмыслению трудов по лингвокогнитивистике, коммуникативной прагматике, лингвокультурологии, этнографии речи, лингвоаксиологии. Это позволило предпринять комплексный, многоаспектный анализ семейной ссоры.

На I-м этапе исследования мы обратились к ссоре как коммуникативному событию. Предметом анализа стали структура и содержательное наполнение событийного фрейма «семейная ссора». Общие фоновые знания об основных элементах и параметрах коммуникативного события в целом, анализ дефиниций слов *ссора* и *ссориться*, данные ассоциативных реакций на событийное слово *ссора*, научные идеи когнитивистов позволили уточнить общую структуру

события. Фреймовый подход обеспечил выявление устойчивых структурированных данных: терминалов *Участники* ссоры; *Место*; *Время и протяженность*; *Речевые и (неречевые) агрессивные действия и противодействие*; *Результат*; *Оценка*. В структуру фрейма вошли только безусловно фиксированные терминалы.

Заполнение слотов событийного фрейма по данным паремий позволило специфицировать фреймовый инвариант: были выявлены типичные локусы и возможная временная протяженность ссоры; типологизированы виды семейных ссор; описан репертуар речевых и неречевых агрессивных действий ее участников, в том числе и в аспекте их гендерной специфики; установлена оценочная шкала (в традиционной культуре ссора оценивается положительно / нейтрально / отрицательно).

Лингвоаксиологическая интерпретация ссоры позволила эксплицировать идеальную сторону семейной жизни «методом от противного»: жить без ссор — значит строить семейную жизнь в опоре на этические и культурные ценности — уважение, забота, любовь, терпение, опора на культурную традицию. Мир и коммуникативный лад русский человек кладет в основание идеального семейного нравственно-бытового комплекса, построенного на христианском подходе к жизни.

На II-м этапе исследования статическая структура событийного фрейма получила динамическую развертку. Было выявлено, что терминалы событийного фрейма *Место*, *Время* и *Участники* “запускают” возникновение и развитие ссоры. Самыми «проработанными» оказались терминалы *Речевые и (неречевые) агрессивные действия и противодействия*; *Результат*. Выделение предконфликтного и собственно конфликтного этапов ссоры позволило проследить развертывание речеповеденческих сценариев эскалации конфликта, поиска компромисса, разрыва отношений. Каждый этап характеризуется набором наиболее типичных речевых стратегий и тактик. Выбор речевой тактики обуславливается национально-культурными, ситуативно-ролевыми, индивидуально-психологическими аспектами коммуникативного поведения

участников ссоры. Было выделено 11 речевых стратегий и 83 речевые тактики, 50 из которых служат формированию дисгармонического результата. Факторами, предопределяющими дисгармонический / гармонический коммуникативный результат, могут стать степень агрессивности речевых действий одного коммуниканта и противодействие им другого, психотип личности, намеренный выбор определенной тактико-стратегической линии поведения. Мы не ставили своей целью выявить исчерпывающий перечень стратегий и тактик – важнее было показать закономерности речевых поступков носителей русской лингвокультуры в ситуации семейной ссоры.

Речедеятельностный анализ конфликтных текстов-разговоров в целом продемонстрировал национально-культурную преемственность установок и общее в речевых поступках участников семейной ссоры, устойчивость механизмов ее протекания. Вместе с тем межпоколенная ссора (взаимодействие между родителями и детьми) объективировала ментально-ценностные разрывы сознания, проявляющиеся в речевом поведении родственников, что свидетельствует об ослаблении духовно-душевных связей между членами семьи, исчезновении ценности послушания, актуализации права права детей на свободу, самомнение, самоопределение.

В целом отношение к семейным ссорам в русской лингвокультуре отрицательное. Реализация сценария примирения показывает, что мир, уважение, коммуникативный лад, гармония остаются ценностными константами не только на уровне рефлексивного сознания – но получают поведенческие корреляты.

На основе проведенного исследования могут быть разработаны рекомендации в области оптимизации коммуникативно-речевого взаимодействия вообще и семейного взаимодействия в частности. Паремии о ссорах актуализируют в культурной памяти современников знание о моделях конфликтного речевого поведения, предписаниях и запретах. Это знание может быть использовано в современной коммуникации.

Последние годы развивается такая область научного знания, как коммуникативная рискология. Предконфликтная ситуация представляет собой, по

сути, ситуацию риска, характеризующуюся вероятностным достижением как позитивного, так и негативного результата. Гибкое владение репертуаром тактик гармонизации диалогического взаимодействия, реализация речеповеденческих сценариев предотвращения ссоры позволяет избежать коммуникативные неудачи.

Семейная аксиосфера нуждается в дальнейшем описании. В частности, требует разработки выявления ментально-ценностного противостояния родителей и детей. Описание конфликтного семейного межпоколенного взаимодействия позволит углубить представления русистов о зоне допустимого / недопустимого, приемлемого / неприемлемого в современном общении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНИКОВ

1. АГ-80 Т. 1 – Русская грамматика Том I Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – Москва : Наука, 1980. – 792 с.
2. АГ-80 Т. 2 – Русская грамматика Том II Синтаксис / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – Москва : Наука, 1980. – 709 с.
3. Анцупов А. Я. Словарь конфликтолога / А. Я. Анцупов, А. И. Шипилов. – Санкт-Петербург : Питер, 2006. – 528 с.
4. АРСЛС – Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, М. Н. Михайлов, П. Б. Паршин, О. И. Романова. – Москва : Помовский и партнеры. – Т. 1, 1996. – 641 с.
5. БТСРС – Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. – 2-е изд., стер. – Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА., 2005. – 864 с.
6. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург : Норинт, 2000. – 1536 с.
7. Даль В. Пословицы русского языка : Т. I / В. Даль. – Москва; Санкт-Петербург, 1897. – 685 с.
8. Даль В. Пословицы русского языка : Т. II / В. Даль. – Москва; Санкт-Петербург, 1897. – 638 с.
9. Елистратов В. С. Словарь русского арго : Мат-лы 1980–1990 гг. : Около 9000 слов, 3000 идиоматических выражений / В. С. Елистратов. – Москва : Русские словари, 2000. – 694 с.
10. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – Москва : Рус. яз., 2000. – 544 с.
11. Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений: более 22000 пословиц поговорок,

- молвушек, присловий, приговоров, загадок, примет, дразнилок, считалок / В. И. Зимин. – Москва : АСТ-ПРЕСС, 2012. – 736 с.
12. Кравченко А. В. Что такое коммуникация? (очерк биокогнитивной философии языка) / А. В. Кравченко // Прямая и непрямая коммуникация: сб. науч. ст. – Саратов : Колледж. – 2003. – С. 27–39.
13. КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – Москва : Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова. – 1997. – 245 с.
14. СЭ – Словарь эпитетов [Электронный ресурс] / Режим доступа : <https://epithets.academic.ru> (дата обращения : 20. 02. 2017).
15. МАС – Малый академический словарь в 4 томах. Т. I / АН СССР, Ин-т рус яз. под. ред. А. П. Евгеньевой. – Москва, 1999. – 736 с.
16. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – Москва : ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 784 с.
17. Новиков Вл. Новый словарь модных слов / Вл. Новиков. – Москва : АСТ : Зебра Е, 2008. – 192 с.
18. НОССРЯ – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под об. рук. академика Ю. Д. Апресяна. – Москва: Шк. «Языки славянской культуры», 2003. – 1298 с.
19. НСС – Тихонов А. Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным / А. Н. Тихонов. – Москва : АСТ, 2014. – 639 с.
20. ПОЭС – Психология общения. Энциклопедический словарь / под общ. ред. А. А. Бодалева. – Москва, 2011. – 962 с.
21. РАС – Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. II. От реакции к стимулу : Более 100 000 реакций / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – Москва : Астрель, 2002. – 992 с.
22. РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. Том III / РАН Ин-т рус. яз.; под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. – Москва : Азбуковник, 1998. – 630 с.

23. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор / под ред. В. П. Аникина. – Учпедгиз, 1957. – 240 с.
24. Русский мат : Толковый словарь / сост. Т. В. Ахметова. – Москва : Колокол-пресс, 2000. – 521с.
25. СД – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Том второй И – О / В. Даль. – М., 1881. – 807 с.
26. СД – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Том первый А – З / В. Даль. – М., 1880. – 723 с.
27. СД – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Том четвертый Р – V / В. Даль. – М., 1882. – 710 с.
28. СДЭС – Славянские древности : этнолингвистический словарь в 5-ти томах / под общ. ред. Н. И. Толстого. – Т. 4 : П (Переправа через воду) – С (Сито). – Москва : Междунар. отношения, 2009. – 656 с.
29. СДЭС – Славянские древности : этнолингвистический словарь в 5-ти томах / под общ. ред. Н. И. Толстого. – Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица). – Москва : Междунар. отношения, 2012. – 736 с.
30. СМС – Словарь молодежного сленга [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://teenslang.su/content/Биоmysop> (дата обращения: 12. 04. 2017).
31. СОШ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 8000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова, Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградов. – 4-е изд., доп. – Москва : А ТЕМП, 2013. – 874 с.
32. СРМ – Колесов В. В. и др. Словарь русской ментальности. В 2 т. Т. 2. П–Я / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. – Санкт-Петербург: Златоуст, 2014. – 592 с.
33. СРЯ – Словарь русского языка : В 4-х т. Т. 4. С – Я / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Рус. яз., 1984. – 794 с.
34. ССРЯ – Словарь синонимов русского языка: в двух томах. Том II / гл. ред. А. П. Евгеньева. – Ленинград : НАУКА, 1970. – 702 с.

35. СУ – Толковый словарь русского языка. Том IV / под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва : АСТ, 2000. – 752 с.
36. СЯРЖ – Григорьева С. А. и др. Словарь языка русских жестов / С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин. – Москва-Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах, 2001. – 256 с.
37. ТСОШ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Ин-т рус. яз. им В. В. Виноградов; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – Москва, 2011. – 1175 с.
38. ТСРГ – Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. – Москва : АСТ-ПРЕСС, 1999. – 704 с.
39. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц / А. И. Федоров. – Москва : Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.
40. Фелицына В. П. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь / под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова. – Москва: Рус. яз., 1979. – 238 с.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. ЖРУГ – Живая речь уральского города : устные диалоги и эпистолярные образцы: хрестоматия / сост. И. В. Шалина. – Екатеринбург, Урал. ун-т, 2011. – 360 с.
2. Ансельм Л. «Мать и дочь» [Электронный ресурс] / Л. Ансельм. – 2010. – Режим доступа: http://lit.lib.ru/a/anselxm_1_n/text_0210-1.shtml (дата обращения: 21. 07. 2017).
3. Богачева А. «Китайская бабушка» [Электронный ресурс] / А. Богачева. – 2002. – Режим доступа: <http://sufler.su/katalog/b/богачева-анна/богачева-а-китайская-бабушка/> (дата

- обращения: 22. 07. 2017).
4. Богачёва А., Яблонская А. «Я много ем, или “манящая сладость любви”» [Электронный ресурс] / А. Богачева, А. Яблонская. – 2006. – Режим доступа: <http://studydoc.ru/doc/3973365/ya-mnogo-em--ili-manyashhaya-sladost.-lyubvi> (дата обращения: 20. 07. 2017).
 5. Васьковская И. «Март» [Электронный ресурс] / И. Васьковская. – 2013. – Режим доступа: <https://studfiles.net/preview/3206172/> (дата обращения: 22. 07. 2017).
 6. Васьковская И. «Русская смерть» [Электронный ресурс] / И. Васьковская. – 2013. – Режим доступа: http://www.theatre-library.ru/authors/v/vaskovskaya_irina (дата обращения: 22. 07. 2017).
 7. Васьковская И. «Уроки сердца» [Электронный ресурс] / И. Васьковская. – 2011. – Режим доступа: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKEwj4f2B0fbZAhWhw6YKHb_MA24QFggoMAA&url=http%3A%2F%2Fwww.theatre-library.ru%2Ffiles%2Fv%2Fvaskovskaya_irina%2Fvaskovskaya_irina_1.doc&usg=AOvVaw0W-XN9qRdtsl7LGcP1kvoA (дата обращения: 21. 07. 2017).
 8. Красногоров В. «Сегодня или никогда» [Электронный ресурс] / В. Красногоров. – 2017. – Режим доступа: http://lit.lib.ru/k/krasnogorow_w_s/segodnya_ili_nikogdadoc.shtml (25. 07. 2017).
 9. Пулинович Я. «Земля Эльзы» [Электронный ресурс] / Я. Пулинович. – 2015. – Режим доступа: <http://kinoart.ru/archive/2016/05/zemlya-elzy-pesa-v-dvukh-dejstviyakh> (дата обращения: 12. 02. 2017).
 10. Синило И. «Дима любит таблеточки» [Электронный ресурс] / И. Синило. – 2016. – Режим доступа:

http://samlib.ru/s/sinilo_i_a/dima_lyubit_tabletochki.shtml (дата обращения: 12. 02. 2017).

11. Тупикина Ю. «Ба» [Электронный ресурс] / Ю. Тупикина. – 2016. – Режим доступа:

http://www.theatre-library.ru/files/t/tupikina_yuliya/tupikina_yuliya_7.doc (дата обращения: 12. 02. 2017).

12. Яблонская А. «Свидетель» [Электронный ресурс] / А. Яблонская. – 2008. – Режим доступа: <http://sufler.su/katalog/ya/яблонская-а/яблонская-а-свидетель/> (дата обращения: 20. 07. 2017).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абакумова О. Б. Пословичные концепты в паремическом дискурсе: дис. ... д-ра филол. наук / О. Б. Абакумова ; Орлов. гос. ун-т. – Орел, 2013. – 375 с.
2. Абдуллина Л. Р. Концептуальный подход к семантике языковых единиц в дискурсе / Л.Р. Абдуллина // Язык. Текст. Дискурс. – Ставрополь : СГПИ. – 2010. – Вып. 8. – С. 68-72.
3. Агапкина Т. А. Символика освоенного пространства: угол / Т. А. Агапкина // Пространство и время в языке и культуре. – Москва : Индрик. – 2011. – С. 13–53.
4. Александров А. А. Конфликт как социальное явление / А. А. Александров // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2009. – Вып. 113. – С. 246–250.
5. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Флинта : Наука, 2010. – 224 с.
6. Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке / Н. Ф. Алефиренко. – Москва : Флинта : Наука, 2005. – 412 с.
7. Алефиренко Н. Ф. Фразеология и паремиология : учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко. – Москва : Флинта : Наука, 2009. – 344 с.

8. Андреева Т. В. Психология современной семьи : моногр. / Т. В. Андреева. – Санкт-Петербург : Речь, 2005. – 436 с.
9. Ани Рахмат Концепт семья в русской паремике : лингвокультурологический аспект : дис. ... канд. филол. наук / Ани Рахмат ; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2013. – 231 с.
10. Анисимова А. Т. Лингвистические проекции конфликта (дескриптивный аспект): дис. ... канд. филол. наук / А. Т. Анисимова ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2004. – 212 с.
11. Анохина В. С. Коммуникативный и адаптационный аспекты речевого общения в семье как в малой социальной группе: дис. ... канд. филол. наук / В. С. Анохина ; Ставроп. гос. ун-т. – Таганрог, 2009. – 346 с.
12. Анохина В. С. Речевой конфликт как фрейм (на примере жанра семейных ссоры) / В. С. Анохина // Речь. Речевая деятельность. Текст: мат-лы Всерос. межвуз. науч. конф., посвященной памяти профессора Г. Г. Инфантовой. – Таганрог, 2012. – С. 33–38.
13. Апресян В. Ю. Имплицитная агрессия в языке / В. Ю. Апресян // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Тр. Междунар. конф. «Диалог 2003». – Москва : Наука, 2003. – С. 32–35.
14. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян // Семиотика и информатика. сб. науч. ст. – Москва, 1997. – Вып. 35. – С. 272–298.
15. Апресян Ю. Д. Значение и оттенок значения / Ю. Д. Апресян // Изв. АН СССР. Отделение литературы и языка. – 1974. – Т. 32. – №. 4. – С. 320–330.
16. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике: учебное пособие / И. В. Арнольд. – Москва: Высш. шк., 1991. – 140 с.
17. Арутюнова Н. Д. Время: модели и метафоры / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Язык и время. – Москва, 1978. – С. 51–61.
18. Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции / Н. Д. Арутюнова // Новое в зарубежной лингвистике. – 1982. – Вып. 13. – С. 5–40.

19. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1988. – 341 с.
20. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
21. Архипова Е. С. Речевое событие / Е. С. Архипова // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. – С. 539.
22. Бабичева А. С. Фрейм «свадьба в английской и русской лингвокультурах»: дис. ... канд. филол. наук / А. С. Бабичева ; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2007. – 190 с.
23. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж : Ворон. гос. ун-т, 1996. – 104 с.
24. Байкулова А. Н. Устное неофициальное общение и его разновидности: дис. ... д-ра. филол. наук / А. Н. Байкулова ; Сарат. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2015. – 590 с.
25. Байкулова А. Н. Факторы дисгармонии в общении некровных родственников, свекрови и невестки : пути урегулирования конфликтного взаимодействия / А. Н. Байкулова // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. – Саратов : Сарат. ун-т, 2014. – С. 39–53.
26. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. – Москва : Эдиториял УРСС, 2001. – 347 с.
27. Баранов А. Н. Концептуальная модель значения идиомы / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Когнитивные аспекты лексики: сб. науч. тр. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 1991. – С. 3–15.
28. Баранов А. Н. Постулаты когнитивной семантики / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. – 1997. – Т. 56. – №1. – С. 11–21.
29. Баранов А. Н. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога / А. Н. Баранов, Г. Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. – 1992. – № 2. – С. 84–99.

30. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – Москва, 1975. – С. 234–407.
31. Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства / Пер. с франц. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 376 с.
32. Безрукова О. Н. Ценности родительства: структура, типы, ресурсы / О. Н. Безрукова // Социологические исследования. – 2016. – № 3. – С. 118–127.
33. Беликов В. И. Социоллингвистика: учебник для бакалавриата и магистратуры / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2016. – 338 с.
34. Белов В. И. Лад. Очерки народной эстетики / предисл. С. Н. Семанов; отв. ред. О. А. Платонов. – Москва : Институт русской цивилизации, 2013. – 512 с.
35. Белозерова А. В. Языковая репрезентация коммуникативного поведения инициатора конфликта в англоязычном художественном тексте : гендерный аспект : дис. ... канд. филол. наук / А. В. Белозерова ; Нижегород. гос. лингвист. ун-т им. Н. А. Добролюбова. – Иваново, 2016. – 210 с.
36. Белоус Н. А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве : семантические и прагматические аспекты : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. А. Белоус ; Кубан. гос. ун-т. – 2008, Краснодар. – 50 с.
37. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура : Этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович – Москва : Индрик, 2007. – 600 с.
38. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти / Р. М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – Москва, 1987. – С. 88–125.
39. Богданов В. В. Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты : учеб. пособие / В. В. Богданов. – Л. : ЛГУ, 1990. – 87 с.
40. Болдырев Н. Н. Категориальное значение глагола : системный и функциональный аспекты / Болдырев Н. Н. – Санкт-Петербург : РГПУ им. А. И. Герцена, 1994. – 171 с.
41. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : ТГУ им. Г. Р. Державина, 2001. – 123 с.

42. Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – №1. – С. 18–36.
43. Бондаренко Е. В. Межкультурная семейная коммуникация как особый тип общения : дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Бондаренко ; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2010. – 191 с.
44. Борисова И. Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге / И. Н. Борисова // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург, 1996. – С. 21–48.
45. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог : структура и динамика / И. Н. Борисова. – Екатеринбург, 2001. – 320 с.
46. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог : Структура и динамика / И. Н. Борисова. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. – 320 с.
47. Борисова И. Н. Структура и динамика дискурса в потенциально конфликтной ситуации / И. Н. Борисовна // Речевая конфликтология: учебное пособие; отв. ред. М. Я. Дымарский. – Санкт-Петербург : РГУПУ им. А. И. Герцена, 2008. – С. 33–69.
48. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – Москва : Язык русской культуры, 1997 – 576 с.
49. Булыгина Т. В. Оценочные речевые акты извне и изнутри / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – Москва : Наука, 1994. – С. 49–59.
50. Бутто О. Л. Репрезентация концептов “семья”, “брак”, “жена” в итальянской лингвокультуре: на материале языка итальянской литературы второй половины XX – начала XXI веков : дис. ... канд. филол. наук / О. Л. Буттою ; Адыг. гос. ун-т. – Майкоп, 2010. – 189 с.
51. Быкова О. Н. Речевая (языковая, вербальная) агрессия: материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» / О. Н. Быкова //

- Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. – 1999. – Вып. 1 (8). – С. 96–99.
52. Бэрн Р. Агрессия / Р. Бэрн, Ричардсон Д. – Санкт-Петербург : Питер, 1999. – 352 с.
53. Валеева Д. Р. Репрезентация концепта «дом» в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук / Д. Р. Валеева ; Казан. (Приволж.) федер. ун-т – Казань, 2010. – 180 с.
54. ван Дейк Т. А. Язык. Познание. коммуникация: пер. с англ. / сост. В. В. Петрова; под ред. В. И. Герсимова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. – Москва : Прогресс, 1989. – 312 с.
55. ван Дейк Т. А. Стратегия понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. – 1988. – Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – С. 153–211.
56. Вахштайн В. С. Теория фреймов как инструмент социологического анализа повседневного мира: автореф. дис. ... канд. социо. наук / В. С. Вахштайн ; Гос. ун-т – Выс. шк. эко. – Москва, 2007. – 45 с.
57. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
58. Верещагин Е. М. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция рече-поведенческих тактик / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – Москва, 1999. – 84 с.
59. Верещагин Е. М. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров; под ред. и с последствием академика Ю. С. Степанова. – Москва : Индрик, 2005. – 1040 с.
60. Виноградова Л. Н. Новобрачная в доме мужа : Стереотипы этикетного и ритуального поведения / Л. Н. Виноградова // Логический анализ языка : Языки этики. – 2000. – С. 325–331.

61. Виноградова Л. Н. Символический язык вещей: веник (метла) в славянских обрядах и верованиях / Л. Н. Виноградова, С. М. Толстая // Символический язык традиционной культуры. Балканские чтения-II. – Москва, 1993. – С. 3–36.
62. Винокур Т. Г. О языке современной драматургии/ Т. Г. Винокур //Языковые процессы современной художественной литературы. Проза. — Москва : АН СССР, Ин-т рус. яз. : Наука, 1977. – С. 130–197.
63. Витгенштейн Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн; пер. с нем. Л. Добросельского – Москва : АСТ : Астрель, 2011 – 347 с.
64. Вишнякова Н. Ф. Конфликтология / Н. Ф. Вишнякова. – Минск : Университетское, 2002. – 282 с.
65. Вознесенская Ю. В. Речевые стратегии конфликта в немецкой политической коммуникации: на материале парламентских дебатов в Бундестаге : дис. ... канд. филол. наук / Ю. В. Вознесенская ; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2010. – 185 с.
66. Войлова К. А. Судьба просторечия в русском языке : дис. ... д-ра. филол. наук / К. А. Войлова ; Мос. пед. ун-т. – Москва, 2000. – 444 с.
67. Волкова Я. А. Лингвокультурный типаж «злая свекровь» / Я. А. Волкова // Лингвокультурные типажы : признаки, характеристики, ценности : коллект. моногр. – Волгоград : Парадигма, 2010. – С. 177–183.
68. Волосухина Н. В. К вопросу о трактовке понятий «концепт» и «фрейм» в современной лингвистике // Университетские чтения – 2010 : мат-лы научно-методических чтений ПГЛУ. – Пятигорск: ПГЛУ, 2010. – Часть 3. – С. 41–46.
69. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценка / Е. М. Вольф. – Москва : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
70. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф; отв. ред. Г. В. Степанов. – Москва : Наука, 1985. – 228 с.
71. Воронцова Т. А. Молчание как маркер агрессивного речевого поведения (на материале бытового общения) / Т. А. Воронцова // Филологический класс. – 2017. – Номер 3. – С. 29–33.

72. Воронцова Т. А. Речевая агрессия : коммуникативно-дискурсивный подход : дис. ... д-ра. филол. наук / Т.А. Воронцова ; Челяб. гос. ун-т. – Челябинск, 2006. – 296 с.
73. Гайда С. Жанры разговорных высказываний / С. Гайда // Жанры речи. – 1999. – Т. 2. – С. 103–111.
74. Гайденко П. П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке / П. П. Гайденко. – Москва : Прогресс-Традиция, 2006. – 464 с.
75. Гетте Е. Ю. Речевое поведение в гендерном аспекте: проблемы теории и методики описания: дис. ... канд. филол. наук / Е. Ю. Гетте ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2004. – 268 с.
76. Гибатова Г. Ф. Семантическая категория оценки и средства ее выражения в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. Ф. Гибатова ; Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 1996. – 15 с.
77. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. – Москва : Прогресс, 1992. – 218 с.
78. Голев Н. Д. Правое регулирование речевых конфликтов и юрислингвистическая экспертиза конфликтных текстов / Н. Д. Голев // Правовая реформа в Российской Федерации : общетеоретические и исторические аспекты. – Барнаул : Алтай. гос. ун-т., 2002. – С. 110–123.
79. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое пространство личности / Е. И. Головаха, А. А. Кроник. – Киев, 1984. – 131 с.
80. Гольдин В. Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи / В. Е. Гольдин // Жанры речи. – 1997. – № 1. – С. 23–34.
81. Гольдин В. Е. Жанровая организация речи в аспекте социальных взаимодействий / В. Е. Гольдин, О. Н. Дубровская // Жанры речи. – 2002. – № 3 – С. 5–18.
82. Горбань И. В. Роль паремий в речевых актах : на материале языка русской художественной литературы: дис. ... канд. филол. наук / И. В. Горбань ; Сарат. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов, 2010. – 201 с.

83. Горелов И. Н. Основы психолингвистики: учебное пособие / И. Н. Горелов, К. Ф. Седов. – Москва : Лабиринт, 1997. – 224 с.
84. Городецкий Б. Ю. и др. К типологии коммуникативных неудач / Б. Ю. Городецкий, И. М. Кобозева, И. Г. Сабурова // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. – Новосибирск, 1985. – С. 64–78.
85. Городецкий Б. Ю. От лингвистики языка – к лингвистике общения / Б. Ю. Городецкий // Язык и социальное познание. – Москва : Центр. совет филос. семинаров при Президиуме АН СССР, 1990. – С. 39-56.
86. Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента / Е.И. Горошко. – М.-Харьков : Ра-Каравелла, 2001. – 320 с.
87. Гофман И. Анализ фреймов : пер. с англ. / под ред. Г. С. Батыгина и Л. А. Козловой. – Москва : Ин-т социологии РАН, 2003. – 752 с.
88. Грайс Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 217–237.
89. Гришина Н. В. Психология конфликта / Н. В. Гришина. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 544 с.
90. Гулакова И. И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения : дис. ... канд. филол. наук / И. И. Гулакова ; Орл. гос. ун-т. – Орел, 2004. – 151 с.
91. Гулканян М. К. Этнокультурная и языковая специфика реализации концептов FAMILY, семья : дис. ... канд. филол. наук / М. К. Гулканян ; Татар. гос. гуманитар.-пед. ун-т. – Казань, 2010. – 214 с.
92. Гуняшова Г. А. Концепт FAMILIE в немецкой языковой картине мира : на материале текстов нормативного и публицистического дискурсов : дис. ... канд. филол. наук / Г. А. Гуняшова ; Барнаул. гос. пед. ун-т. – Кемерово, 2007. – 251 с.
93. Гурко Т.А. Брак и родительство в России / Т. А. Гурко. – Москва : Институт социологии РАН, 2008. – 325 с.

94. Гюрджян Н. С. Речевые манифестации когнитивного конфликта в диалоге : на материале английского и русского языков : дис. ... канд. филол. наук / Н. С. Гюрджян ; Пятигор. гос. лингвист. ун-т. – Пятигорск, 2008. – 198 с.
95. Дадян С. Р. Конфликтный диалог в художественном произведении : на материале англоязычной художественной литературы XX – начала XXI в. : дис. ... канд. филол. наук / С. Р. Дадян ; Юж. федер. ун-т. – Ростов-на-Дону, 2012. – 179 с.
96. Дементьев В. В. непрямая коммуникация / В. В. Дементьев. – Москва : Гнозис, 2006. – 500 с.
97. Дементьев В. В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. – Москва : Знак, 2010. – 600 с.
98. Демьянков В. З. Когнитивизм, когниция, язык и лингвистическая теория / В. З. Демьянков // Язык и структуры представления знаний. – 1992. – С. 39–77.
99. Демьянков В. З. Конвенции, правила и стратегии общения (Интерпретирующий подход к аргументации) / В. З. Демьянков // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1982. – Т. 41. – № 4. – С. 327–337.
100. Демьянков В. З. Понимание как интерпретирующая деятельность / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 58–67.
101. Дмитриев А. В. Конфликтология : учеб. / А. В. Дмитриев. – Москва : Альфа-М., 2009. – 336 с.
102. Добровольская Е. В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира : дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Добровольская ; Том. гос. ун-т. – Новосибирск, 2005. – 203 с.
103. Доронина С. В. «Насмешка» в зеркале обыденного метаязыкового сознания / С. В. Доронина // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. – Томск, 2009. – С. 202–213.
104. Дубровская О. Н. Имена сложных речевых событий в русском и английском языках : дис. ... канд. филол. наук / О. Н. Дубровская ; Сарат. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2001. – 240 с.

105. Дубровская О. Н. Сложные речевые события и речевые жанры / О. Н. Дубровская // Жанры речи. – Саратов : Колледж, 1999. – Вып.2. – С. 97–102.
106. Дубровская О. Н. Теоретические вопросы изучения сложных речевых событий на текстовом материале : когнитивный аспект / О. Н. Дубровская // Изв. Саратов. ун-та. – 2008. – Т.8. Сер. : Филология. Журналистика. – Вып. 1. – С. 3–9.
107. Дубровская Т. В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русском и английском речевом общении : дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Дубровская ; Сарат. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2003. – 233 с.
108. Дускаева Л. Р. Диалог / Л. Р. Дускаева // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2014. – С. 127–128.
109. Дымарский М. Я. Предисловие / М. Я. Дымарский // Речевая конфликтология: учебное пособие / отв. ред. М. Я. Дымарский. – Санкт-Петербург : РГУПУ им. А. И. Герцена, 2008. – С.3–5.
110. Дьячук А. А. Соотношение психических структур переживания времени и осуществления деятельности / А. А. Дьячук // Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева. – 2010. – Номер 2. – С. 120–123.
111. Ермакова О. П., Земская Е. А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) / О. П. Ермакова, Е. А. Земская // Русский язык в его функциональных разновидностях. Коммуникативно-прагматический аспект. – Москва : Наука, 1993. – С. 30–65.
112. Ершова В. Е. Речевое взаимодействие в условиях конфликта: ситуационный подход (на материале ток-шоу и теледебатов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. Е. Ершова ; Нац. исслед. Том. гос. ун-т. –Томск, 2013. – 19 с.
113. Ефремов В. А. «Мужчина» и «женщина» в русской языковой картине мира / В. А. Ефремов. – Санкт-Петербург : РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. – 184 с.

114. Жаботинская С. А. Когнитивная лингвистика: принципы концептуального моделирования / С. А. Жаботинская // Лінгвістичні студії. – Черкаси : Січ, 1997. – Вип. II. – С. 3–11.
115. Жданова Е. В. Взаимодействие речевых стратегий и психолингвистического типажа коммуникантов (на материале русской и английской литературы конца XIX в. – конца XX в.) : дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Жданова ; Кубан. гос. ун-т. – Пятигорск, 2008. – 438 с.
116. Железнова Ю. В. Лингвокогнитивное и лингвокультурное исследование концепта «Семья» : дис. ... канд. филол. наук / Ю. В. Железнова ; Удмурт. гос. ун-т. – Ижевск, 2009. – 205 с.
117. Жельвис В. И. Поле брани : Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. – изд. второе, перераб. и доп. / В. И. Жельвис. – Москва : Ладомир, 2001. – 349 с.
118. Жельвис В. И. Психолингвистическая интерпретация инвективного воздействия: дис. ... д-ра филол. наук / В. И. Жельвис ; Ин-т языкознания. – Москва, 1991. – 352 с.
119. Жмурин И. Е. Личностные детерминанты супружеского конфликта (психоаналитический подход): моногр. / И. Е. Жмурин. – Москва : МГОУ, 2013. – 218 с.
120. Журавлев А. Л. Социально-психологическое пространство личности / А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. – Москва : Ин-т психологии РАН, 2012. – 496 с.
121. Жучков Д. О Речевой акт угрозы как объект прагмалингвистического анализа (на материале английского языка) : авторе. дис. ... канд. филол. наук / Д.О. Жучков ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2010. – 23 с.
122. Зализняк Анна А. и др. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. / Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – Москва : Языки славянской культуры, 2005. – 540 с.
123. Залысин И. Ю. Динамика политических конфликтов / И. Ю. Залысин // Социально-политические науки. – 2014а. – Вып.3. – С. 49–52.

124. Залысин И. Ю. Предконфликтная ситуация в насильственных политических конфликтах / И. Ю. Залысин // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2014б. – №. 5. – С. 49–52.
125. Занадворова А. В. Функционирование русского языка в малых социальных группах: речевое общение в семье : дис. ... канд. филол. наук / А. В. Занадворова ; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – Москва, 2001. – 172 с.
126. Занегина Н. Н. Концепт “семья” в русском литературном языке и принципы его описания : дис. ... канд. филол. наук / Н. Н. Занегина ; Моск. гос. лингвист. ун-т. – Москва, 2011. – 254 с.
127. Захарова А. Г. Прецедентное имя *Robin hood* как событийные фрейм / А. Г. Захаров // Вестн. МГЛУ. – 2016. – № 7 (746). – С. 75–86.
128. Здравомыслова О. М. Поведение людей в семье / О. М. Здравомыслова // Базовые ценности россиян : Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. – Москва : Дом интеллектуальной книги, 2003. – С. 207–220.
129. Зернецкий П. В. Лингвистические аспекты теории речевой деятельности / П. В. Зернецкий // Языковое общение: процессы и единицы. – Калинин, 1988. – С. 36–41.
130. Иванова А. А. Мой дом – моя крепость / А. А. Иванова // Русская словесность. – 1998. – № 1. – С. 2–6.
131. Иванова Д. В. Речевые способы преодоления конфликта : на материале русского и английского языков : дис. ... канд. филол. наук / Д. В. Иванова ; Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2010. – 182 с.
132. Иванова Е. В. Пословичная концептуализация мира: На материале английских и русских пословиц : дис. ... д-ра. филол. наук / Е. В. Иванова ; С.-Петербург. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2003. – 415 с.
133. Иванова З. М. Языковая агрессия в произведениях Э. Лимонова / Иванова З. М. // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения : научно-метод. бюллетень. – Красноярск-Ачинск : КрасГУ, 1997. – Вып. 4. – С. 34–35.

134. Иванова С. В. Лингвокультурология и лингвокогнитология : сопряжение парадигм : учебное пособие / С. В. Иванова. – Уфа : РИО БашГУ, 2004. – 152 с.
135. Иванова С. В. Сценарный фрейм как когнитивная основа текстов прецедентного жанра «лимерик» / С. В. Иванова, О. Е. Артемова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 3 (006). – С. 46–52.
136. Ивин А. А. Логика и ценности / А. А. Ивин // Мышление, когнитивные науки, искусственный интеллект. – Москва, 1988. – С. 39–47.
137. Ильин И. А. Путь духовного обновления / И. А. Ильин. – Директ-Медиа, 2012. – 290 с.
138. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Москва : ЛКИ, 2008. – 288 с.
139. Иссерс О. С. Речевое воздействие: учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью» / О. С. Иссерс. – Москва : Флинта, 2016. – 224 с.
140. Казарцева О. М. Культура речевого общения: теория и практика обучения / О. М. Казарцева. – Москва : Флинта : Наука, 2000. – 495 с.
141. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант. – Москва : Мысль, 1994. – 296 с.
142. Капанадзе Л. А. Семейный диалог и семейные номинации / Л. А. Капанадзе // Язык и личность. – Москва, 1989. – С. 100–104.
143. Кара-Мурза Е. С. Лингвоправовой конфликт как объект исследования в лингвоконфликтологии / Е. С. Кара-Мурза // Юрислингвистика. – 2010. – №. 10. – С. 114–123.
144. Карабанова О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учеб. пособие / О. А. Карабанова. – Москва : Гардарики, 2005. – 320 с.
145. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград-Архангельск, 1996. – С. 3–16.
146. Карасик В. И. Языковая личность и категории языка / В. И. Карасик // Языковая личность : проблемы значения и смысла. – 1994. – С. 14–24.

147. Карасик В. И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
148. Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности / Ю. Н. Караулов // Русский ассоциативный словарь. Книга 1 Прямой словарь : от стимула к реакции. – Москва, 1994. – С.191 – 218.
149. Каримова И. Р. Коммуникативная организация драматического произведения (на материале пьес А. Галича, В. Максимова, А. Вампилова) : авторе. дис. ... канд. филол. наук / И. Р. Каримова ; Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. – 2004, Казань. – 19 с.
150. Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей / Д. Карнеги. – Москва : Прогресс, 1992. – 714 с.
151. Категория родства в языке и культуре / отв. редактор С. М. Толстая. – Москва : Индрик, 2009. – 312 с.
152. Кидямкина С. А. Семиосфера семейных аномалий в современной русской лингвокультуре (на материале текстов художественной литературы конца 20-го – начала 21-го вв.) : дис. ... канд. филол. наук / С. А. Кидямкина ; Рос. ун-т дружбы народов. – Москва, 2014. – 177 с.
153. Киреева Е. З. Концепт “Семья” в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» : дис. ... канд. филол. наук / Е. З. Киреева ; Елец. гос. ун-т им. И.А. Бунина. – Тула, 2008. – 98 с.
154. Кириллина А. В. Гендер: лингвистические аспекты / А. В. Кириллина. – Москва, 1999. – 155 с.
155. Китайгородская М. В. Речь москвичей : коммуникативно-культурологический аспект / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – Москва, 1999. – 396 с.
156. Клюев Е. В. Речевая коммуникация / Е. В. Клюев. – Москва : РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 320 с.
157. Клюев Е. В. Речевая коммуникация: учебное пособие для университета и вузов / Е. В. Клюев. – Москва : ПРИОР, 1998. – 224 с.

158. Ковшова М. Л. Культурно-национальная специфика фразеологических единиц: Когнитивные аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Л. Ковшова ; Ин-т языкознания РАН. – Москва, 1996. – 22 с.
159. Ковшова М. Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / М. Л. Ковшова ; Ин-т языкознания РАН. – Москва, 2009. – 48 с.
160. Козырев Г. И. Введение в конфликтологию: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Г. И. Козырев. – Москва : ВЛАДОС, 2001. – 176 с.
161. Комалова Л. Р. Диагностика уровня конфликтности предконфликтной коммуникации (по просодическим параметрам) / Л. Р. Комалова // Вестн. МГЛУ. – 2010. – Вып.13 (592). – С. 100–114.
162. Комина Н. А. Коммуникативно-прагматический аспект английской диалогической речи : дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Комина ; Калинин. гос. ун-т. – Калинин, 1984. – 195 с.
163. Комина, Н. А. Систематика коммуникативно-прагматических типов высказывания / Н. А. Комина // Прагматические аспекты функционирования языка. – Барнаул : Алтай. гос. университет, 1983. – С. 93–101.
164. Кон И. С Социологическая психология / И. С. Кон. – Москва : Моск. психол.-социал. ин-т; Воронеж : МОДЭК, 1999. – 560 с.
165. Коноваленко И. В. Роль гендерного фактора в коммуникативном поведении женщин и мужчин : дис. ... канд филол. наук / И. В. Коноваленко ; Омск. гос. ун-т. – Омск, 2003. – 136 с.
166. Конфликтология: учебное пособие для бакалавров / отв. ред. А. Я. Гуськов. – Москва : Проспект, 2013. – 176 с.
167. Королева О. П. Прагматика инвективного общения в англоязычном социуме : На материале британского ареала : дис ... канд. филол наук / О. П. Королева ; Нижегор. гос. лингвист. ун-т им. Н. А. Добролюбова. – Нижний Новгород, 2002. – 196 с.
168. Королькова А. В. Функциональные различия афризмов – послови и поговорок / А. В. Королькова // Фразеологизм и слово в

- национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты) : Междунар. научно-практическая конф., посвященная юбилею д. ф. н., проф. А. М. Мелерович (Кострома, 20-22 марта 2008 г.). – Москва : Элпис, 2008. – С. 80 – 84.
169. Кострубина Е. А. Гиперконцепт Семья/Дом – Family/Home в русской и английской лингвокультурах : дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Кострубина ; Ин-т языкознания РАН. – Омск, 2011. – 159 с.
170. Кох И. А. Конфликтология / И. А. Кох. – Екатеринбург : УрО РАН, 1997. – 150 с.
171. Кошарная С. А. В зеркале лексикона: введение в лингвокультурологию / С. А. Кошарная. – Белгород : БелГУ, 1999. – 141 с.
172. Кошкарлова Н. Н. Лингвистические механизмы речевой агрессии в СМИ / Н. Н. Кошкарлова // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2009. – № 10 (148). Филология. Искусствоведение. – Вып. 30. – С. 48–52.
173. Кошкарлова Н.Н. Конфликтный и кооперативный типы русскоязычного дискурса в межкультурном политическом пространстве : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н.Н. Кошкарлова ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2015. – 48 с.
174. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах / Н. А. Красавский. – Волгоград : Перемена, 2001. – 495 с.
175. Красных В. В. Структура коммуникации в свете лингво-когнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст) : дис. ... д-ра филол. наук / В. В. Красных ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – Москва, 1999. – 448 с.
176. Крейдлин Г. Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации / Г. Е. Крейдлин. – Москва : Языки славянской культуры, 2005. – 224 с.
177. Кронгауз М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика / М. А. Кронгауз. – Москва : Шк. «Языки рус. Культуры», 1998. – 286 с.
178. Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л. П. Крысин. – Москва : Наука, 1989. – 186 с.

179. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – Москва, 2000. – С. 384–408.
180. Кубрякова Е. С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» / Е. С. Кубрякова // Вестн. ВГУ, Сер. : лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2001. – Вып. 1. – С. 4–10.
181. Кукушкина Е. Ю. Домашний язык в семье / Е. Ю. Кукушкина // Язык и личность. – Москва : НАУКА, 1989. – С. 96–100.
182. Купина Н. А. Собственно речевые и речеповеденческие конфликты: их источники и проблемы лингвистической диагностики / Н. А. Купина, И. В. Шалина // Речевая конфликтология: учебное пособие. – Санкт-Петербург : РГУПУ им. А.И. Герцена, 2008. – С.17–32.
183. Кушкова А. Н. Крестьянская ссора: опыт изучения деревенской повседневности: по материалам европейской части России второй половины XIX – начала XX век / А. Н. Кушкова. – Санкт-Петербург : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2016. – 318 с.
184. Ланских А. В. Речевое поведение участников реалити-шоу: коммуникативные стратегии и тактики : дис. ... канд. филол. наук / А. В. Ланских ; Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького. – Екатеринбург, 2008. – 183 с.
185. Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя: избр. статьи / Б. А. Ларин. – Ленинград : Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1974. – 285 с.
186. Левонтина И. Б. Попречный кус / И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. – Москва : Языки славянской культуры, 2005. – С. 358–362.
187. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. – Москва : Смысл, 1997. – 287 с.
188. Леонтьева Т. В. Модели и сферы репрезентации социально-регулятивной семантики в русской языковой традиции : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. В. Леонтьева ; Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. – Екатеринбург, 2015. – 40 с.

189. Ли В. С. О категориальном статусе инфинитива и событийных имен / В. С. Ли // Фортунатовский сб. : Мат-лы науч. конф., посвященной 100-летию Московской лингвистической школы 1897–1997 гг. – Москва : Эдиториал УРСС, 2000. – С. 146–151.
190. Ли Ли Фразеология в русской языковой картине мира на примере концепта «ДОМ» с позиции носителя китайского языка и культуры : дис. ... канд. филол. наук / Ли Ли ; Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. – Москва, 2006. – 162с.
191. Лингвистика и аксиология : этносемиотрия ценностных смыслов : коллект. моногр. – Москва : ТЕЗАУРУС, 2011. – 352 с.
192. Логинов А. В. Толерантность : некоторые теоретические проблемы философии и педагогики / А. В. Логинов // Толерантность как практическая философия педагогики. – Екатеринбург : Полиграфист, 2005. – Вып. 14. – С. 74–99.
193. Ломтев Т. П. Конструктивное построение смыслов имен с помощью комбинаторной методики (термины родства в русском языке) / Т. П. Ломтев // Филологические науки. – 1964. – №. 2. – С. 108–120.
194. Лукашевич Е. В. Когнитивная семантика : эволюционно – прогностический аспект: моногр. / Е. В. Лукашевич. – Барнаул : Алтай. ун-т, 2002. – 234 с.
195. Лукьянова Н. А. О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность / Н. А. Лукьянова // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – 1976. – №. 5. – С. 20–32.
196. Лютянская М. М. Языковая реализация концептосферы “Родственные отношения” в английской языковой картине мира новоанглийского периода: дис. ... канд. филол. наук / М. М. Лютянская ; С.-Петербург. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2009. – 164 с.
197. Ляпон М. В. Из истории выражения модальности в русском языке (На материале сочинения Курбского) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. В. Ляпон ; АН СССР. Ин-т рус. яз. – Москва, 1971. – 23 с.
198. Макаров М. Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе / М. Л. Макаров. – Москва, 1998. – 199 с.

199. Макаров М. Л. Языковое общение в малой группе : Опыт интерпретативного анализа дискуса : дис. ... д-ра филол. наук / М. Л. Макаров ; Тверской ун-т. – Тверь, 1997. – 443 с.
200. Маркелова Т. В. Оценка и оценочность / Т. В. Маркелова // Семантическая структура слова и высказывания. – Москва : Наука, 1993. – С. 107–113.
201. Матвеева М. В. Концепт семья и его репрезентация в русском языке : дис. ... канд. филол. наук / М. В. Матвеева ; Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. – Тамбов, 2007. – 249 с.
202. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. – 562 с.
203. Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т. В. Матвеева. – Москва : Флинта : Наука, 2003. – 432 с.
204. Махина Л. А. Вербальные и невербальные средства выражения коммуникативно-прагматической категории «враждебность» в конфликтных текстах : на материале современного немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук / Л. А. Махина ; Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2017. – 215 с.
205. Медведева А. В. Концепт ДОМ в русской и английской концептосферах / А. В. Медведева // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 98–114.
206. Минский М. Структура для представления знаний / М. Минский // Психология машинного зрения. – Москва, 1978. – С. 249–338.
207. Минский М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. пер. с англ. О. Н. Гринбаума; под ред. Ф. М. Кулакова. – Москва : Энергия, 1979. – 151 с.
208. Михалева М. В. Структура и содержание концепта брак/marriage в языковом сознании русских и американцев : дис. ... канд. филол. наук / М. В. Михалева ; Кур. гос. ун-т. – Курск, 2009. – 150 с.
209. Михальская А. К. Основы риторики: Мысль и слово : учеб. пособие для учащихся 10-11 кл. общеобразоват. учреждений / А. К. Михальская. – Москва : Просвещение, 1996. – 416 с.

210. Михальская А. К. Речевое событие / А. К. Михальская // Педагогическое речеведение. Словарь-справочник / под ред. Т. А. Ладыженской и А. К. Михальской. – Москва : Флинта, 1998. – С. 193–194.
211. Моисеев Д. А. Нравственные основы семейной жизни. 10 класс : экспериментальное учеб. пособие с мультимедийным приложением / Д. А. Моисеев, Н. Н. Крыгина. – Екатеринбург : Екатеринбургская епархия ; Ульяновск : ИНФОФОНД, 2010. – 210 с.
212. Москвин В. П. Аргументативная риторика : теоретический курс для филологов / В. П. Москвин. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2008. – 637 с.
213. Мулькеева В. О. Речевые стратегии конфликта и факторы, влияющие на их выбор : дис. ... канд. филол. наук / В. О. Мулькеева ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2005. – 190 с.
214. Муравьева Н. В. Речевые механизмы коммуникативных конфликтов : На материале текстов массовой информации : дис. ... д-ра филол. наук / Н. В. Муравьева ; Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. – Москва, 2002. – 451 с.
215. Мурзин Л. Н., Штерн А. С. Текст и его восприятие / Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн. – Свердловск: Урал. ун-т, 1991. – 172 с.
216. Мурьянов М. Ф. Время : понятие и слово / М. Ф. Мурьянов // Вопросы языкознания. – 1978. – № 2. – С. 52–66.
217. Нартова-Бочавер С. К. Психологическое пространство личности / С. К. Нартова-Бочавер. – Москва : Прометей, 2005. – 312 с.
218. Неклюдов С. Ю. Вещественные объекты и их свойства в фольклорной картине мира / С. Ю. Неклюдов // Признаковое пространство культуры. – Москва : Индрик, 2002. – С. 21-31.
219. Никитин М. В. Развернутые тезисы о концептах / М. В. Никитин // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1 (001). – С. 53–64.
220. Никонова Ж. В. Фреймовый анализ как метод лингвистического описания вербальных структур / Ж. В. Никонова // Вестн. ТГУ. – 2007. – Вып. 6 (50). – С. 229–234.
221. Никтовенко Е. Ю. Семантика конфликтосодержащих паремий и афоризмов в

- лингвокогнитивном и лингвокультурном аспектах: на материале русского и английского языков : дис. ... канд. филол. наук / Е. Ю. Никтовенко ; Кабард.-Балкар. гос. ун-т им. Х. М. Бербекова. – Краснодар, 2015. – 185 с.
222. Нилова К. В. Межпоколенческая внутрисемейная коммуникация : социопсихолингвистический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук / К. В. Нилова ; Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2015. – 27 с.
223. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса : дис. ... д-ра филол. наук / А. В. Олянич ; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2004. – 602 с.
224. Орлова Н. В. Жанры разговорной речи и их «стилистическая обработка» : к вопросу о соотношении стиля и жанра / Н. В. Орлова // Жанры речи. – 1997. – №. 1. – С. 51–56.
225. Орлова Н. В. Наивная этика: лингвистические модели (на материале современного русского языка) : моногр. / Н. В. Орлова. – Омск., «Вариант-Омск», 2005. – 266 с.
226. Павиленис Р. И. Проблемы смысла: современный логико-философский анализ языка / Р. И. Павиленис. – Москва, 1983. – 286 с.
227. Падучева Е. В. Отпредикативные имена в лексикографическом аспекте / Е. В. Падучева // Научно-техническая информатика. – 1991. – Сер. 2. – № 5. – С. 21–28.
228. Падучева Е. В. Тема языковой коммуникации в сказках Л. Кэррола / Е. В. Падучева // Семиотика и информатика. – Москва, 1982. – Вып. 18. – С. 76–119.
229. Перцев А. В. Современный миропорядок и философия толерантности / А. В. Перцев // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. – Москва : Олма-Пресс, 2005. – С. 29–51.
230. Петрищева Е. Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка / Е. Ф. Петрищева. – Москва : Наука, 1984. – 222 с.
231. Пешков И. В. Введение в риторику поступка / И. В. Пешков. – Москва : Лабиринт, 1998. – 283 с.

232. Пищальникова В. А. Психопоэтика / В. А. Пищальникова. – Барнаул, 1999. – 173 с.
233. Плотникова А. М. Когнитивная семантика: учеб. пособие / А. М. Плотникова. – Екатеринбург : Урал. ун-т, 2008. – 160 с.
234. Полатовская О. С. Фрейм-сценарий как тип концептов / О. С. Полатовская // Вестн. ИГЛУ. – 2013. – № 4 (25). – С. 161–166.
235. Полюжин М. М., Венжинович Н. Ф. Когнитивная интерпретация национально-специфического подержания фразеологических единиц / М. М. Полюжин, Н. Ф. Венжинович // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. – Москва : Яз. славян. Культур, 2009. – С. 628–637.
236. Пономарева Е. Ю. Структура и особенности взаимодействия концептов оппозиции «Мир – Ссора» (на материале паремий английского языка) / Е. Ю. Пономарева // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. – 2011. – № 1. – С. 132–138.
237. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Москва : АСТ : Восток – Запад, 2010. – 314 с.
238. Попова Т. И. Телевизионное интервью : семантический и прагматический аспекты : дис. ... д-ра. филол. наук / Т. И. Попова ; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2004. – 432 с.
239. Поспелов Г. С. Предисловие / Г. С. Поспелов // Минский М. Фреймы для представления знаний. – Москва : Энергия, 1979. – С. 4–7.
240. Пригарина Н. К. Стратегия дискредитации как компонент ценностной аргументации судебной речи / Н. К. Пригарина // Изв. Волг. гос. пед. ун-та. – 2009. – №. 5. – С. 49–53.
241. Пушина Н. И., Маханькова Н. В., Широких Е. А. Речевая конфликтология: коммуникативные неудачи в межкультурной коммуникации: учеб. пособие / Н. И. Пушина, Н. В. Маханькова, Е. А. Широких. – Ижевск : Удмурт. ун-т, 2015. – 164 с.
242. Рабенко Т. Г. Ссора: речевые тактики жанра и средства их языковой реализации / Т. Г. Рабенко // Вестн. СамГУ. – 2013. – № 8/1 (109). – С. 83–88.

243. Россова А. В. Дисфемизм / А. В. Россова // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. – 1999. – Вып.1 (8). – С. 103–104.
244. Рубцова А. С. Речевое поведение личности в экстремальной ситуации (на материале англоязычной художественной литературе) / А. С. Рубцова // Rhema. Рема. – 2012. – Номер 2. – С. 64–69.
245. Рудов П. А. Информативный диалог конфликтного типа: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты : дис. ... канд. филол. наук / П. А. Рудов ; Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск, 2005. – 216 с.
246. Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. – 703 с.
247. Рухленко Н. Н. Концепт “СЕМЬЯ” в жанре семейных родословных : дис. ... канд. филол. наук / Н. Н. Рухленко ; Белгород. гос. ун-т. – Белгород, 2005. – 265 с.
248. Рытникова Я. Т. Гармония и дисгармония в открытой семейной беседе / Я. Т. Рытникова // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург. – 1996а. – С. 94–115.
249. Рытникова Я. Т. Семейная беседа: обоснование и риторическая интерпретация жанра : дис. ... канд. филол. наук / Я. Т. Рытникова ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 1996б. – 212 с.
250. Рябцева Н. К. Аксиологические модели времени / Н. К. Рябцева // Логический анализ языка. Язык и время. – Москва : Индрик. – 1997. – С. 78–95.
251. Салихова Э., Нилова К. Интразона семейной коммуникации социопсихолингвистический аспект / Э. Салихова, К. Нилова. – London, 2016. – 203 с.
252. Седов К. Ф. Агрессия как вид речевого воздействия / К. Ф. Седов // Прямая и непрямая коммуникация. – Саратов/ Колледж, 2003. – С. 196–212.
253. Седов К. Ф. Дискурс и личности: эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. – Москва : Лабиринт, 2004. – 320 с.

254. Седов К. Ф. Речевая агрессия в повседневной коммуникации / К. Ф. Седов // Речевая агрессия в современной культуре. – Челябинск : Челяб. гос. ун-т., 2005. – С. 32–41.
255. Седов К. Ф. Ссора / К. Ф. Седов // Антология речевых жанров : повседневная коммуникация. – Москва, 2007. – С. 259–268.
256. Сибирякова И. Г. Тема и жанр в разговорной речи / И. Г. Сибирякова // Жанры речи. – 1997. – №. 1. – С. 56–66.
257. Сказко А. С. Трансформация концепта «семья» в культуре России : дис. ... канд. филос. наук / А. С. Сказко ; Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь, 2005. – 172 с.
258. Складаревская Г. Н. Лексика православия в современном русском языке: опыт лексикологического анализа и лексикографического описания / Г. Н. Складаревская // Вестн. НГУ. Сер. : История. Филология. – 2012. – Т. 11. – Вып. 9: Филология. – С. 36–40.
259. Сковородников А. П. Коммуникативные стратегии и тактики / А. П. Сковородников // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А. П. Сковородникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2014. – С. 229–230.
260. Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как системное образование / Г. Г. Слышкин // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – №. 1. – С. 29–34.
261. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. / Н. Смелзер. – Москва : Феникс, 1994. – 688 с.
262. Соколова О. В. Категория фрейма в когнитивной лингвистике / О. В. Соколова // Вестн. АГТУ. – 2007. – №1 (36). – С. 236–239
263. Сологуб О. П. Современный русский официально-деловой функционально-генетический аспект: дис. ... д-ра филол. наук / О. П. Сологуб ; Кемеров. гос. ун-т – Кемерово, 2009. – 383 с.
264. Солсо Р. Когнитивная психология / Р. Солсо. – Санкт-Петербург : Питер, 2006. – 589 с.

265. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де. Соссюр. – Москва : Прогресс, 1977. – 696 с.
266. Степанов Ю. С. В поисках прагматики (проблема субъекта) / Ю. С. Степанов // Изв. АН СССР. Сер. : Литературы и языка.– 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 325–332.
267. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – Москва : Шк. «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
268. Стернин И. А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры / И. А. Стернин // Этнокультурная специфика языкового сознания. – Москва, 1996. – С. 97–112.
269. Стернин И. А. Основы речевого воздействия. учеб. издание / И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2012. – 178 с.
270. Стернин И. А. Риторика / И. А. Стернин. – Воронеж : Кварта, 2002. – 224 с.
271. Стренева Н. В. Композиционно-графический фрейм текста (на материале граффити) : дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Стренева ; Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2009. – 168 с.
272. Стросон П. Ф. Намерение и конвенция в речевых актах / П. Ф. Стросон // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – Вып. 17. – С. 130–150.
273. Сун Чжилань Фразеологизмы с компонентами номинации родства в русском языке : С позиции носителя китайского языка : дис. ... канд. филол. наук / Сун Чжилань ; Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. – Москва, 2005. – 188 с.
274. Сусов И. П. Лингвистическая прагматика [электронный ресурс] / И. П. Сусов. – Москва, 2006. – Режим доступа : <http://homepages.tversu.ru/~ips/Pragma.html> (дата обращения : 02. 03. 2017)
275. Сухих С. А. Личность в коммуникативном процессе / С. А. Сухих. – Краснодар : ЮИМ, 2004. – 156 с.
276. Сухих С. А. Речевые интеракции и стратегии / С. А. Сухих // Языковое общение и его единицы: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. И. П. Сусов. – Калинин, 1986. – С. 71–77.

277. Схалякова С. Ш. Концепты “венчание”, “брак”, “семья” как отражение русского менталитета : на материале языка произведений русской литературы : дис. ... канд. филол. наук / С. Ш. Схалякова ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2008. – 170 с.
278. Тангир К. М. Русские антиномичные афоризмы : рече-языковые аспекты конфликтности и парадоксальности : дис. ... д-ра филол. наук / К. М. Тангир ; Кубан. гос. ун-т. – Краснодар, 2007. – 415 с.
279. Тейлор Ш. и др. Социальная психология / Ш. Тейлор, Л. Пипло, Д. Сирс. – Санкт-Петербург : Питер, 2004. – 768 с.
280. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – Москва : Шк. «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
281. Темиргазина З. К. Речевые акты агрессивного характера в педагогическом дискурсе / З. К. Темиргазина // Жанры речи. – 2017. – №1 (15). – С. 51–57.
282. Толстая С. М. Пространство и время в этнолингвистической перспективе (вместо предисловия) / С. М. Толстая // Пространство и время в языке и культуре. – Москва : Индрик, 2011. – С. 7–12.
283. Третьякова В. С. Конфликт как феномен языка и речи / В. С. Третьякова // Изв. Урал. гос. ун-т. – 2003б. – № 27. – С. 143–152.
284. Третьякова В. С. Речевой конфликт и аспекты его изучения / В. С. Третьякова // Юрислингвистика. – 2004. – № 5. – С. 112–120.
285. Третьякова В. С. Речевой конфликт и гармонизация общения : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. С. Третьякова ; Моск. гос. обл. ун-т. – Москва, 2003а. – 36 с.
286. Трещева Е. Г. Образ события по данным ассоциативных экспериментов / Е. Г. Трещева // Русская устная речь. Мат-лы междунар. науч. конф. «Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения» и межвуз. совещания «Проблемы создания и использования диалектологических корпусов» (Саратов, СГУ, 15-17 ноября 2010 г.). – Саратов : Наука, 2011. – С. 69–72.

287. Трубачев О. Н. История славянских терминов родства / О. Н. Трубачев. – Москва : Академия Наук СССР, 1959. – 215 с.
288. Трубачев О. Н. О синдах и их языке / О. Н. Трубачев // Вопросы языкознания. – 1976. – № 4. – С. 39–63.
289. Трущинская А. С. Лексико-фразеологическая объективация концепта семья в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук / А. С. Трущинская ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2009. – 208 с.
290. Тураева З. Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка) : учеб. пособие [для ин-тов и фак. иностр. яз.] / З. Я. Тураева. – Москва : Высш. шк., 1979. – 219 с.
291. Усачева О. Ю. Дискурсивный анализ текстов диалогической интернет-коммуникации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / О. Ю. Усачева ; Елец. гос. ун-т им. И.А. Бунина. – Елец, 2013. – 52 с.
292. Усачева О. Ю. Конфликтный диалог в Интернете (на материале политических форумов) [Электронный ресурс] / О. Ю. Усачева. – 2005. – Режим доступа: http://www.dialog-21.ru/media/2466/usacheva_o.pdf (дата обращения: 27.11.2016).
293. Федосюк М. Ю. Средства отрицательного эмоционального воздействия на адресата в русской речи / М. Ю. Федосюк // Русский язык. – 1992. – Vol. 46. – № 153/155. – С. 23–34.
294. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики. перев. О. В. Звегинцевой / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : РАДУГА, 1983. – Вып. 12 Прикладная лингвистика. – С. 73–122.
295. Филлмор Ч. Фреймы и семантики понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка: пер. с англ. / сост., ред., вступ. ст. В. В. Петрова и В. И. Герасимова – Москва : Прогресс, 1988. – Вып. 23. – С. 53–92.
296. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н. И. Формановская. – Москва : Рус. яз., 2002. – 216 с.
297. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический

- подход / Н. И. Формановская. – Москва : Рус. яз., 2002. – 216 с.
298. Формановская Н. И. Употребление русского речевого этикета / Н. И. Формановская. – Москва : Рус. яз., 1982. – 196 с.
299. Фролова М. В. Функционирование глаголов межличностных и социальных отношений в произведениях русской литературы 20-х годов XX века : на материале текстов А. П. Платонова и М. А. Булгакова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. В. Фролова ; Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград, 2008. – 19 с.
300. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – Москва : Республика, 1994. – 624 с.
301. Хаймс Д. Х. Этнография речи / Д. Х. Хаймс // Новое в лингвистике. – Вып. 7. Социоллингвистика. – Москва, 1975. – С. 42–95.
302. Шайхуллин Т. А. Русские и арабские паремии с компонентом-наименованием родственных отношений : концептуально-семантический и этнокультурный аспекты : дис. ... д-ра филол. наук / Т. А. Шайхуллин ; Казан. (Приволж.) федер. ун-т. – Казань, 2012. – 380 с.
303. Шалина И. В. Взаимодействие речевых культур в диалогическом общении: аксиологический взгляд : дис. ... канд. филол. наук / И. В. Шалина ; Ур. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 1998. – 204 с.
304. Шалина И. В. Городское просторечие как лингвокультурный феномен / И. В. Шалина. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 456 с.
305. Шалина И. В. Уральское городское просторечие как лингвокультурный феномен: дис. ... д-ра. филол. наук / И. В. Шалина; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2010. – 434 с.
306. Шалина И. В. К проблеме описания методики лингвоаксиологического анализа (на материале диалогического общения носителей просторечной лингвокультуры) / И. В. Шалина, Ю. Б. Пикулева. – Научный диалог. – Вып. 11 (59). – 2016. – С. 121–132.
307. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук / Е. И. Шейгал ; Волгоград. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2000. – 440 с.

308. Шерозия А. Е. Диалектика, принцип дополнительности и проблема познания психологической целостности : к неклассически ориентированной стратегии научного эксперимента в психологии / А. Е. Шерозия // Бессознательное [В 4-х т]. – Тбилиси : Мецниереба, 1978. – Т. 3. – С. 751–788.
309. Шестак Л. А. Фреймовая семантика языка и текста / Л. А. Шестак // Проблемы вербализации концептов в семантике языка и текста: Мат-лы Междунар. симпозиума. – 2003. – №. 2. – С. 163–171.
310. Шкатова Л. А. Речеповеденческие стратегии и тактики в конфликтных ситуациях / Л. А. Шкатова // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности. – Москва : Олма-Пресс, 2005. – С. 389–402.
311. Шмелев А. Д. В поисках мира и лада / А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. ст. – Москва, 2005. – С. 110–129.
312. Шпильман М. В. Коммуникативная стратегия и речевая маска: на материале произведений А. и Б. Стругацких : дис. ... канд. филол. наук / М. В. Шпильман ; Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск, 2006. – 229 с.
313. Шрамм А. Н. Развитие оценочных значений у некоторых разрядов качественных прилагательных / А. Н. Шрамм // Семантика русского языка в диахронии. – 1992. – С. 132–142.
314. Щербинина Ю. В. Речевая агрессия. Территория вражды / Ю. В. Щербинина. – Москва : Форум, 2012. – 400 с.
315. Эмер Ю. А. Миромоделирование в современном песенном фольклоре: когнитивно-дискурсивный анализ: дис. ... д-ра филол. наук / Ю. А. Эмер ; Нац. исслед. Том. гос. ун-т. – Томск, 2011. – 457 с.
316. Эмер Ю. А. Фреймовая организация концепта «язык» в частушке / Ю. А. Эмер // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2009. – №. 327. – С. 34–39.
317. Эрик Берн. М. Д. Люди, которые играют в игры [электронные ресурсы] / М. Д. Эрик Берн. перевод. А. Грузберг. – Изд-во. «Эксмо», 2014. – Режим доступа:
<https://books.google.ru/books?hl=zh-CN&lr=&id=mPIPbwAAQBAJ&oi=fnd&pg=PT2&dq=%D1%8D%D1%80%D0%B8%D0%BA+%D0%B1%D0%B5%D1%80%80>

D0%BD&ots=3I7Azar34s&sig=ZojR72FgJFL3-3wCtsXqOCxyXwY&redir_esc=y#v=onepage&q&f=true (дата обращения : 05. 02. 2016).

318. Юрченко В. С. Языковое поле: лингвофилософский очерк / В. С. Юрченко. – Саратов : Саратов. пед. ин-та, 1996. – 53 с.
319. Яворская Г. М. О концепте ДОМ в украинском языке / Г. М. Яворская // Сокровенные смыслы : Слово. Текст. Культура: сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – С. 716–728.
320. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. – Москва : Гнозис, 1994. – 344 с.
321. Яковлева Е. Ю. Лингвокогнитивное пространство семейного диалога в структуре современного рассказа: дис. ... канд. филол. наук / Е. Ю. Яковлева ; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2000. – 167 с.
322. Яноу Д., ванн Хульст М. Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования / Д. Яноу, М. ван Хульст // Социологическое обозрение. – 2011. – Т. 10. – № 1–2. – С. 87–110.
323. Bartlett F. C. A theory of remembering / F. C. Bartlett // Remembering: A study in experimental and social psychology. – 1932. – P. 197–214.
324. Bateson G. Steps to an ecology of mind: Collected essays in anthropology, psychiatry, evolution, and epistemology / G. Bateson. – University of Chicago Press, 1972. – 476 p.
325. Bauman Z. Liquid love: on the frailty of human bonds / Z. Bauman. – Cambridge: Polity Press, 2003. – 162 p.
326. Beck-Gernsheim E. Reinventing the family: In search of new lifestyles / E. Beck-Gernsheim. – Cambridge: Polity Press, 2002. – 184 p.
327. Bolea P. S. Transitions to parenthood: a narrative study of intergenerational issues and family identity / P. S. Bolea . – East Lansing, Michigan, 1996. – 113 p.
328. Brent D. Ruben Communication and conflict : A system-theoretic perspective / Ruben D. Brent // Quarterly Journal of Speech. – 1978. – 64 : 2. – P. 202–210.

329. Charniak E. Organization and inference in a frame-like system of common sense knowledge / E. Charniak // Proceedings of the 1975 workshop on Theoretical issues in natural language processing, 1975. – P. 42–51.
330. Daly K. J. Deconstructing family time: from ideology to lived experience / K. J. Daly // Journal of Marriage and Family. – 2001. – Vol. 63. – Iss. 2. – P. 283–294.
331. DeBeaugrande R. A., Dressler W. U. Einführung in die Textlinguistik / R. A. Beaugrande, W. U. Dressler. – Tübingen : Niemeyer, 1981. – 63 p.
332. Fillmore C. J. Scenes-and-frames semantics / C. J. Fillmore // Linguistic structures processing, 1977. – Vol. 59. — P. 55-88.
333. Giddens A. The transformation of intimacy: sexuality, love and eroticism in modern societies / A. Giddens. – Cambridge: Polity Press, 2013. – 220 p.
334. Gillis J. R. A world of their own making. Myth, ritual, and the quest for family values / J. R. Gillis. – Cambridge: Harvard University Press, 1996. – 336 p.
335. Grice H. P. Logic and conversation / H. P. Grice // Syntax and Semantics / ed. By Peter Cole. – Vol. 3 Speech Acts. Pragmatics. – N. Y. : Acad. Press, 1975. – P. 27–59.
336. Jackendoff Ray Semantics and Cognition / Ray Jackendoff. — Cambridge, MA : MIT Press, 1983. – 283 p.
337. Jensen E.W., James S. A., Boyce W. T., Hartnett S. A. The family routines inventory: development and validation / E. W. Jensen, S. A. James, W. T. Boyce // Social Science & Medicine. – 1983. – Vol. 17. – Iss. 4. – P. 201 – 211.
338. Jerrome D. Time, change and continuity in family life / D. Jerrome // Ageing and Society. – 1994. – Vol. 14. – Iss. 1. – P. 1–27.
339. Kluckhohn C. Culture and behavior / C. Kluckhohn. – New York: Free Press of , 1962. – 402 p.
340. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by Chicago / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago University, 1980. –191 p.
341. Larson R., Richards M. H. Divergent realities: The emotional lives of mothers, fathers, and adolescents / R. Larson, M. H. Richards . – N. Y.: Basic Books, 1994. – 333 p.
342. Leech G. N. Principles of pragmatics / G. N. Leech. – London: Longman, 1983. –

250 p.

343. Miller Gerald R.; Simons Herbert W. Perspectives on Communication in Social Conflict / Gerald R. Miller, Herbert W. Simons. – Prentice-Hall, 1974. – 257 p.
344. Minsky M. A Framework for Representing Knowledge / M. A. Minsky. – New York (U. S. A.), 1975. – 81 p.
345. Morgan D. H. J. Rethinking family practices / D. H. J. Morgan. – N. Y.: Palgrave Macmillan, 2013. – 200 p.
346. Norman D. A., Rumelhart D. E. Explorations in cognition / D. A. Norman, D. E. Rumelhart. – San Francisco : Freeman, 1975. – 446 p.
347. Pleck E.H. Celebrating the family ethnicity, consumer culture, and family rituals / E. H. Pleck. – Cambridge: Harvard University Press, 2000. – 338 p.
348. Schank Roger C., Abelson Robert P. Scripts, plans, and knowledge / Roger C. Schank, Robert P. Abelson // Proceedings of the 4th international joint conference on Artificial intelligence. – 1975. – Vol. 1. – P. 151–157.
349. Schwartz S. H. Universals in the content and structure of values : Theoretical advances and empirical tests in 20 countries / S. H. Schwartz // Advances in experimental social psychology. – Academic Press, 1992. – Vol. 25. – P. 1–65.
350. Watzlawick Paul, Beavin H. Janet, Don D. Jackson Pragmatics of Human Communication / Paul Watzlawick, Janet H. Beavin, Jackson D. Don. – New York : W. W. Norton & Company, 1967. – 296 p.
351. Wolin S. J., Bennett L. A. Family rituals / S. J. Wolin, L. A. Bennett // Family Process. – 1984. – Vol. 23. – Iss. 3. – P. 401–420.